РУССКІЯ ДѢТСКІЯ СКАЗКИ,

собранныя

А. Н. Аѳанасьевымъ.

Съ картинками Н. Н. Каразина.

ИЗДАНІЕ
МАГАЗИНА „СОТРУДНИКЪ ШКОЛЪ“.
А. К. Залѣсской.
МОСКВА.

РУССКІЯ

ДѢТСКІЯ СКАЗКИ.

РУССКІЯ ДѢТСКІЯ СКАЗКИ,

СОБРАННЫЯ

А. Н. Аѳанасьевымъ.

Съ картинками Н. Н. Каразина.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

М. Н. П. допущена въ библіотеки народныхъ школъ.

Медаль Всероссійской
1882.

Медаль Всероссійск.
1896 года и медаль
Политехническ. 1872.

ИЗДАНІЕ
МАГАЗИНА
«СОТРУДНИКЪ ШКОЛЪ»
А. К. ЗАЛѢССКОЙ.
МОСКВА,
Воздвиженка, домъ Армандъ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°
Пименовская ул., соб. домъ.
1898.

Дозволено цензурою. Москва, 15 іюля 1898 г.

I. Лисичка-сестричка и волкъ.

Жилъ-себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: «ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поѣду за рыбой». Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ-себѣ, какъ мертвая.

«Вотъ будетъ подарокъ женѣ!» сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросила всю рыбу и сама ушла. «Ну, старуха»,—говоритъ дѣдъ, «какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу!«—Гдѣ?—„Тамъ на возу—и рыба, и воротникъ». Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «ахъ ты, старый хрѣнъ! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать!». Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу въ кучку, усѣлась на дорогѣ и кушаетъ себѣ. Приходитъ къ ней сѣрый волкъ: „здравствуй сестрица!»—Здравствуй, братецъ!—«Дай мнѣ рыбки!»—Налови самъ, да и кушай. «Я не умѣю».—Эка, вѣдь я же наловила! Ты, братецъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь, сиди да приговаривай: ловись рыбка и мала, и велика, ловись рыбка и мала, и велика! рыба къ тебѣ сама на хвостъ нацѣпляется: да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь и началъ приговаривать: «ловись рыбка и мала и велика! ловись рыбка и мала, и велика!» Вслѣдъ за нимъ и лиса явилась; ходитъ около волка да причитываетъ: «ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни волчій хвостъ!»—Что ты, лисичка-сестричка, говоришь? «То я тебѣ помогаю»; а сама,

плутовка, поминутно твердитъ: «мерзни, мерзни волчій хвостъ!». Долго-долго сидѣлъ волкъ у проруби, цѣлую ночь не сходилъ съ мѣста, хвостъ его и приморозило; пробовалъ было приподняться: не тутъ-то было! «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: «волкъ, волкъ! Бейте его, бейте его!». Прибѣжали и начали колотить волка—кто коромысломъ, кто ведромъ, кто чѣмъ попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, сестрица!»

Тѣмъ временемъ, пока волкъ отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей навстрѣчу: «такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!»—Эхъ, волчику-братику!—говоритъ лисичка-сестричка,—у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ, меня больнѣй твоего прибили: я насилу плетусь.—«И то правда,—говоритъ волкъ;—гдѣ ужъ тебѣ, сестрица, итти, садись на меня, я тебя довезу». Лисичка сѣла ему на спину онъ ее и повёзъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ да потихоньку напѣваетъ: «битый не битаго везетъ, битый не битаго везетъ»!—Что ты, сестрица, говоришь? «Я. братецъ, говорю: бить битаго везетъ».—Такъ, сестрица, такъ!

2. Котъ и лиса.

Жилъ-былъ мужикъ, у него былъ котъ, только такой шкодливый, что бѣда! Надоѣлъ онъ мужику. Вотъ мужикъ думалъ-думалъ, взялъ кота, посадилъ въ мѣшокъ, завязалъ и понесъ въ лѣсъ. Принесъ, бросилъ его въ лѣсу: пускай пропадаетъ! Котъ ходилъ-ходилъ и набрелъ на избушку, въ которой лѣсникъ жилъ; залѣзъ на чердакъ и полеживаетъ себѣ, а захочетъ ѣсть—пойдетъ по лѣсу птичекъ да мышей ловить, наѣстся досыта и опять на чердакъ, и горя ему мало! Вотъ однажды пошелъ котъ гулять, а навстрѣчу ему лиса; увидала кота и дивится: «сколько лѣтъ живу въ лѣсу, а такого звѣря не видывала». Поклонилась коту и спрашиваетъ: «скажись, добрый молодецъ, кто ты таковъ, какимъ случаемъ сюда зашелъ и какъ тебя по имени величать?». А котъ вскинулъ шерсть свою и говоритъ: «я изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ къ вамъ бурмистромъ, а зовутъ меня Котофей Ивановичъ». — Ахъ, Котофей Ивановичъ, — говоритъ лиса,—не знала про тебя, не вѣдала; ну, пойдемъ же ко мнѣ въ гости. Котъ пошелъ къ лисицѣ; она привела его въ свою нору и стала потчевать разною дичинкою, а сама выспрашиваетъ: «что, Котофей Ивановичъ, женатъ ты али холостъ?» — Холостъ, говоритъ котъ. «И я лисица — дѣвица, возьми меня замужъ». Котъ согласился. и начались

у нихъ пиръ да веселье. На другой день отправилась лиса добывать припасовъ, чтобы было чѣмъ съ молодымъ мужемъ жить; а котъ остался дома. Бѣжитъ лиса, а навстрѣчу ей попадается волкъ и началъ съ нею заигрывать: «гдѣ ты, кума пропадала? мы всѣ норы обыскали, а тебя не видали».— Пусти, дуракъ! я прежде была лисица-дѣвица, а теперь замужняя жена. «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?—Развѣ ты не слыхалъ, что къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ бурмистръ Котофей Ивановичъ? Я теперь бурмистрова жена! «Нѣтъ, не слыхалъ, Лизавета Ивановна. Какъ бы на него посмотрѣть?»—У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитый: коли кто не по немъ, сейчасъ съѣстъ! Ты, смотри, приготовь барана да принеси ему на поклонъ: барана-то положи, а самъ схоронись, чтобы онъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придется! Волкъ побѣжалъ за бараномъ. Идетъ лиса, а навстрѣчу ей медвѣдь и сталъ съ ней заигрывать. «Что ты, косолапый Мишка, пристаешь ко мнѣ? я прежде была лисица-дѣвица, а теперь замужняя жена».—За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла? «А который присланъ къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ бурмистромъ, зовутъ Котофей Ивановичъ,—за него и вышла».—Нельзя ли посмотрѣть его, Лизавета Ивановна? «У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитый: коли кто не по немъ, сейчасъ съѣстъ! ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклонъ; волкъ барана хочетъ принесть. Да смотри, быка-то положи, а самъ схоро-

нись, чтобы Котофей Ивановичъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придется!» Медвѣдь пошелъ за быкомъ.

Принесъ волкъ барана, ободралъ шкуру и стоитъ въ раздумьи; смотритъ, а медвѣдь быка тащитъ. «Здравствуй, братъ Михайло Ивановичъ!»—Здравствуй, братъ Левонъ! что, не видалъ лисицы съ мужемъ? «Нѣтъ, братъ, давно дожидаю».—Ступай, зови. «Нѣтъ, не пойду, Михайло Ивановичъ! Самъ иди, ты посмѣлѣй меня».—Нѣтъ братъ, Левонъ, и я не пойду. Вдругъ, откуда ни взялся, бѣжитъ заяцъ. Медвѣдь какъ крикнетъ на него: «поди-ка сюда, косой чортъ!» Заяцъ испугался, прибѣжалъ. «Ну, что. косой пострѣлъ! знаешь, гдѣ живетъ лисица?»—Знаю, Михайло Ивановичъ! «Ступай же скорѣе да скажи ей, что Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Ивановичемъ давно ужъ готовы, ждутъ тебя-де съ мужемъ, хотятъ поклониться быкомъ да бараномъ». Заяцъ пустился къ лисѣ во всю свою прыть. А медвѣдь и волкъ стали думать, гдѣ бы спрятаться. Медвѣдь говоритъ:» я полѣзу на сосну».—А мнѣ что же дѣлать? я куда дѣнусь?—спрашиваетъ волкъ.—Вѣдь я на дерево ни за что не взберусь. Михайло Ивановичъ! схорони, пожалуйста, куда-нибудь,помоги горю. Медвѣдь положилъ его въ кусты и завалилъ сухимъ листьемъ, а самъ влѣзъ на сосну, на самую макушку, и поглядываетъ, не идетъ ли Котофей съ Лисой? Заяцъ между тѣмъ прибѣжалъ къ лисицыной норѣ, постучался и говоритъ лисѣ: «Михайло Ивановичъ съ братомъ Ле-

вономъ Ивановичемъ прислали сказать, что они давно готовы, ждутъ тебя съ мужемъ, хотятъ поклониться вамъ быкомъ да бараномъ».—Ступай, косой! Сейчасъ будемъ.

Вотъ идетъ котъ съ лисою. Медвѣдь увидалъ ихъ и говоритъ волку: «ну, братъ, Левонъ Иванычъ, идетъ лиса съ мужемъ; какой же онъ маленькой!» Пришелъ котъ и сейчасъ же бросился на быка, шерсть на немъ взъерошилась, и началъ онъ рвать мясо и зубами, и лапами, а самъ мурлычетъ, будто сердится: «мало, мало!» А медвѣдь и говоритъ: «не великъ да прожористъ! намъ четверымъ не съѣсть, а ему одному мало, пожалуй, и до насъ доберется!» Захотѣлось волку посмотрѣть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать, и началъ онъ прокапывать надъ глазами листья; котъ услыхалъ, что листъ шевелится, подумалъ, что это мышь, да какъ кинется, и вцѣпился когтями въ волчью морду. Волкъ вскочилъ, да давай Богъ ноги! А котъ самъ испугался и бросился прямо на дерево, гдѣ медвѣдь сидѣлъ. «Ну, думаетъ медвѣдь, увидалъ меня!» Слѣзать-то некогда, вотъ онъ положился на Божью волю и кинулся съ дерева наземь—всѣ печенки отбилъ, вскочилъ да бѣжать. А лисица вслѣдъ кричитъ: «вотъ онъ задастъ вамъ! погодите!» Съ той поры всѣ звѣри стали кота бояться; а котъ съ лисой запаслись на цѣлую зиму мясомъ и стали себѣ жить да поживать, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

3. Медвѣдь, собака и кошка.

Гдѣ-то, на деревнѣ, была у мужика добрая собака, да какъ устарѣла, перестала и лаять и оберегать дворъ съ амбарами. Не захотѣлъ мужикъ кормить ее хлѣбомъ, прогналъ со двора. Собака ушла въ лѣсъ и легла подъ дерево издыхать. Вдругъ идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: «что ты, песъ, улегся здѣсь?—Пришелъ околѣвать съ голоду! Видишь, нынче какая у людей правда: покуда есть сила—кормятъ и поятъ, а какъ пропадетъ сила отъ старости—ну и прогонятъ со двора! «А что, песъ! хочется тебѣ ѣсть?—Еще какъ хочется-то! «Ну, пойдемъ со мною; я тебя накормлю». Вотъ и пошли. Попадается имъ навстрѣчу лошадь. «Гляди на меня!» сказалъ медвѣдь собакѣ, и сталъ лапами рвать землю. «Песъ, а песъ!—Ну, что? «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?»—Красны, медвѣдь! Медвѣдь еще сердитѣе началъ рвать землю. «Песъ, а песъ! что шерсть взъерошилась?—Взъерошилась, медвѣдь! «Песъ, а песъ! что хвостъ поднялся?—Поднялся! Вотъ медвѣдь схватилъ лошадь за брюхо; лошадь упала наземь. Медвѣдь разорвалъ ее и говоритъ: «ну, песъ! ѣшь, сколько угодно. А какъ приберешь все, приходи ко мнѣ». Живетъ себѣ собака, ни о чемъ не тужитъ; а какъ съѣла все, да проголодалась опять, побѣжала къ медвѣдю. «Ну что, братъ, съѣлъ?»—Съѣлъ; теперь

опять пришлось голодать. «Зачѣмъ голодать! Знаешь ли, гдѣ ваши бабы жнутъ?—Знаю. «Ну, пойдемъ: я подкрадусь къ твоей хозяйкѣ и ухвачу изъ зыбки ея ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Какъ отнимешь, и отнеси назадъ; она зато станетъ тебя по-старому кормить хлѣбомъ». Вотъ ладно; прибѣжалъ медвѣдь, подкрался и унесъ ребенка изъ зыбки. Ребенокъ закричалъ, бабы бросились за медвѣдемъ, догоняли-догоняли и не могли нагнать, такъ и воротились; мать плачетъ, бабы тужатъ. Откуда ни взялась собака, догнала медвѣдя, отняла ребенка и несетъ его назадъ. «Смотрите, говорятъ бабы,—старый-то песъ отнялъ ребенка!» Побѣжали навстрѣчу. Мать такъ ужъ рада-рада: «теперь, говоритъ, я эту собаку ни за что не покину!» Привела ее домой, налила молочка, покрошила хлѣбца и дала ей: «на, покушай!» А мужику говоритъ: «нѣтъ, муженекъ, нашу собаку надо беречь да кормить; она моего ребенка у медвѣдя отняла, а ты сказывалъ, что у нея силы нѣтъ!» Поправилась собака, отъѣлась: «дай Богъ, говоритъ, здоровья медвѣдю! не далъ помереть съ голоду», и стала медвѣдю первый другъ.

Разъ у мужика была вечеринка. На ту пору медвѣдь пришелъ къ собакѣ въ гости. «Здорово, песъ! ну, какъ поживаешь — хлѣбъ поѣдаешь? — Слава Богу! отвѣчаетъ собака:—не житье, а масляница. Чѣмъ же тебя потчевать? Пойдемъ въ избу; хозяева загуляли и не увидятъ, какъ ты пройдешь; а ты пройди въ избу да поскорѣй подъ печку. Вотъ

я что добуду, тѣмъ и стану тебя потчевать.—Ладно, забрались въ избу. Собака видитъ, что гости и хозяева порядкомъ перепились, и ну угощать пріятеля. Медвѣдь выпилъ стаканъ, другой и поразобрало его. Гости затянули пѣсни, и медвѣдю захотѣлось: сталъ свою заводить, а собака уговариваетъ: «не пой, не то бѣда будетъ!» Куда! медвѣдь не утихаетъ, а все громче заводитъ свою пѣсню. Гости услыхали вой, похватали колья и давай бить медвѣдя; онъ вырвался да бѣжать, еле-еле живъ уплелся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей, и ну проказить: тамъ посудину разобьетъ, тамъ молоко прольетъ. Мужикъ прогналъ кошку изъ дому, а собака видитъ, что она бѣдствуетъ безъ ѣды, и начала потихоньку носить къ ней хлѣба да мяса. Узнала про это хозяйка, принялась собаку бить, била-била, а сама приговаривала: «не таскай кошкѣ говядины, не носи кошкѣ хлѣба!» Вотъ дня черезъ три вышла собака со двора и видитъ, что кошка совсѣмъ съ голоду издыхаетъ. «Что съ тобой?» —Съ голоду помираю; потуда и сыта была,

покуда ты меня кормила. «Пойдемъ со мной». Вотъ и пошли. Приходитъ собака къ табуну и начала копать землю лапами, а сама спрашиваетъ: «кошка, а кошка! что, глаза мои красны?—Ничего не красны. «Говори, что красны». Кошка и говоритъ: красны. «Кошка, а кошка! что, шерсть ощетинилась?»—«Нѣтъ, не ощетинилась». «Говори, дура, что ощетинилась!» «Ну, ощетинилась». «Кошка, а кошка! что, хвостъ поднялся?» «Ничего не поднялся». «Говори, дура, что поднялся!» «Ну, поднялся». Собака какъ бросится на лошадь, а лошадь какъ ударитъ ее задомъ, у собаки и духъ вонъ! «Вотъ, теперь, говоритъ кошка, и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась и хвостъ завился. Прощай. братъ собака! и я пойду помирать».

4. Собака и дятелъ.

Были-жили мужикъ да баба и не знали, что такое работа; а была у нихъ собака; она ихъ и кормила и поила. Но прошло время, стала собака стара; куда ужъ тутъ кормить мужика съ бабой! чуть сама съ голоду не пропадаетъ. «Послушай, старикъ, говоритъ баба: возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони; пусть идетъ куда хочетъ. Теперь она намъ ненадобна! Было время, кормила насъ, ну и держали ее». Взялъ старикъ собаку, вывелъ за деревню и прогналъ прочь. Вотъ собака ходитъ себѣ по чистому полю, а домой итти

боится: старикъ со старухою станутъ бить-колотить. Ходила-ходила, сѣла наземь и завыла крѣпкимъ голосомъ. Летѣлъ мимо дятель и спрашиваетъ: «о чемъ ты воешь?»—Какъ не выть мнѣ, дятелъ! Была я молода, кормила-поила старика со старухою; стала стара, они меня и прогнали. Не знаю, гдѣ вѣкъ доживать.—«Пойдемъ ко мнѣ, карауль моихъ дѣтушекъ, а я кормить тебя стану». Собака согласилась и побѣжала за дятломъ. Дятелъ прилетѣлъ въ лѣсъ къ старому дубу, а въ дубѣ было дупло, въ дуплѣ дятлово гнѣздо. «Садись около дуба, говоритъ дятелъ, никого не пускай, а я полечу разыскивать корму». Собака усѣлась возлѣ дуба, а дятелъ полетѣлъ. Долго ли, коротко ли—воротился онъ къ дубу и говоритъ собакѣ: «пойдемъ скорѣе въ деревню; тамъ свадьбу играютъ, будетъ чѣмъ поживиться». И тотчасъ пустились въ деревню. Птица прилетѣла въ избу, гдѣ мужики свадьбу справляли, и начала по столамъ бѣгать, а гости стали кидать въ нее— кто чѣмъ попало, все перебили и подъ столъ перебросали; въ такой суматохѣ собака незамѣтно пробралась въ ту же избу, затесалась подъ столъ, наѣлась, сколько душѣ угодно, и ушла. «Ну, что, сыта?» спрашиваетъ дятелъ.—Сыта-то сыта, да пить хочу!—говоритъ собака. «Ступай въ сосѣднюю избу, тамъ старикъ вино цѣдитъ изъ бочки». Дятелъ влетѣлъ въ окошко, сѣлъ на бочку и ну долбить въ самое дно. Старикъ хотѣлъ ударить дятла, кинулъ въ него воронкой, да не попалъ, воронка куда-то закатилась; старикъ туда и сюда,

не можетъ найти, а вино изъ бочки льется, да льется наземь. Собака пробралась въ избу, напилась и назадъ. Сошлась съ дятломъ и говоритъ ему: «я теперь и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмѣяться!»—Ладно,—отвѣчаетъ дятелъ. Вотъ увидали они, что работники хлѣбъ молотятъ. Дятелъ тотчасъ сѣлъ къ одному работнику на плечо и сталъ клевать его въ затылокъ; а другой парень схватилъ палку, хотѣлъ ударить птицу, да огрѣлъ работника, и началась между ними драка... А собака отъ смѣху такъ по землѣ и катается!

Послѣ того дятелъ съ собакою пустились въ чистое поле и повстрѣчали лисицу. Дятелъ началъ манить лисицу: чуть-чуть подымется вверхъ и опять опустится внизъ; лиса ну гоняться за нимъ по полю, а собака подкралась сзади къ лисицѣ, подползла на брюхѣ, хвать ее за шею и начала грызть. На ту пору ѣхалъ въ городъ мужикъ съ возомъ горшки продавать; увидѣлъ, что собака лису давитъ, прибѣжалъ къ нимъ съ полѣномъ, ударилъ со всего размаху, убилъ и ту и другую. Озлился дятелъ на старика; сѣлъ его лошади на голову и сталъ выклевывать ей глаза. Мужикъ бѣжитъ съ полѣномъ хочетъ убить дятла; прибѣжалъ, какъ хватитъ — лошадь тутъ же и повалилась мертвая. А дятелъ увернулся, перелетѣлъ на возъ и пошелъ бѣгать по горшкамъ, а самъ такъ и бьетъ крыльями. Мужикъ за нимъ, и ну полѣномъ по возу-то, по возу-то; перебилъ всѣ горшки и пошелъ домой ни съ чѣмъ, а дятелъ улетѣлъ въ лѣсъ.

5. Журавль и цапля.

Жили-были журавль да цапля, построили себѣ по концамъ болота избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумалъ онъ жениться. «Дай пойду посватаюсь на цаплѣ!» Пошелъ журавль—тяпъ, тяпъ! семь верстъ болота мѣсилъ; приходитъ и говоритъ: «дома ли цапля?»—Дома. «Выдь за меня замужъ». —Нѣтъ, журавль, нейду за тебя замужъ: у тебя ноги долги, платье коротко, прокормить жену нечѣмъ! Ступай прочь, долговязый!—Журавль, такъ несолоно похлебалъ, ушелъ домой. Цапля послѣ раздумалась и сказала: «чѣмъ жить одной, лучше пойду замужъ за журавля». Приходитъ къ журавлю и говоритъ: «журавль, возьми меня замужъ!»—Нѣтъ, цапля, мнѣ тебя не надо! не хочу жениться, не возьму тебя замужъ. Убирайся!—Цапля заплакала со стыда и воротилась назадъ. Журавль раздумался и сказалъ: «напрасно не взялъ за себя цаплю; вѣдь одному-то скучно! Пойду теперь и возьму ее замужъ». Приходитъ и говоритъ: «цапля! я вздумалъ на тебѣ жениться; поди за меня».—Нѣтъ, долговязый, нейду за тебя замужъ!—Пошелъ журавль домой. Тутъ цапля раздумалась: «зачѣмъ отказала такому молодцу? одной-то жить не весело, лучше за журавля пойду!» Приходитъ свататься, а журавль не хочетъ. Вотъ такъ-то и ходятъ они по сю пору одинъ на другомъ свататься, да никакъ не женятся.

6. Золотая рыбка.

На морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, стояла небольшая ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ великой бѣдности; старикъ сдѣлалъ сѣть и сталъ ходить на море да ловить рыбу: тѣмъ только и добывалъ себѣ дневное пропитаніе. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть и показалось ему такъ тяжело, такъ тяжело, какъ доселева никогда не бывало: еле-еле вытянулъ. Смотритъ, а сѣть пуста: всего на всего одна рыбка попалась, за то рыбка не простая — золотая. Взмолилась ему рыбка человѣчьимъ голосомъ: «не бери меня, старичокъ; пусти лучше въ сине море; я тебѣ сама пригожусь: что пожелаешь, то и сдѣлаю». Старикъ подумалъ-подумалъ и говоритъ: «мнѣ ничего отъ тебя не надобно; ступай-гуляй въ морѣ!» Бросилъ золотую рыбку въ воду и воротился домой. Спрашиваетъ его старуха: «много ли поймалъ, старикъ?» — Да всего на всего одну золотую рыбку, и ту бросилъ въ море; крѣпко она взмолилась: отпусти, говорила, въ сине море; я тебѣ въ пригоду стану: что пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбку, не взялъ съ нея выкупа, даромъ на волю пустилъ. «Ахъ ты, старый дуракъ! попалось тебѣ въ руки большое счастіе, а ты и владѣть не сумѣлъ». Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему покоя: «хоть бы хлѣба у ней

выпросилъ! вѣдь скоро сухой корки не будетъ; что жрать-то станешь?» Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ на море и крикнулъ громкимъ голосомъ: «рыбка, рыбка! стань въ морѣ хвостомъ ко мнѣ головой». Рыбка приплыла къ берегу: «что тебѣ, старикъ, надо?»—Старуха осерчала за хлѣбомъ прислала. «Ступай домой, будетъ у васъ хлѣба вдоволь». Воротился старикъ: «ну что, старуха, есть хлѣбъ?»—Хлѣба-то вдоволь, да вотъ бѣда: корыто раскололось, не въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобы новое дала.—Пошелъ старикъ на море: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Приплыла золотая рыбка: «что тебѣ надо, старикъ?»—Старуха прислала, новое корыто проситъ. «Хорошо, будетъ у васъ и корыто». Воротился старикъ, только въ дверь, а старуха опять на него накинулась: «ступай, говоритъ, къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобы новую избу построила; въ нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится!» Пошелъ старикъ на море: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ, и спрашиваетъ: «что тебѣ, старикъ, надо?»—«Построй намъ новую избу; старуха ругается, не даетъ мнѣ спокою; не хочу, говоритъ, жить въ старой избушкѣ: она — того и смотри — вся развалится! «Не тужи, старикъ! ступай домой, да молись Богу, все будетъ сдѣлано». Воротился старикъ, на его дворѣ стоитъ изба новая дубовая, съ вырѣзными

узорами. Выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу старуха, пуще прежняго сердится, пуще прежняго ругается: «ахъ ты, старый дуракъ! не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Выпросилъ избу, и чай думаешь— дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ, ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались, при встрѣчахъ въ поясъ кланялись». Пошелъ старикъ на море, говоритъ громкимъ голосомъ: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой: «что тебѣ, старикъ, надо?» Отвѣчаетъ старикъ: «не даетъ мнѣ старуха спокою, совсѣмъ вздурилась: не хочетъ быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой». «Хорошо, не тужи! ступай домой, да молись Богу, все будетъ сдѣлано». Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменный домъ стоитъ, въ три этажа выстроенъ; по двору прислуга бѣгаетъ, на кухнѣ повара стучатъ, а старуха въ дорогомъ парчевомъ платьѣ на высокихъ креслахъ сидитъ да приказы отдаетъ. «Здравствуй, жена!» говоритъ старикъ.—Ахъ ты, невѣжа эдакой! какъ смѣлъ обозвать меня, воеводиху, своею женою! Эй, люди! взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьми какъ можно больнѣе.— Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню; начали конюхи угощать его плетьми, да такъ угостили, что еле на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ; велѣла дать ему метлу, чтобы

дворъ убиралъ, а кормить и поить его на кухнѣ. Плохое житье старику: цѣлый день дворъ убирай, а чуть гдѣ нечисто—сейчасъ на конюшню! «Экая вѣдьма! думаетъ старикъ: далось ей счастье, а она какъ свинья зарылась; ужъ и за мужа меня не считаетъ!» Ни много, ни мало прошло времени,—прискучило старухѣ быть воеводихой, потребовала къ себѣ старика и приказываетъ: «ступай, старый ду-

ракъ, къ золотой рыбкѣ, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею». Пошелъ старикъ на море: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Приплыла золотая рыбка: «что тебѣ, старикъ, надо?» — Да что! вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воеводихой, хочетъ быть царицею.—«Не тужи! ступай домой, да молись Богу, все будетъ сдѣлано». Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома высокій дворецъ

стоитъ подъ золотою крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ, позади большой садъ раскинулся, а предъ самымъ дворцомъ—зеленый лугъ; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами да съ боярами и начала дѣлать тѣмъ войскамъ смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка гремитъ, солдаты «ура» кричатъ! Ни много, ни мало прошло времени, — наскучило старухѣ быть царицею, велѣла разыскать старика и представить предъ свои очи свѣтлыя. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгаютъ: «какой-такой старикъ?» Насилу нашли его на заднемъ дворѣ, повели къ царицѣ. «Слушай, старый дуракъ!—говоритъ ему старуха;—ступай къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались». Старикъ было отнѣкиваться; куда тебѣ! коли не пойдешь, голова долой! Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на море, пришелъ и говоритъ: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Золотой рыбки нѣтъ, какъ нѣтъ! Зоветъ старикъ въ другой разъ—опять нѣту! Зоветъ въ третій разъ—вдругъ море зашумѣло, взволновалося: то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплываетъ рыбка къ берегу: «что тебѣ, старикъ, надо?»—Старуха еще пуще вздурилася: ужъ не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морскою владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать. Ничего не сказала ста-

рику золотая рыбка, повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотритъ и глазамъ не вѣритъ: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ небольшая ветхая избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить попрежнему, старикъ опять принялся за рыбную ловлю; только, какъ часто ни закидывалъ сѣтей въ море, не удалось ему больше поймать золотой рыбки.

7. Морозко.

У старика и старухи было три дочери. Старшая дочь доводилась старухѣ падчерицей, оттого старуха ея не любила, съ ранняго утра и до вечера ее журила и нарочно утруждала бѣдняжку работою. Падчерица должна была подниматься до свѣту; она и дрова, и воду носила, и печку топила и полы подметала, и скотинѣ кормъ задавала; но старуха и тутъ была недовольна и на Мароушу то и дѣло ворчала: экая лѣнивица, экая неряха! и голикъ-то не у мѣста, и ухватъ не такъ поставленъ, и въ избѣ-то сорно. Дѣвушка молчала и плакала. Она всячески старалась приноровиться къ мачехѣ и угодить ея дочкамъ, но и сестры, глядя на мать, Мароушу во всемъ обижали, ссорились съ нею и нерѣдко доводили ее до слезъ: то имъ и любо было! Сами онѣ просыпались поздно, приготовленной во-

дицей умывались, чистымъ полотенцемъ утирались, а за работу садились, когда пообѣдаютъ. Вотъ наши дѣвицы росли да росли, стали большими и сдѣлались невѣстами. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Старику жалко было старшей дочери; онъ любилъ ее за то, что была послушная, работящая, никогда не упрямилась, никому не поперечила: что заставятъ, то и дѣлаетъ, да не зналъ старикъ, чѣмъ пособить горю. Самъ былъ хилъ, старуха ворчунья, а дочки ея лѣнивицы и упрямицы.

Вотъ наши старики стали думу думать: отецъ—какъ бы дочерей пристроить, а мачеха—какъ бы старшую съ рукъ сбыть. Однажды старуха и говоритъ старику: «ну, старикъ, отдадимъ Марѳушку замужъ».—«Ладно!» сказалъ старикъ и полѣзъ на полати, а старуха вслѣдъ ему: «завтра встань пораньше, запряги лошадь въ дровни и поѣзжай съ Марѳуткой; а ты, Марѳутка, собери свое добро въ коробейку да надѣнь чистую сорочку: поѣдешь съ отцомъ въ гости!» Добрая Марѳуша обрадовалась, что ее повезутъ въ гости, и всю ночь спала сладкимъ сномъ; поутру встала, умылась, Богу помолилась, собрала свое добро въ коробейку и сама нарядилась, и была дѣвка—хоть куда невѣста! Старикъ ни свѣтъ ни заря запрягъ лошадь въ дровни, подвелъ къ крыльцу и вошелъ въ избу, сѣлъ на лавку и сказалъ: «ну, я все изладилъ! а ты, Марѳуша, готова?»—«Готова, батюшка!»—А коли готовы, такъ садитесь за столъ да жрите!» крикнула

на нихъ старуха. Старикъ съ дочкою сѣли за столъ, а старуха подала имъ ковригу черстваго хлѣба да миску старыхъ щей и промолвила: «ну, голубка, ѣшь поскорѣе да убирайся съ глазъ моихъ; я вдоволь на тебя наглядѣлась!... Старикъ! увези Марѳутку къ жениху, да смотри, старый хрычъ, сперва поѣзжай по дорогѣ, а послѣ сверни направо, на темный боръ,—знаешь прямо къ той большой соснѣ, что на пригоркѣ стоитъ, и тамъ отдай Марѳутку за добраго молодца за Морозка». Старикъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и пересталъ щи хлебать, а дочка запыла. «Ну, что тутъ нюни-то распустила! Вѣдь женихъ-то красавецъ и богачъ! Смотри-ко, сколько у него добра: всѣ елки, сосны и березы въ пуху; житье-то завидное, да и самъ онъ богатырь!» Старикъ всталъ молча, поклалъ пожитки на дровни, велѣлъ дочери накинуть шубу и пустился съ нею въ дорогу. Долго ли ѣхалъ, скоро ли пріѣхалъ, не вѣдаю: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Наконецъ, доѣхалъ до бора, своротилъ съ дороги и, забравшись въ непроходную глушь, остановился и велѣлъ дочери слѣзать; здѣсь подъ огромной сосной поставилъ онъ коробейку, усадилъ на ней дочку свою и сказалъ: «сиди и жди жениха, да смотри—принимай ласковѣе». А послѣ заворотилъ лошадь—и домой.

Дѣвушка сидитъ на коробейкѣ и дрожитъ; ознобъ ее пробралъ. Хотѣла бы заплакать, да въ очахъ слезъ нѣту! Вдругъ слышитъ: невдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскаки-

ваетъ да пощелкиваетъ. Очутился онъ возлѣ дѣвицы и говоритъ ей съ высокой сосны: «тепло ль тебѣ, дѣвица? тепло ль тебѣ, красная?»—«Тепло, тепло, Морозушко!» Морозко сталъ ниже спускаться, больше потрескивать, громче пощелкивать, и спрашиваетъ дѣвицу: «тепло ль тебѣ, дѣвица, тепло ль тебѣ, красная?» Дѣвица чуть духъ переводитъ, а все говоритъ: «тепло, тепло, Морозушко!» Морозко пуще затрещалъ, сильнѣе защелкалъ, и опять спрашиваетъ: «тепло-ль тебѣ, дѣвица? тепло-ль тебѣ, красная?» Дѣвица начинала замерзать и чуть слышно отвѣчала: «ой, голубчикъ Морозушко, божье тепло, божье и холодно!» тутъ Морозко сжалился, окуталъ дѣвицу шубами, отогрѣлъ одѣялами.

На утро говоритъ старуха мужу: «поѣзжай, старый хрычъ, въ поле да буди молодыхъ!» Старикъ запрягъ лошадь и поѣхалъ. Подъѣхавши къ дочери, онъ нашелъ ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и коробъ съ богатыми подарками. Не тратя времени на разспросы, старикъ сложилъ все на возъ, сѣлъ съ дочерью и отправился домой. Какъ же изумилась старуха, когда увидала свою падчерицу здравою и невредимою, да еще въ новой шубѣ и дорогой фатѣ: «э, голубушка, постой, меня не проведешь!»

Вотъ, немного спустя, говоритъ старуха мужу: «увези-ка и моихъ дочерей къ жениху; онъ ихъ еще не такъ одаритъ!» Не скоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Рано поутру старуха дочекъ своихъ накормила и, какъ слѣдуетъ подъ вѣнецъ, убрала-нарядила и въ путь отпустила. Старикъ свезъ

ихъ на то же мѣсто, куда и Маѳушку возилъ, и оставилъ подъ сосною. Наши дѣвицы сидятъ да посмѣиваются: «что это у матушки выдумано—въ лѣсу замужъ отдавать? развѣ въ нашей деревнѣ нѣтъ и ребятъ! Неровенъ чортъ пріѣдетъ, — не будешь знать, какъ и отвязаться!» Дѣвушки были въ шубахъ, а все-таки прозябли. «Что, Параха? меня морозъ по кожѣ подираетъ. Ну, какъ суженый-ряженый не пріѣдетъ? Вѣдь мы замерзнемъ...»—«Полно, Машка, врать! коли женихи рано собираются?»—«А что, Параха, коли пріѣдетъ одинъ, кого онъ возьметъ!»—«Не тебя ли, дурища!»—«А то небось—тебя!»—И пошли другъ дружку отчитывать... Вотъ Морозко началъ потрескивать, съ елки на елку поскакивать да громко-звонко пощелкивать. Дѣвицамъ показалось, что женихъ ѣдетъ. «Чу, Параха! ужъ ѣдетъ, да съ колокольчикомъ». А Морозко все ближе да ближе; наконецъ, очутился на высокой соснѣ, наклонился къ дѣвицамъ и спрашиваетъ: «тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ красныя?»—«Ой, Морозко, больно студенно! мы чуть не замерзли; ждемъ суженаго, а онъ запропалъ куда-то, чтобъ ему пусто было!» Морозко сталъ ниже спускаться, пуще потрескивать, чаще пощелкивать: «тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя?»—«Поди ты къ чорту! что пристаешь? Вишь у насъ руки и ноги отымаются». Морозко еще ниже спустился, да такъ пріударилъ, что дѣвицы совсѣмъ окостенѣли.

На утро говоритъ старуха: «запряги, старикъ, поспѣши, положи охапочку сѣна да возьми теплыя одѣ-

яла. Чай дѣвки продрогли: на дворѣ-то страшный морозъ! Да проворнѣй поворачивайся, старый хрычъ!» Старикъ живо собрался; не успѣла старуха и позавтракать, какъ онъ былъ уже въ дорогѣ. Пріѣхалъ къ соснѣ, а дочки лежатъ мертвыя. Онъ поднялъ ихъ, положилъ въ пошевни, покрылъ одѣялами и повезъ домой. Старуха выбѣжала къ нему навстрѣчу «Гдѣ мои дѣтки?» Бросилась къ пошевнямъ, поснимала одѣяла и — словно гроза разразилась: «Что ты надѣлалъ, старый хрычъ? уходилъ ты моихъ дочекъ, моихъ кровныхъ дѣточекъ, ненаглядныхъ пташечекъ! Вотъ я жъ тебя кочергой попотчую» — «Полно, безумная? вишь ты на богатство польстилась! а я чѣмъ виноватъ, ты сама захотѣла...» Старуха посердилась, побранились, да послѣ съ мужемъ помирились, и стали они жить да быть, добра наживать, лиха не поминать. Скоро присватался за Мароушку добрый молодецъ; на ея свадьбѣ и я былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

8. Василиса Прекрасная.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ купецъ съ купчихою, и прижили они единую дочь Василису Прекрасную. Когда дѣвочкѣ исполнилось восемь лѣтъ, купчиха захворала тяжкою предсмертною болѣзнью, призвала къ себѣ Василису, подала ей куклу и сказала: «Слушай, дочка, и запомни мои послѣднія

слова. Я помираю и вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ оставляю тебѣ вотъ эту куклу; береги ее всегда при себѣ и никому не показывай, а когда приключится тебѣ какое горе—спрашивай у нея совѣта». Затѣмъ мать поцѣловала дочку, вздохнула и померла.

Послѣ смерти жены купецъ потужилъ-потужилъ и сталъ думать, какъ бы опять жениться. Онъ былъ человѣкъ хорошій; за невѣстами дѣло не стало, но всѣхъ больше по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже въ лѣтахъ, имѣла своихъ двухъ дочерей, почти однолѣтокъ Василисѣ, и по всему околотку слыла хорошею матерью и опытною хозяйкой. Купецъ женился на вдовушкѣ, но обманулся и не нашелъ въ ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ея красотѣ, поминутно къ ней придирались и мучили ее всевозможными работами, чтобы она съ трудовъ похудѣла, отъ вѣтра и солнца почернѣла. Василиса все переносила молча и съ каждымъ днемъ хорошѣла все болѣе и болѣе; а мачехины дочки, несмотря на то, что всегда сидѣли сложа руки, худѣли и дурнѣли отъ злости. Какъ же это такъ дѣлалось? Василисѣ помогала ея кукла. Безъ этого гдѣ бы дѣвочкѣ сладить со всею работою! Куколка утѣшала ее въ горѣ, давала ей добрые совѣты и справляла за нее разныя подѣлки.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Василиса выросла невѣстою. Всѣ женихи въ городѣ присватываются

къ Василисѣ, на мачехиныхъ дочерей никто и не смотритъ. Мачеха злится пуще прежняго и всѣмъ женихамъ отвѣчаетъ: «Не выдамъ меньшой прежде старшихъ!»—а проводя жениховъ, вымещаетъ свою злобу на Василисѣ бранью да побоями.

Вотъ какъ-то случилось купцу уѣхать въ иное государство. Тѣмъ временемъ мачеха перешла на житье въ другой домъ; возлѣ этого дома былъ дремучій лѣсъ, въ лѣсу была поляна, на полянѣ стояла избушка, въ избушкѣ жила баба-яга; никого она къ себѣ не подпускала и ѣла людей, какъ цыплятъ. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дѣло посылала за чѣмъ-нибудь въ лѣсъ ненавистную ей Василису, но эта всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала къ избушкѣ бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всѣмъ тремъ дѣвушкамъ вечернія работы; одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всѣмъ по урокамъ. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку, тамъ, гдѣ сидѣли дѣвушки, и сама легла спать. Дѣвушки работали. Вотъ нагорѣло на свѣчкѣ; одна изъ мачехиныхъ дочерей взяла щипцы, стала поправлять свѣтильню, да нарочно и потушила свѣчку. «Что теперь намъ дѣлать?» говорили дѣвушки; огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не окончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ бабѣ-ягѣ! —«Мнѣ отъ булавокъ свѣтло!» сказала та, что плела кружево, «я не пойду».—«И я не пойду»,

сказала та, что вязала чулокъ, «мнѣ отъ спицъ свѣтло!» «Тебѣ за огнемъ итти», закричали обѣ; «ступай къ бабѣ-ягѣ!»—и вытолкали Василису изъ горницы. Василиса пошла въ свой чуланъ, поставила передъ куклою приготовленный ужинъ и сказала: «На, куколка, покушай да моего горя послушай; посылаютъ меня за огнемъ къ бабѣ-ягѣ, баба яга съѣстъ меня!» «Не бойся?» отвѣчала куколка: «ступай, куда посылаютъ: только возьми меня съ собою, а при мнѣ никакого худа не станется!» Василиса положила куклу въ карманъ, перекрестилась и пошла въ дремучій лѣсъ.

Идетъ она и дрожитъ. Вдругъ скачетъ мимо нея всадникъ—самъ бѣлый, одѣтъ во все бѣлое, конь подъ нимъ бѣлый и сбруя на конѣ бѣлая: на дворѣ стало разсвѣтать. Идетъ она дальше, скачетъ другой всадникъ—самъ красный, одѣтъ во все красное и на красномъ конѣ: стало восходить солнце. Василиса прошла всю ночь и весь день, только къ слѣдующему вечеру вышла на поляну, гдѣ стояла избушка бабы-яги; заборъ вокругъ избы изъ человѣчьихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе, вмѣсто дверей у воротъ—ноги человѣчьи, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка—ротъ съ открытыми зубами. Василиса обомлѣла отъ ужаса и стала какъ вкопанная. Вдругъ ѣдетъ опять всадникъ—самъ черный, одѣтъ во все черное и на черномъ конѣ; подскакалъ къ воротамъ бабы-яги и пропалъ, словно сквозь землю провалился: настала ночь. Но темнота продолжалась не долго, у всѣхъ череповъ на заборѣ

засвѣтились глаза и на всей полянѣ стало свѣтло, какъ среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бѣжать, оставалась на мѣстѣ.

Скоро послышался страшный шумъ: деревья затрещали, сухіе листья захрустѣли, показалась изъ лѣсу баба-яга,—ѣдетъ въ ступѣ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подъѣхала къ воротамъ, остановилась и, обнюхавъ вокругъ себя, закричала: «фу, фу! русскимъ духомъ пахнетъ! кто здѣсь?» Василиса подошла къ старухѣ, отдала ей низкій поклонъ и сказала: «это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнемъ къ тебѣ».—«Хорошо, сказала баба-яга, знаю я ихъ, поживи напередъ у меня да поработай, тогда и огня дамъ!» Потомъ обратилась къ воротамъ и крикнула: «эй, запоры мои крѣпкіе, отомкнитеся! эй, ворота мои широкія, отворитеся!» Ворота отворились и баба-яга въѣхала, посвистывая, за нею вошла Василиса Прекрасная, а потомъ опять все заперлось. Войдя въ горницу, баба-яга растянулась и говоритъ: «подавай все, что есть въ печи, я ужинать хочу». Василиса зажгла лучину отъ тѣхъ череповъ, что на заборѣ, и начала таскать изъ печки да подавать ягѣ кушанье; а кушанья настряпано было человѣкъ на десять; изъ погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съѣла, все выпила старуха, Василисѣ оставила только щецъ немножко да краюшку хлѣба. Стала баба-яга спать ложиться, и говоритъ: «когда я уѣду завтра, ты, смотри, дворъ вычисти, из-

бу вымети, обѣдъ состряпай, бѣлье приготовь, да пойди въ закромъ, возьми четверть пшеницы и очисти ее отъ чернушки. Да чтобъ все было сдѣлано, а не то—съѣмъ тебя!» Послѣ такого наказа баба-яга захрапѣла, а Василиса поставила старухины объѣдки предъ куклою, залилась слезами и говорила: «на, куколка, покушай, моего горя послушай! тяжелую мнѣ задала баба-яга работу и грозится съѣсть меня, коли всего не сдѣлаю». Кукла отвѣтила: «не бойся, Василиса Прекрасная! поужинай, помолися да спать ложися, утро вечера мудренѣе!»

Ранешенько проснулась Василиса, выглянула въ окно: у череповъ глаза потухаютъ; вотъ мелькнулъ бѣлый всадникъ—совсѣмъ разсвѣло. Баба-яга вышла на дворъ, свистнула—предъ ней явилась ступа съ пестомъ и помеломъ. Промелькнулъ красный всадникъ—взошло солнце. Баба-яга сѣла въ ступу и выѣхала со двора, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Осталась Василиса одна, осмотрѣла домъ бабы-яги, подивилась ея богатству и остановилась въ раздумьи: за какую работу прежде всего приниматься? Глядитъ, а работа уже сдѣлана, куколка выбирала изъ пшеницы послѣднія зерна чернушки. «Ахъ ты, избавительница моя!» сказала Василиса куколкѣ, ты меня отъ бѣды отвела».—Тебѣ осталось только обѣдъ состряпать», отвѣчала куколка, влѣзая въ карманъ Василисы, состряпай и отдыхай на здоровье!—Къ вечеру Василиса собрала на столъ и ждетъ бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнулъ за воротами черный всад-

никъ—и совсѣмъ стемнѣло, только свѣтились глаза у череповъ. Затрещали деревья, захрустѣли листья—ѣдетъ баба-яга. Василиса встрѣтила ее. «Все ли сдѣлано?» спрашиваетъ яга.—Осмотри сама бабушка!—Баба-яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за что разсердиться, и сказала: «ну хорошо!» Потомъ крикнула: «вѣрные мои слуги, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рукъ, схватили пшеницу и унесли вонъ изъ глазъ. Баба-яга наѣлась, стала ложиться спать и приказываетъ Василисѣ: «завтра сдѣлай то же самое, что и нынче, да сверхъ того возьми изъ закрома макъ, перебери его по зернушку да очисти отъ земли!» Сказала старуха, повернулась къ стѣнѣ и захрапѣла, а Василиса принялась выспрашивать свою куколку. Куколка промолвила ей по-вчерашнему: «молись Богу да ложись спать: утро вечера мудренѣе, все будетъ сдѣлано».

На утро баба-яга опять уѣхала со двора, а Василиса съ куколкой всю работу исправили. Старуха воротилась, осмотрѣла все и крикнула: «вѣрные мои слуги, сердечные други, выжмите изъ мака масло!» Явились три пары рукъ, схватили макъ и унесли изъ глазъ. Баба-яга сѣла ужинать, она ѣстъ, а Василиса стоитъ молча. «Что жъ ты ничего не говоришь со мною?» сказала баба-яга, «стоишь, какъ нѣмая!—Коли позволишь, я стану спрашивать. «Спрашивай! только не всякій вопросъ къ добру ведетъ: много будешь знать, скоро состаришься!»—Я хочу спросить тебя, бабушка, толь

ко о томъ, что видѣла: когда я шла къ тебѣ, меня обогналъ всадникъ—самъ бѣлый, въ бѣлой одеждѣ и на бѣломъ конѣ, кто онъ таковъ?—«Это день мой ясный!» отвѣчала баба-яга.—Потомъ обогналъ меня другой всадникъ—самъ красный, въ красной одеждѣ и на красномъ конѣ, кто онъ таковъ?—«Это солнышко мое красное!»— А черный всадникъ, что обогналъ меня у самыхъ воротъ? —«Это ночь моя темная!» Василиса вспомнила о трехъ парахъ рукъ и молчала. Что жъ ты еще не спрашиваешь? «молвила баба-яга.—Будетъ съ меня и этого, сама жъ ты, бабушка, сказала, что много узнаешь— скоро состаришься. «Хорошо», сказала баба-яга, «что ты спрашиваешь только о томъ, что видѣла за дворомъ, а не во дворѣ, я не люблю, чтобъ у меня соръ изъ избы выносили. Теперь я тебя спрошу: какъ успѣваешь ты исполнять заданныя тебѣ работы?»—Мнѣ помогаетъ благословеніе моей матери», отвѣчала Василиса—«Такъ вотъ что! Убирайся же ты отъ меня, благословенная дочка! не нужно мнѣ благословенныхъ!»

Вытащила она Василису изъ горницы и вытолкала за ворота, потомъ сняла съ забора одинъ черепъ съ горящими глазами, воткнула его на палку, отдала Василисѣ и сказала: «вотъ тебѣ огонь для мачехиныхъ дочекъ, возьми его и неси домой!» Бѣгомъ пустилась Василиса, при свѣтѣ черепа, который погасъ только съ наступленіемъ утра, и, наконецъ, къ вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя къ воротамъ

она хотѣла было бросить черепъ, вѣрно, дома, думаетъ себѣ, ужъ больше не нуждаются. Но вдругъ послышался глухой голосъ изъ черепа: «не бросай меня, неси къ мачехѣ!» Она взглянула на домъ мачехи и, не видя ни въ одномъ окнѣ огонька, рѣшилась итти туда съ черепомъ.

Впервые встрѣтили ее ласково и разсказали, что съ той минуты, какъ она ушла, огня въ домѣ не было: сами высѣчь никакъ не могли, а который огонь приносили отъ сосѣдей, тотъ погасалъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу. «Авось твой огонь будетъ держаться!» сказала мачеха. Внесли черепъ въ горницу, а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачеху и ея дочерей, такъ и жгутъ. Тѣ было прятаться, но, куда ни бросятся, глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ, къ утру совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь, одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла черепъ въ землю, заперла домъ на ключъ, пошла въ городъ и попросилась на житье къ одной безродной старушкѣ; живетъ себѣ и поджидаетъ отца. Вотъ какъ-то говоритъ она старушкѣ: «скучно мнѣ сидѣть безъ дѣла, бабушка! Сходи, купи самаго лучшаго льну, я хоть прясть буду». Старушка купила льну. Василиса усѣлась прясть, работа у нея такъ и горитъ, и пряжа выходитъ ровная да тонкая, какъ волосокъ. Набралось пряжи много, пора бы и за тканье приниматься, да такихъ бердъ не найдутъ, чтобы годились на Василисину пряжу, никто и сдѣлать-то не берется. Василиса стала просить

свою куколку, та за единую ночь приготовила славный станъ. Къ концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вмѣсто нитки продѣть можно. Весною полотно выбѣлили, и Василиса говоритъ старухѣ: «продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себѣ». Старуха взглянула на товаръ и ахнула: «нѣтъ, дитятко, такого полотна, кромѣ царя, носить некому, понесу во дворецъ». Пошла старуха къ царскимъ палатамъ, да все мимо оконъ похаживаетъ. Царь увидалъ и спросилъ: «что тебѣ, старушка, надобно?—Ваше царское величество», отвѣчаетъ старуха, «я принесла диковинный товаръ, никому, окромя тебя, и показать не хочу.—Царь приказалъ впустить къ себѣ старуху, и какъ увидалъ полотно—вздивовался. «Что хочешь за него?» спросилъ царь.—Ему цѣны нѣтъ, царь-батюшка! я тебѣ въ даръ принесла. Поблагодарилъ царь и отпустилъ старуху съ подарками.

Стали царю изъ того полотна сорочки кроить, покроили, да нигдѣ не могли найти швеи, которая взялась бы ихъ сработать. Долго искали, наконецъ царь позвалъ старуху и сказалъ ей: «умѣла ты напрясть и соткать такое полотно, умѣй изъ него и сорочки сшить».—Не я, государь пряла и не я ткала, это работа красной дѣвицы.— «Ну, пусть она и сорочки сошьетъ!» Воротилась старушка домой и разсказала обо всемъ Василисѣ, а дѣвица въ отвѣтъ: «я знала, что эта работа моихъ рукъ не минуетъ». Заперлась въ свою горницу, принялась за работу, шила она не по-

кладаючи рукъ, и скоро дюжина сорочекъ была готова. Старуха понесла къ царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, одѣлась и сѣла подъ окномъ. Сидитъ себѣ и ждетъ, что будетъ. Видитъ, на дворъ къ старухѣ идетъ царскій слуга, вошелъ въ горницу и говоритъ: «царь-государь хочетъ видѣть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее изъ своихъ царскихъ рукъ». Пошла Василиса и явилась предъ свѣтлыя царскія очи. Какъ увидалъ царь Василису Прекрасную, такъ и влюбился въ нее безъ памяти. «Нѣтъ, говоритъ, моя красавица, не разстанусь я съ тобою, будь ты моею женою!» Тутъ взялъ царь Василису Прекрасную за бѣлыя руки, посадилъ ее подлѣ себя, да въ тотъ же день и свадебку сыграли. Вскорѣ воротился и отецъ Василисы, порадовался объ ея счастливой судьбѣ и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла во дворецъ, а куколку по конецъ жизни своей всегда носила при себѣ.

9. Царевичъ-Козленочекъ.

Жили-были себѣ царь и царица, у нихъ были сынъ и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь—Аленушкой. Вотъ царь съ царицею померли, остались дѣти одни-одинехоньки и пошли странствовать по бѣлу свѣту. Шли, шли—солнце высоко, жилье далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ; въ чистомъ полѣ стоитъ прудъ, а около пруда пасется стадо коровъ. «Я

хочу пить», говоритъ Иванушка.—Не пей, братецъ, а то будешь теленочкомъ,—говоритъ Аленушка. Иванушка послушался, и пошли они дальше. Шли, шли и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. «Ахъ, сестрица, если бы ты знала, какъ мнѣ пить хочется.—Не пей, братецъ, а то сдѣлаешься жеребеночкомъ.—Иванушка послушался, и пошли они дальше. Шли, шли и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ. «Ахъ, сестрица, мнѣ пить хочется».—Не пей, братецъ, а то будешь баранчикомъ.—Иванушка послушался, и пошли они дальше. Шли, шли и видятъ ручей, а возлѣ стерегутъ свиней. «Ахъ, сестрица, я напьюся, мнѣ страшно пить хочется».—Не пей, братецъ, а то будешь поросеночкомъ.—Иванушка опять послушался, и пошли они дальше. Шли, шли— солнце высоко, жилье далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ; вотъ пасется у воды стадо козъ. «Ахъ, сестрица, я напьюся». Не пей, братецъ, а то будешь козленочкомъ.—Онъ не вытерпѣлъ и не послушался сестры, напился и сталъ козленочкомъ, прыгаетъ предъ Аленушкой и кричитъ: мекеке! мекеке!

Аленушка обвязала его шелковымъ поясомъ и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ... Козленочекъ бѣгалъ-бѣгалъ и забѣжалъ въ садъ къ одному царю. Люди увидали и тотчасъ докладываютъ царю: «у насъ, ваше царское величество, въ саду козленочекъ, и держитъ его на поясѣ дѣвица, да такая изъ себя красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ описать».

Царь приказалъ спросить, кто она такая. Вотъ люди и спрашиваютъ ее: откуда они и чьего роду-племени? «Такъ и такъ, говоритъ Аленушка, были царь и царица, да померли; остались мы дѣти: я—царевна, да вотъ братецъ мой—царевичъ, онъ не утерпѣлъ, напился водицы и сталъ козленочкомъ». Люди доложили все это царю. Царь позвалъ Аленушку, разспросилъ обо всемъ, она ему приглянулась, и царь пожелалъ на ней жениться. Скоро сыграли свадьбу и стали жить весело и счастливо, и козленочекъ съ ними; день гуляетъ по саду, ночь во дворцѣ проводитъ, а пьетъ и ѣстъ вмѣстѣ съ царемъ и царицею.

Однажды поѣхалъ царь на охоту. Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Аленушка худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все пріуныло; цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашиваетъ царицу: «али ты чѣмъ нездорова?» —Да, хвораю,—говоритъ царица. На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Аленушка лежитъ больная; приходитъ къ ней колдунья и говоритъ: «хочешь, я тебя вылѣчу? Выходи на море столько-то утреннихъ и вечернихъ зорь и пей тамъ воду». Царица послушалась и въ сумеркахъ вышла на морской берегъ, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила въ море. Аленушка пошла на дно; козленочекъ прибѣжалъ и горько-горько заплакалъ. А колдунья нарядилась царицею, явилась во дворецъ и принялась хозяйничать. Царь пріѣхалъ съ охоты, не замѣтилъ об-

мана и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на столъ и сѣли обѣдать. «А гдѣже козленочекъ?» спрашиваетъ царь.—Не надо его, говоритъ колдунья, я не велѣла пускать, отъ него такъ и несетъ козлятиной!—На слѣдующій день только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козленочка била-била, колотила-колотила, и грозитъ ему: «вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать?» Пріѣхалъ царь, колдунья такъ и пристаетъ къ нему: «прикажи да прикажи зарѣзать козленочка, онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совсѣмъ!» Царю жалко было козленочка, да дѣлать нечего—она такъ пристаетъ, такъ упрашиваетъ, что царь, наконецъ, согласился и позволилъ его зарѣзать. Видитъ козленочекъ, ужъ начали точить на него ножи булатные; прибѣжалъ къ царю и просится: «царь, пусти меня на море сходить, водицы испить, кишечки всполоскать». Царь пустилъ его. Вотъ козленочекъ прибѣжалъ къ морю, сталъ на берегу и жалобно закричалъ:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережекъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжелъ камень ко дну тянетъ,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли,
Люта змѣя сердце высосала!

Козленочекъ заплакалъ и воротился назадъ. Посередъ дня опять просится онъ у царя: «царь,

пусти меня на море сходить, водицы испить, кишечки всполоскать». Царь пустилъ его. Вотъ козленочекъ прибѣжалъ къ морю и жалобно закричалъ:

Аленушка сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережекъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжелъ камень ко дну тянетъ,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли,
Люта змѣя сердце высосала!

Козленочекъ заплакалъ и воротился домой. Царь и думаетъ: что бы это значило—козленочекъ все бѣгаетъ на море! Вотъ попросился козленочекъ въ третій разъ: «царь, пусти меня на море сходить, водицы испить, кишечки всполоскать»: Царь отпустилъ его и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ приходитъ къ морю и слышитъ—козленочекъ вызываетъ сестрицу:

Аленушка, сестричка моя!
Выплывь, выплывь на бережекъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати.!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжелъ камень ко дну тянетъ,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли,
Люта змѣя сердце высосала!

Козленочекъ опять началъ вызывать сестрицу. Аленушка всплыла кверху и показалась надъ водой. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень и вытащилъ Аленушку на берегъ, да и спрашиваетъ: «какъ это сталося!» Она ему все разсказала. Царь обрадовался, козленочекъ тоже—такъ и прыгаетъ, въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить: разложили на дворѣ костеръ дровъ и сожгли ее. Послѣ того царь съ царицей съ козленочкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и попрежнему вмѣстѣ и пили и ѣли.

10. Верліока.

Когда-то жили да были дѣдъ и баба, а у нихъ были двѣ внучки—сиротки—такія хорошенькія да смирныя, что дѣдъ съ бабушкой не могли ими нарадоваться. Вотъ разъ вздумалъ дѣдъ посѣять горохъ; посѣялъ—горохъ выросъ, зацвѣлъ. Дѣдъ глядитъ на него и думаетъ: «теперь буду цѣлую зиму ѣсть пироги съ горохомъ». Какъ на зло дѣду воробьи и напали на горохъ. Дѣдъ видитъ, что худо, и послалъ младшую внучку прогонять воробьевъ. Внучка сѣла возлѣ гороха, машетъ хворостиной да приговариваетъ: «кишь, кишь, воробьи! не ѣшьте дѣдова гороху!» Только слышитъ: въ лѣсу шумитъ, трещитъ—идетъ Верліока, ростомъ высокій-высокій, объ одномъ глазѣ, носъ крючкомъ, боро-

да клочкомъ, усы въ полъ-аршина, на головѣ щетина, костылемъ подпирается, самъ страшно ухмыляется; а была у него такая замашка: какъ завидитъ человѣка, ни за что не утерпитъ, чтобы дружбы не показать, бока не поломать; не было спуску отъ него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидѣлъ Верліока дѣдову внучку и сразу убилъ ее костылемъ. Дѣдъ ждалъ-ждалъ— нѣтъ внучки, послалъ за нею старшую. Верліока и ту прибралъ. Дѣдъ опять ждалъ-ждалъ, потерялъ терпѣніе и говоритъ женѣ: «да что они опоздни-лись? чай съ парнями какъ трещетки трещатъ, а воробьи горохъ лущатъ. Ступай, старуха, тащи ихъ домой». Старуха съ печки сползла, въ углу палочку взяла, за порогъ перевалилась да домой не воротилась. Вѣстимо, какъ увидѣла внучекъ, да потомъ Верліоку, догадалась, что его работа съ жалости и горя такъ и вцѣпилась ему въ волосы. А Верліокѣ то и на руку... Дѣдъ ждалъ-ждалъ и не дождался; нѣтъ ни старухи, ни внучекъ. Всталъ онъ изъ-за стола помолился Богу и поплелся въ дорогу. Приходитъ къ гороху, глядитъ, лежатъ его милыя внучки, точно спятъ, только у одной кровь на лбу видна, у другой на бѣлой шейкѣ пять синихъ пальцевъ оттиснулись, а старуха такъ изувѣчена, что и узнать нельзя! Долго плакался надъ ними дѣдъ, долго причитывалъ, а потомъ сбѣгалъ въ избу, взялъ желѣзный костыль и отправился бить Верліоку.

Идетъ-идетъ и видитъ прудъ, а на прудѣ куцый селезень. Увидѣлъ дѣда селезень и кричитъ: «такъ,

гакъ, такъ! вѣдь я угадалъ, что тебя сюда поджидалъ. Здорово дѣдъ на сто лѣтъ!»—Здорово селезень! отчего ты меня поджидалъ?—«Да зналъ, что ты за старуху да за внучекъ не спустишь и самому Верліокѣ».—А ты знаешь Верліоку? Какъ, какъ, какъ не знать! знаю его кривого! Разъ какъ-то вотъ здѣсь на берегу началъ онъ бить какого-то горемыку: а втѣ поры была у меня за каждымъ словомъ поговорка: ахъ, ахъ, ахъ. Верліока потѣшается, а я сижу въ водѣ, да такъ себѣ и кричу: ахъ, ахъ, ахъ!.. Вотъ онъ, управившись съ горемыкою, подбѣжалъ ко мнѣ: я, говоритъ, научу тебя, какъ за другихъ заступаться!—и хвать меня за хвостъ! да не на таковскаго напалъ, только хвостъ у него въ рукахъ остался. Онъ хоть хвостъ и не великъ, а все-таки жаль его... Вотъ я и взялся за умъ, и съ той поры—кто бы что ни дѣлалъ—не кричу: ахъ, ахъ, ахъ! а все придакиваю: такъ, такъ, такъ! Что же? и житье стало лучше, и почету отъ людей больше. Всѣ говорятъ: «вотъ селезень хоть куцый, да умный! «Такъ не можешь ли указать мнѣ, гдѣ живетъ Верліока»?—Такъ, такъ, такъ!—Селезень вылѣзъ изъ воды и переваливаясь съ боку на бокъ, пошелъ по берегу, а дѣдъ за нимъ.

Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ бичевка и говоритъ: «здравствуй, дѣдушка, умная головушка!»—Здравствуй, бичевочка!—«Какъ живешь, куда идешь?—Живу и такъ и сякъ, а иду къ Верліокѣ на расправу: старуху задушилъ, двухъ внучекъ убилъ, а внучки были такія славныя!—«Я твоихъ внучекъ

и старуху знала; возьми и меня на подмогу!» Дѣдъ подумалъ: «можетъ пригодится связать Верліоку!» и отвѣчалъ, «полѣзай, когда знаешь дорогу». Веревочка и поползла за ними точно змѣя.

Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ колотушка и говоритъ: «здравствуй, дѣдушка, умная головушка!»—Здравствуй, колотушка!—«Какъ живешь? куда идешь?»—Живу и такъ и сякъ, а иду къ Верліокѣ на расправу. Подумай: старуху задушилъ, двухъ внучекъ убилъ, а внучки были на славу!—«Возьми меня на подмогу!»—Ступай, когда знаешь дорогу! А самъ думаетъ: «колотушка и впрямь поможетъ». Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю и прыгнула.

Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ жолудь и пищитъ: «здравствуй, дѣдушка умная, головушка!—Здравствуй, жолудь!—«Куда это шагаешь?»—Иду Верліоку бить, когда его знаешь?—«Какъ не знать! пора съ нимъ расплатиться; возьми и меня на подмогу».—Да чѣмъ ты поможешь!—»Не плюй, дѣдъ, въ колодецъ—достанется водицы напиться!» Дѣдъ подумалъ: «а пускай его! чѣмъ больше народу, тѣмъ лучше», и говоритъ: «плетись позади!» Какое—плетись! жолудь такъ и скачетъ впереди всѣхъ.

Вотъ и пришли они въ густой дремучій лѣсъ, а въ томъ лѣсу стоитъ избушка. Глядятъ—въ избушкѣ никого нѣтъ. Огонь въ печи погасъ, а на шесткѣ стоитъ пшенная кашица. Жолудь вскочилъ въ кашицу, веревочка растянулась на порогѣ, колотушка улег-

лась на полкѣ, селезня посадилъ дѣдъ за печку, а самъ сталъ за дверью. Пришелъ Верліока, кинулъ вязанку дровъ на землю и сталъ разводить огонь въ печкѣ. Жолудь, сидя въ горшкѣ, затянулъ пѣсню: «пи... пи... пи.. Пришли Верліоку бить!» Цыцъ, кашица, въ ведро вылью, крикнулъ Верліока.—А жолудь не слушаетъ его, знай свое пищитъ. Верліока разсердился, схватилъ горшокъ, да бухъ кашицу въ ведро; жолудь какъ выскочитъ изъ ведра, щелкъ Верліоку въ голову и выбилъ ему послѣдній глазъ. Верліока кинулся было наутекъ, да не тутъ-то было—веревочка перецѣпила его, и Верліока упалъ. Колотушка прыгнула съ полки, дѣдъ выскочилъ изъ-за дверей и давай его потчевать; а селезень за печкой сидитъ да приговариваетъ: «такъ, такъ, такъ!» Не помогли Верліокѣ ни его сила, ни отвага. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ бубликовъ связка.

11. Марко богатый и Василій безчастный.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ купецъ по-имени Марко, по прозванію Богатый. Марко обладалъ несчетными сокровищами, но былъ скупъ и немилостливъ къ бѣднымъ: онъ терпѣть не могъ нищихъ, и бывало какъ завидитъ ихъ, сейчасъ же приказываетъ слугамъ своимъ гнать ихъ со двора и травить собаками.

Однажды поздно вечеромъ зашли къ нему на дворъ два сѣденькихъ старца: «ради Бога, Марко Богатый, укрой насъ отъ темной ночи!» Старцы умоляли его такъ долго и такъ неотступно, что Марко—только бы отвязаться—велѣлъ впустить ихъ въ скотную избу, гдѣ лежала у него при смерти хворая тетка. На другой день видитъ Марко, что идетъ къ нему тетка совсѣмъ здоровая. «Какъ это тебя угораздило?» спрашиваетъ онъ съ удивленіемъ. «Ахъ, Марко Богатый» отвѣчала тетка, «знаешь ли что? Видѣлось мнѣ—не то во снѣ, не то на яву—будто ночевали у насъ въ скотной избѣ два сѣдые старца; въ самую полночь постучался кто-то въ окно и промолвилъ: въ такомъ-то селѣ у бѣднаго крестьянина народился младенецъ; какое имя ему наречете и какой таланъ ему присудите? Отвѣчали старцы: имя ему нарицаемъ—Василій, прозваніе—Безсчастный, а въ таланъ ему присуждаемъ богатство Марка Богатаго, у котораго теперь ночуемъ».—А еще что? спросилъ Марко. «Да вотъ какая благодать: какъ проснулась, я-то встала совсѣмъ здоровая, какъ самъ видишь!»—Ладно, сказалъ Марко, только съ бѣднякова сына много будетъ обладать Марковымъ богатствомъ!

Призадумался Марко Богатый, захотѣлось ему провѣдать, точно ли народился Василій Безсчастный? Приказалъ заложить карету и поѣхалъ въ село: пріѣхалъ прямо къ священнику и спрашиваетъ: «родился ли у васъ такого-то дня младенецъ?»—Родился, отвѣчалъ священникъ, у самаго бѣднаго

крестьянина; я ему нарекъ имя Василій и прозвалъ Безсчастнымъ, да еще не крестилъ, потому что къ бѣдняку никто въ кумовья нейдетъ. Марко вызвался быть крестнымъ отцомъ, попадью попросилъ быть кумою и велѣлъ изготовить богатый обѣдъ; принесли младенца, окрестили и пировали до поздняго вечера. На другой день Марко Богатый призвалъ къ себѣ бѣдняка крестьянина, обласкалъ его и сталъ говорить: «куманекъ! ты человѣкъ бѣдный, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мнѣ его! я его въ люди выведу, а тебѣ на прожитокъ оставлю тысячу рублей». Мужикъ подумалъ-подумалъ и согласился. Марко взялъ ребенка, окуталъ его въ лисьи шубы, положилъ въ карету и поѣхалъ. Дѣло было зимою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, Марко Богатый велѣлъ остановиться, отдалъ крестника своему приказчику и приказалъ: «возьми его за ноги и забрось въ оврагъ!» Приказчикъ взялъ и забросилъ его въ крутой оврагъ; а Марко усмѣхнулся и сказалъ: «вотъ тамъ и владѣй моимъ имѣніемъ!»

На третій день по той же дорогѣ, гдѣ проѣхалъ Марко, случилось ѣхать купцамъ; везли они Марку Богатому двѣнадцать тысячъ рублей долгу; поровнялись противъ оврага, и послышался имъ дѣтскій плачъ. Остановились, начали вслушиваться и послали одного изъ приказчиковъ разузнать, что тамъ такое. Приказчикъ спустился на дно оврага, смотритъ: тамъ разстилается зеленый лугъ, а на томъ лугу сидитъ ребенокъ и играетъ цвѣтами. Приказ-

чикъ воротился и разсказалъ про все своему хозяину; хозяинъ побѣжалъ самъ посмотрѣть на такое диво, поднялъ ребенка, закуталъ его въ шубу, сѣлъ въ кибитку, и поѣхали. Пріѣзжаютъ купцы къ Марку Богатому. Марко сталъ ихъ разспрашиватъ, гдѣ взяли они ребенка. Купцы разсказали, какъ и что было, и онъ тотчасъ же догадался, что это Василій Безсчастный, его крестникъ; началъ угощать купцовъ разными закусками и напитками, и проситъ, чтобы отдали ему найденыша. Купцы было не соглашались, да какъ Марко сказалъ: «я васъ прощаю всѣмъ долгомъ!» — въ ту же минуту и отдали ему ребенка. Прошелъ день, прошелъ другой, а на третій день Марко взялъ Василія Безсчастнаго, посадилъ въ боченокъ, засмолилъ и бросилъ съ пристани въ воду.

Боченокъ плылъ да плылъ и приплылъ къ монастырю. На ту пору вышелъ монахъ за водою. Послышался ему дѣтскій крикъ; онъ, долго не думая, сѣлъ въ лодку, переналъ боченокъ, посбивалъ обручи, смотритъ—а въ боченкѣ дитя, взялъ его и принесъ въ монастырь. Игуменъ нарекъ ребенка Василіемъ и прозвалъ Безсчастнымъ; съ тѣхъ поръ Василій Безсчастный жилъ въ монастырѣ цѣлыя осьмнадцать лѣтъ, выучился грамотѣ—и читать и писать,и на клиросѣ пѣть; игуменъ его полюбилъ и поставилъ ключаремъ.

Понадобилось Марку Богатому ѣхать въ иное государство собирать долги, и заѣхалъ онъ по пути въ монастырь. Здѣсь запримѣтилъ онъ молодого

ключаря, сталъ про него разспрашивать: давно ли и откуда явился? Игуменъ припомнилъ и разсказалъ все, что было: какъ приплылъ къ монастырю боченокъ, какъ вынули изъ него младенца, и сколько лѣтъ тому назадъ это случилось. Марко разсчелъ и догадался, что ключарь—никто другой, какъ его крестникъ. Вотъ онъ и говоритъ игумену: «когда бъ у меня былъ такой расторопный человѣкъ, какъ вашъ ключарь, я бы сдѣлалъ его главнымъ приказчикомъ; уступите его мнѣ!» Игуменъ долго отговаривался. Наконецъ Марко Богатый посулилъ за него вкладу въ монастырь двадцать пять тысячь; игуменъ посовѣтовался съ братіей, и сообща удумали принять вкладъ и отпустить Василія Безсчастнаго.

Марко послалъ Василія Безсчастнаго домой и написалъ съ нимъ такое письмо: «жена! какъ только получишь мое письмо, сейчасъ же отправляйся съ этимъ посланнымъ на мыльный заводъ и прикажи рабочимъ, чтобы столкнули его въ большой кипучій котелъ; да смотри — непремѣнно исполни! этотъ малый—мнѣ давнишній злодѣй!» Идетъ Василій Безсчастный путемъ-дорогою; попадается ему навстрѣчу сѣдой старецъ и спрашиваетъ: «Куда идешъ, Василій Безсчастный?» —Иду въ домъ Марка Богатаго; хозяинъ съ письмомъ послалъ. «А покажь письмо!» Василій подалъ ему письмо; старичокъ сломилъ печать и говоритъ: «ну-ка, прочитай!» Василій прочиталъ и прослезился: «что я этому человѣку сдѣлалъ? за что послалъ меня на лютую казнь?—«Не печалься и не бойся», сказалъ старецъ;

«Господь тебя не оставитъ!» Дунулъ на письмо—и печать снова сдѣлалась цѣлою. «Ступай теперь съ Богомъ и отдай письмо женѣ Марка Богатаго». Василій Безсчастный пришелъ въ домъ Марка Богатаго, спросилъ хозяйку и отдалъ ей письмо. Хозяйка прочитала, кликнула дочь свою Анастасію и показала ей, что отецъ пишетъ; а въ письмѣ было сказано: «жена! какъ получишь мое письмо, на другой же день обвѣнчай Анастасію съ этимъ посланнымъ; да смотри—непремѣнно исполни: такова моя воля!» У богатыхъ людей не пиво варить, не вино курить—все готово, веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Василья нарядили въ новый кафтанъ, показали Анастасіи: онъ ей полюбился; вотъ повели ихъ въ церковь и обвѣнчали.

Въ одно утро женѣ Марка Богатаго повѣстили, что прибылъ къ пристани ея мужъ, и она съ зятемъ и дочерью отправилась встрѣчать его. Марко увидѣлъ Василія Безсчастнаго, разсердился и крикнулъ на свою жену: «какъ ты осмѣлилась обвѣнчать съ нимъ дочь нашу?»—По твоему приказу, отвѣчала жена. Марко спросилъ полученное ею письмо, посмотрѣлъ и убѣдился, что все оно писано его собственною рукой.

Пожилъ Марко Богатый мѣсяцъ, другой и третій; потомъ позвалъ къ себѣ зятя и говоритъ ему: «ступай ты за тридевять земель, въ тридесятое государство, къ царю Змѣю; получи съ него дань за двѣнадцать лѣтъ и узнай тамъ о двѣнадцати моихъ корабляхъ, что пропадаютъ цѣлые три года. Завтра-же

чуть свѣтъ отправляйся!» Поутру рано всталъ Василій Безсчастный, помолился Богу, простился съ женою, взялъ котомочку сухариковъ и пошелъ въ путь-дорогу. Шелъ онъ долго ли—коротко ли, близко ли—далеко ли, только слышитъ въ сторонѣ голосъ: «Василій Безсчастный! куда идешь?» Оглядывается онъ въ ту сторону: кто, говоритъ, меня кличетъ? «Я — дубъ тебя спрашиваю: куда ты идешь?»—Къ царю Змѣю; иду за двѣнадцать лѣтъ дань требовать. Провѣщалъ ему дубъ: «какъ будешь во времени, обо мнѣ вспомяни: что стою я дубъ триста лѣтъ, долго ль мнѣ еще стоять?» Василій Безсчастный выслушалъ и отправился дальше. Шелъ-шелъ... и приходитъ къ большой широкой рѣкѣ; сѣлъ на паромъ, перевозчикъ его и спрашиваетъ: «куда ты идешь?»—Иду къ царю Змѣю за двѣнадцать лѣтъ дань требовать. «Какъ будешь во времени, обо мнѣ вспомяни: что перевожу я ровно тридцать лѣтъ, долго ль мнѣ еще перевозить?»— Хорошо! сказалъ Василій и пошелъ своею дорогою. Шелъ-шелъ... и приходитъ къ синему морю; черезъ море лежитъ китъ-рыба, а по ней, словно по мосту, идутъ пѣшіе и ѣдутъ конные. Только ступилъ на нее Василій, китъ-рыба возговорила: «Василій Безсчастный! куда ты идешь?»—Иду къ царю Змѣю за двѣнадцать лѣтъ дань требовать. «Ну, добрый человѣкъ! какъ будешь во времени, обо мнѣ вспомяни: что лежитъ китъ-рыба черезъ синее море, конные и пѣшіе пробили у нея тѣло до самыхъ реберъ; долго ли ей еще лежать, долго ли ей мо-

стомъ служить»?—Хорошо, не забуду! отвѣчалъ Василій и пустился дальше.

Долго ли, коротко ли,—проходитъ онъ на зеленый лугъ; на лугу стоитъ большой дворецъ. Василій Безсчастный поднялся на крылечко и пошелъ по комнатамъ, по узорчатымъ, вырѣзнымъ переходамъ; комната комнаты лучше убрана, а въ самой дальней сидитъ на постели красная дѣвица и горько плачетъ. Увидала она гостя, подошла къ нему и спрашиваетъ: «кто ты таковъ, добрый молодецъ, и какъ попалъ въ это проклятое мѣсто?—Называюсь я Василій Безсчастный, а прислалъ меня Марко Богатый, приказалъ разыскать царя Змѣя да истребовать съ него дань за всѣ за двѣнадцать лѣтъ. «Ахъ, Василій Безсчастный! ты присланъ сюда не за данью, а царю Змѣю на съѣденіе. Да какими путями ты шелъ? Не случилось ли тебѣ, молодцу, видѣть и слышать что дорогою?» Василій разсказалъ ей про вѣщій дубъ, перевозчика и китъ-рыбу. Только успѣли они переговорить, какъ зашумѣлъ вихрь, затряслась земля, и пошатнулся дворецъ; красная дѣвица спрятала Василія Безсчастнаго подъ кровать и сказала ему: «сиди и слушай хорошенько, что стану я говорить съ Змѣемъ!»

Царь Змѣй влетѣлъ въ комнату: «что, говоритъ, здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?»—Какъ сюда зайти русскому духу? отвѣчаетъ красная дѣвица; это ты по Руси леталъ, русскаго духу набрался. «Охъ, я сильно усталъ! поищи-ка у меня въ головѣ», сказалъ Змѣй и разлегся на постели. Дѣвица при-

нялась искать у него въ головѣ, а сама сказываетъ: «царь, какой безъ тебя я сонъ видѣла! будто иду я по дорогѣ и кричитъ мнѣ старый дубъ: доложи царю, долго ль мнѣ еще стоять?» —А ему стоять до тѣхъ поръ, отвѣчалъ Змѣй, пока не придетъ добрый молодецъ и не ударитъ его ногою на восходъ солнца: тогда дубъ выворотится съ корнемъ и упадетъ, а подъ нимъ объявится злата и серебра многое множество—столько нѣтъ у Марка Богатаго! «А потомъ снилось мнѣ,—будто пришла я къ большой, широкой рѣкѣ; черезъ ту рѣку паромъ ходитъ, и спрашиваетъ меня перевозчикъ, долго ль ему сидѣть на паромѣ да людей перевозить!» —Нѣтъ, недолго: пусть перваго, кто къ нему явится, посадитъ на свое мѣсто и оттолкнетъ паромъ отъ берега: съ кѣмъ это случится, тотъ, на смѣну ему, и будетъ вѣчнымъ перевозчикомъ!—«А еще привидилось мнѣ,—будто шла я по киту-рыбѣ, шла черезъ синее море, и спрашивала у меня китъ-рыба: долго ли ей мостомъ лежать?—Ей лежать до тѣхъ поръ, пока не выброситъ изъ своей утробы двѣнадцати кораблей Марка Богатаго; а какъ выброситъ корабли, тотчасъ же пойдетъ въ воду, и кости ея обрастутъ, и тѣло ея оправится,—сказалъ змѣй и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Красная дѣвица выпустила Василія Безсчастнаго и дала ему такой совѣтъ: «что узналъ ты отъ царя Змѣя, того не сказывай по эту сторону ни китъ-рыбѣ, ни перевозчику, а сказывай тогда, какъ будешь на другой сторонѣ». Василій Безсчастный

поблагадарилъ дѣвицу и пошелъ въ обратный путь. Долго ли, коротко ли,—приходитъ къ синему морю; китъ-рыба его спрашиваетъ: «ну, что? говорилъ про меня съ царемъ Змѣемъ?»—Говорилъ; вотъ перейду на тотъ берегъ—и тебѣ скажу. Перешелъ черезъ море и сказываетъ: «выбрось изъ своей утробы двѣнадцать кораблей Марка Богатаго». Китъ-рыба рыгнула—двѣнадцать кораблей пошли на парусахъ, ни въ чемъ невредимы; а волны такъ и хлынули на берегъ, и Василій Безсчастный, хоть далеко отбѣжалъ, очутился въ водѣ по колѣна. Послѣ того пришелъ Василій къ перевозчику. «Говорилъ ли про меня царю Змѣю?» спрашиваетъ перевозчикъ.—Говорилъ. Ну, что жъ? какой отвѣтъ?»

А вотъ перевези меня на ту сторону, тогда и узнаешь. Переправился Василій на другой берегъ и сказываетъ перевозчику: «перваго, кто къ тебѣ явится, посади на свое мѣсто, оттолкни паромъ отъ пристани и отправляйся домой!» Наконецъ, пришелъ онъ къ вѣщему дубу, ударилъ его ногою на восходъ солнца—дубъ свалился, а подъ нимъ злата и серебра и каменья драгоцѣннаго что ни есть числа! Оглянулся назадъ, а прямо къ берегу плывутъ двѣнадцать кораблей—тѣ самые, что недавно выбросила изъ себя китъ-рыба. Матросы перетаскали золото и серебро и каменье драгоцѣнное на корабли, и какъ совсѣмъ исправились—пустились въ путь, а съ ними и Василій Безсчастный. Дали знать Марку Богатому, что плыветъ его зять съ двѣнадцатью кораблями, и что наградилъ его Змѣй несчетными

богатствами. Марко Богатый разсердился, приказалъ запречь повозку и поѣхалъ къ царю Змѣю развѣдывать, какъ ему избыть своего ворога. Пріѣхалъ къ перевозчику, сѣлъ на паромъ, перевозчикъ оттолкнулъ паромъ отъ пристани—и съ той самой поры остался Марко Богатый на вѣки-вѣчные перевозить людей черезъ рѣку съ одной стороны на другую. А Василій Безсчастный прибылъ къ женѣ и тещѣ, сталъ себѣ жить да поживать, да добра наживать, бѣднымъ помогать, сирыхъ награждать—и, какъ было предсказано, завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ Марка Богатаго.

12. Солдатъ и смерть.

Отслужилъ солдатъ полныя двадцать пять лѣтъ, получилъ отставку и пошелъ странствоватъ по бѣлому свѣту. Шелъ-шелъ, а навстрѣчу ему убогій и проситъ милостыню. У солдата всего на всего было три сухаря; отдалъ онъ убогому одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше; погодя немного попадается ему другой нищій, кланяется и проситъ милостыню. Солдатъ подѣлился съ нимъ поровну: и ему подалъ сухарь, и себѣ оставилъ сухарь. Прошло еще сколько-то времени—повстрѣчался ему третій нищій, сѣдой какъ лунь старецъ, кланяется и проситъ милостыню. Вынулъ солдатъ послѣдній сухарь и думаетъ: «цѣлый дать—самому не

останется, половину дать—пожалуй, сойдется этотъ старикъ съ прежними нищими, увидитъ у нихъ по цѣлому сухарю и обидится; лучше отдамъ ему весь, а самъ какъ-нибудь обойдусь!» Отдалъ послѣдній сухарь и остался не при чемъ. Вотъ старикъ его и спрашиваетъ: «скажи, добрый человѣкъ, чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? я тебѣ помогу».—Богъ съ тобой!—отвѣчалъ солдатъ,—съ тебя, старичокъ, взять нечего: ты самъ убогій! «Да ты не смотри на мое убожество, только скажи, чего желаешь? а ужъ я тебя награжу...«—Мнѣ ничего не надо, а коли есть у тебя карты, такъ подари на память. Старикъ вынулъ изъ-за пазухи карты и даетъ солдату: возьми, говоритъ, съ кѣмъ ни станешь играть въ эти карты—всякаго обыграешь. Да вотъ еще, нá тебѣ торбу! кого ни встрѣтишь на дорогѣ: звѣря ли, птицу ли, только распахни торбу да скажи: полѣзай сюда!—и звѣрь, и птица сами въ нее полѣзутъ».—Спасибо, сказалъ солдатъ, взялъ карты и торбу и поплелся своею дорогой.

Шелъ, близко ли—далеко ли, долго ли—коротко ли, и пришелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плаваютъ три дикихъ гуся. Вотъ солдатъ и вздумалъ: дай-ка я свою торбу попробую! Вынулъ ее, распахнулъ и говоритъ: «эй вы, дикіе гуси! полѣзайте сюда». И только вымолвилъ эти слова—какъ снялись гуси съ озера и прилетѣли прямо въ торбу. Солдатъ завязалъ торбу, поднялъ на плечо и отправился дальше. Шелъ-шелъ и пришелъ въ чужеземный городъ. Забрался въ трактиръ и гово-

ритъ хозяину: «возьми этого гуся и зажарь мнѣ къ ужину, другого гуся отдаю тебѣ за хлопоты, а третьяго промѣняй мнѣ на водку». Вотъ сидитъ солдатъ въ трактирѣ да угощается: выпьетъ винца да гусемъ и закуситъ. И вздумалось ему поглазѣть въ окошко. Смотритъ: стоитъ недалеко славный, высокій дворецъ, только во всемъ дворцѣ нѣтъ ни одного стекла цѣлаго. «Послушай, спрашиваетъ онъ хозяина, что это за дворецъ и отчего онъ пустой стоитъ»—Да вишь,—говоритъ хозяинъ,—царь нашъ выстроилъ этотъ дворецъ для себя, только жить-то въ немъ нельзя. Вотъ ужъ десять лѣтъ пустуетъ: всѣхъ нечистая сила выгоняетъ! Каждую ночь собирается тамъ чертовское сонмище, шумитъ, пляшетъ, въ карты играетъ... Солдатъ не сталъ долго раздумывать; тотчасъ же явился къ царю, вытянулся во фронтъ и сказалъ: «царь-государь! не прикажи казнить, прикажи слово говорить... Позволь мнѣ въ твоемъ запустѣломъ дворцѣ одну ночь переночевать».—Что ты, служба, Богъ съ тобою! ужъ были такіе смѣльчаки, брались ночевать въ этомъ дворцѣ, да никто живой не ворочался. «Эка! русскій солдатъ ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ. Служилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, да не померъ, а то за единую ночь у тебя пропаду!»—Я жъ тебѣ говорю: пойдетъ туда съ вечера живой человѣкъ, а къ утру однѣ косточки останутся. Солдатъ на своемъ стоитъ: пусти, да пусти во дворецъ! «Ну,—говоритъ царь,—ступай, коли хочешь; я съ тебя воли не снимаю».

Пришелъ солдатъ въ запустѣлый дворецъ и расположился въ большой палатѣ; снялъ съ себя ранецъ и саблю, ранецъ поставилъ въ уголокъ, а саблю на гвоздикъ повѣсилъ; сѣлъ за столъ, вынулъ кисетъ съ табакомъ, набилъ трубку—и покуриваетъ себѣ. Вотъ ровно въ двѣнадцать часовъ — откуда что взялось — набѣжало во дворецъ чертей видимо-невидмо, поднялись гамъ, крикъ, плясъ и музыка. «А, и ты, служивый, здѣсь! завопили черти, зачѣмъ пожаловалъ? не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?» Отчего не хотѣть! только чуръ играть моими картами; вашимъ я не вѣрю. Сейчасъ вынулъ свои карты и началъ сдавать. Разъ сыграли—солдатъ выигралъ, въ другой—опять солдатъ выигралъ. Сколько ни ухитрялись нечистые, а всѣ деньги спустили солдату: онъ знай себѣ загребаетъ! «Постой, служивый! говорятъ черти, есть у насъ въ запасѣ пятьдесятъ четвериковъ серебра да сорокъ золота; давай-ка играть на это серебро, на это золото!»—и посылаютъ они чертёнка таскать запасные мѣшки. Принялись снова за игру—солдатъ все обыгрываетъ; ужъ чертёнокъ таскалъ-таскалъ, все серебро перетаскалъ, запыхался и говоритъ своему лысому дѣдушкѣ: «позволь отдохнуть немножко!»—Вотъ я тебя! таскай пострѣлъ, золото!—Чертёнокъ бросился за золотомъ, таскалъ-таскалъ, цѣлый уголъ завалилъ, а толку все нѣту... все солдатъ обыгрываетъ. Жалко стало чертямъ своихъ денегъ; вотъ они и давай приставать къ солдату, да какъ заревутъ: «разорвемъ его, братцы!» А

солдатъ схватилъ торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «а это что?»—Торба, отвѣчаютъ черти. «А ну, полѣзайте въ торбу!» Только вымолвилъ эти слова—и полѣзли черти въ торбу; да и много-жъ набралось ихъ, чуть не давятъ другъ дружку! Солдатъ завязалъ торбу покрѣпче, повѣсилъ ее на стѣну, потомъ улегся на мѣшкахъ и спалъ до разсвѣта.

По утру посылаетъ царь своихъ людей: «ступайте провѣдайте, что съ солдатомъ дѣется? Коли пропалъ, такъ приберите его косточки.« Посланные прибѣжали во дворецъ, смотрятъ—а солдатъ весело по комнатамъ похаживаетъ да трубочку покуриваетъ. «Здорово, служивый! не чаяли увидать тебя живого... Ну, какъ ночевалъ, какъ съ чертями поладилъ?«—Что черти! вы посмотрите, сколько я серебра да золота у нихъ выигралъ: вишь, какіе ворохи! Царскіе люди дивуются, глазамъ не вѣрятъ. «Ну, чего рты разинули! говоритъ солдатъ; приведите-ка скорѣе двухъ кузнецовъ, да велите имъ, чтобы взяли съ собою наковальню да молоты». Сказано—сдѣлано: явились кузнецы съ наковальнею, съ тяжелыми молотами. «А ну, приказываетъ имъ солдатъ, снимите-ка эту торбу да пріударьте ее по-кузнечному». Стали кузнецы снимать торбу и говорятъ промежъ себя: «ишь, какая тяжелая! Черти, что ли, въ ней напиханы!» А черти откликаются: «мы, батюшки! мы, родимые!» Кузнецы поставили наковальню, положили на нее торбу и давай постукивать молотами, словно желѣзо куютъ. Жутко пришлось нечистымъ, невмоготу стало терпѣть,

завопили на весь домъ: «смилуйся, служивый! выпусти на вольный свѣтъ, по вѣкъ тебя не забудемъ; а ужъ въ этотъ дворецъ ни одинъ чортъ не зайдетъ... всѣмъ закажемъ, за сто верстъ отъ него бѣгать будемъ!» Солдатъ остановилъ кузнецовъ и только что развязалъ торбу, черти такъ и прыснули! выскочили вонъ и пустились безъ оглядки— кто куда попало. Да не всѣмъ удалось выскользнуть: одного хромого чорта солдатъ задержалъ въ своей торьбѣ заложникомъ.

Какъ скоро доложили про все это по начальству, царь призвалъ солдата, похвалилъ его и оставилъ жить при себѣ. Славное вышло ему житье: всего вдоволь, денегъ куры не клюютъ, люди въ поясъ кланяются и вздумалъ солдатъ жениться. Пріискалъ себѣ невѣсту, сыгралъ свадьбу, а чрезъ годъ послѣ того далъ ему Богъ сына. Вотъ какъ-то и приключилась этому мальчишку хворь, да такая, что и вылѣчить нельзя; ужъ сколько лѣкарей да знахарей перебывало, а толку все ни на грошъ! Вспомнилъ солдатъ про хромого чорта, притащилъ торбу и спрашиваетъ: «живъ ли ты, хромой?» —Живъ, служивый! что твоей милости надо?—«А вотъ что: захворалъ у меня сынишка, не знаешъ ли—какъ его вылѣчить?—Знаю, только напередъ изъ торбы выпусти! «А какъ ты надуешь?« Хромой заклялся, что у него и на мысляхъ того не было. Солдатъ развязалъ торбу, чортъ вылѣзъ оттуда досталъ изъ кармана стаканъ, налилъ его ключевою водой, поставилъ хворому въ изголовье и говоритъ: «поди-ка

служивый, посмотри на воду». Солдатъ смотритъ на воду, а чортъ его спрашиваетъ: «ну, что видишь?»—Вижу костлявую смерть. «Гдѣ она стоитъ?» Въ ногахъ у моего сына. «Ну, если въ ногахъ, такъ здоровъ будетъ; а если бы въ головахъ стояла—непремѣнно бы померъ! Возьми-ка теперь стаканъ да брызни на хвораго». Солдатъ брызнулъ на мальчика, и въ ту же минуту онъ выздоровѣлъ... «Спасибо!» сказалъ солдатъ. отпустилъ хромого на волю, а стаканъ себѣ взялъ; съ той поры сдѣлался онъ знахаремъ, сталъ лѣчить и бояръ, и генераловъ; только посмотритъ въ стаканъ—и сейчасъ же узнаетъ: кому помереть, кому выздоровѣть.

Долго ли, коротко ли,—случилось заболѣть самому царю. Позвали солдата; вотъ онъ налилъ стаканъ ключевой воды, поставилъ его царю въ изголовье, посмотрѣлъ и что жъ? Смерть тутъ же въ головахъ стоитъ. «Царь-государь! говоритъ солдатъ, никто тебя не сможетъ вылѣчить; всего навсего остается тебѣ жить три часа!» Отъ тѣхъ рѣчей царь сильно разгнѣвался: «какъ такъ! закричалъ онъ на солдата, ты многихъ бояръ и генераловъ вылѣчивалъ, а меня не хочешъ... развѣ я хуже ихъ? сейчасъ повелю казнить тебя смертью!» Вотъ солдатъ думалъ-думалъ, что ему дѣлать, и началъ упрашивать смерть; «отдай, говоритъ, царю мой вѣкъ, а меня умори, все равно приходится мнѣ погибать,—такъ ужъ лучше отъ тебя умереть, чѣмъ лютою казнь принять!» Заглянулъ въ стаканъ—смерть кивнула ему головой и стала у царя въ но-

гахъ. Солдатъ брызнулъ на больного, и больной выздоровѣлъ и всталъ съ постели. «Ну смерть! проситъ солдатъ, дай мнѣ сроку хоть на три часа; дозволь домой сходить да съ женой и сыномъ проститься».—«Ступай!» отвѣчаетъ смерть. Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать и крѣпко разболѣлся. А смерть уже явилась, въ головахъ стоитъ: «прощайся, служивый, скорѣе! всего три минуточки осталось жить тебѣ на бѣломъ свѣтѣ». Солдатъ потянулся, досталъ со стѣны свою торбу, распахнулъ ее и спрашиваетъ: «а это что?» Смерть отвѣчаетъ: «торба».—«Ну, коли торба, такъ полѣзай въ нее!»—и въ ту же минуту смерть очутилась въ торбѣ. Солдатъ (куда и хворь его дѣвалась!) вскочилъ съ постели, завязалъ торбу крѣпко-накрѣпко, взвалилъ ее на плечи и пошелъ въ лѣса дремучіе, лѣса Брянскіе. Пришелъ въ лѣсъ и повѣсилъ ее на горькой осинѣ, на самой вершинѣ, а самъ домой воротился.

Съ той поры, съ того времени не сталъ народъ помирать: рождаться—рождается, а не помираетъ! Много лѣтъ прошло, солдатъ все торбы не снимаетъ. Случилось однажды итти ему по городу; попадается ему навстрѣчу древняя-древняя старушка: въ которую сторону вѣтеръ подуетъ, въ ту и валится. «Вишь, какая старая, сказалъ солдатъ; чай давно ужъ помирать пора!»—Да, батюшка, отвѣчала старуха; еще въ то время, какъ посадилъ ты смерть въ торбу, оставалось всего моего житья на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я бы и рада на

покой, да безъ смерти земля не принимаетъ, и тебѣ служивый, за это отъ Бога великое наказаніе! вѣдь ни одна душа на свѣтѣ такъ же какъ я мучится!— Вотъ солдатъ и раздумался: „видно надобно смерть выпустить: ужъ пускай уморитъ меня! и безъ того на мнѣ грѣховъ много...» Собрался и пошелъ въ лѣса Брянскіе; подходитъ къ осинѣ и видитъ виситъ торба высоко-высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разныя стороны. «А что, смерть, жива?» спрашиваетъ солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снялъ солдатъ торбу, выпустилъ смерть и проситъ, чтобы скорѣй его уморила; а она какъ пустится бѣжать!... только ее солдатъ и видѣлъ.

Воротился солдатъ домой и долго-долго жилъ послѣ этого на бѣломъ свѣтѣ; казалось, и кончины ему не будетъ, да вотъ на-дняхъ померъ!

13. Разбойники.

Былъ да жилъ богатый мужикъ съ женою; у нихъ была дочка Аленушка. Вотъ этого мужика позвали на свадьбу; онъ собрался ѣхать съ женою, а дочь оставляетъ домосѣдкою. «Матушка! я боюсь оставаться одна», говоритъ Аленушка матери. «А ты собери подружекъ на посидѣлки, и будешь не одна». Отецъ и мать уѣхали, а Аленушка собрала подружекъ; много сошлось ихъ съ рабо-

тою: кто вяжетъ, кто прядетъ. Одна дѣвица уронила невзначай веретено; оно покатилось и упало въ трещину, прямо въ погребъ. Вотъ она полѣзла за веретеномъ въ погребъ, сошла туда, смотритъ, а тамъ за кадушкой сидитъ разбойникъ и грозитъ ей пальцемъ. «Смотри, говоритъ онъ, не разсказывай никому, что я здѣсь, а то не быть тебѣ живою!» Вылѣзла дѣвица изъ погреба блѣдная-блѣдная, разсказала все шопотомъ одной подружкѣ, та другой, а эта третьей, и всѣ перепуганныя стали собираться домой. «Куда вы?» уговариваетъ ихъ Аленушка, «постойте, еще рано». Кто говоритъ, что ей надо по воду итти, кто говоритъ, что ей надо за коровой присмотрѣть, холстъ къ сосѣду отнести, избу прибрать,—и всѣ ушли. Осталась одна Аленушка.

Разбойникъ услыхалъ, что все пріутихло, вышелъ изъ погреба и говоритъ ей: «здравствуй, красная дѣвица, пирожная мастерица! »—«Здравствуй! отвѣчаетъ Аленушка. Разбойникъ осмотрѣлъ все въ избѣ и вышелъ посмотрѣть еще на дворѣ; а Аленушка тѣмъ временемъ поскорѣй двери на запоръ и огонь потушила. Разбойникъ стучится въ избу: «пусти меня, не то зарѣжу!» — Не пущу; коли хочешь, полѣзай въ окно! — а сама приготовила топоръ. Только разбойникъ просунулъ въ окно голову, она тотчасъ ударила топоромъ и отрубила ему голову, а сама думаетъ: скоро пріѣдутъ другіе разбойники, его товарищи; что мнѣ дѣлать? Взяла отрубленную голову и завязала въ платокъ; послѣ притащила убитаго разбойника, разсѣкла его на части и

поклала въ мѣшки. Прошло ни много, ни мало времени, пріѣхали разбойники и спрашиваютъ: «справился ли?»—они думали, что товарищъ ихъ живъ. «Справился, говоритъ Аленушка голосомъ разбойника; вотъ два мѣшка денегъ, вотъ масло, а вотъ ветчина!»—и подаетъ приготовленные узлы и мѣшки въ открытое окно. Разбойники забрали все это, да на возъ. «Ну, поѣдемъ!» говорятъ они.—Поѣзжайте, говоритъ Аленушка, а я посмотрю, нѣтъ ли еще чего». Тѣ сейчасъ же уѣхали.

Развсѣло. Мужикъ съ женою воротился со свадьбы. Аленушка разсказала имъ все, какъ было: «такъ и такъ, сама разбойниковъ побѣдила!» А разбойники пріѣхали домой, да какъ поглядѣли въ узлы и мѣшки, такъ и ахнули: «ахъ она, такая-сякая! хорошо же, мы ее сгубимъ!» Вотъ нарядились они хорошо-хорошо и пріѣхали къ мужику свататься за Аленушку, а въ женихи ей выбрали дурачка. Аленушка смѣтила ихъ по голосу и говоритъ отцу: «батюшка! это не сваты, это тѣ же разбойники, что прежде пріѣзжали».—Что ты врешь? говоритъ отецъ, они такіе нарядные!—а самъ-то радъ, что такіе богатые да хорошіе люди пріѣхали свататься за его дочь и приданаго не берутъ. Аленушка плакать—ничего не помогаетъ. «Мы тебя изъ дому прогонимъ, коли не пойдешь теперь замужъ!» говорятъ мужикъ съ женою. И просватали ее за разбойника, и сыграли свадьбу. Свадьба была самая богатая.

Повезли разбойники Аленушку къ себѣ и только въѣхали въ лѣсъ—стали совѣтъ держать: «чтожъ,

здѣсь станемъ казнить?» А дурачекъ говоритъ «Хоть бы денечекъ она прожила, я бы на нее поглядѣлъ!»—Ну, что тебѣ, дураку, глядѣть! «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились обождать поѣхали и привезли Аленушку къ себѣ; пили-пили, гуляли-гуляли; потомъ и говорятъ: «что жъ, теперь пора ее казнить!» А дурачекъ: «братцы, погодите хоть до утра.»—Ну, дуракъ, она, пожалуй, еще уйдетъ!—Нѣтъ! я за ней присмотрю; пожалуйста, братцы!» Разбойники уступили его просьбамъ, и оставили молодыхъ въ особой клѣти. Вотъ Аленушка и говоритъ мужу: выпусти меня на дворъ, я подышу свѣжимъ воздухомъ!»—А ну, какъ наши-то услышатъ? «Я потихонечку; пусти хоть въ окошко».—Я бы пустилъ, да ты уйдешь! «А ты привяжи меня; у меня есть славный холстъ, отъ матушки достался: обвяжи меня холстомъ и выпусти, а когда потянешь, я опять въ окно влѣзу». Дурачекъ обвязалъ ее холстомъ. Аленушка спустилась въ окно, поскорѣй отвязалась, вмѣсто себя привязала козу за рога, и немного погодя говоритъ: «тащи меня!»—а сама бѣжать... Дурачекъ потащилъ, а коза—мекеке, мекеке! Что не потянетъ, коза все—мекеке да мекеке! «Что ты мекекаешь?» говоритъ дурачекъ, наши услышатъ и сейчасъ тебя изгубятъ». Притащилъ, хвать, а заходстъ привязана коза. Дурачекъ испугался и не знаетъ, что дѣлать: «ахъ, она проклятая! вѣдь обманула». Поутру входятъ къ нему разбойники. «Гдѣ твоя молодая?» спрашивютъ его.—Ушла. «Ахъ,

ты—дуракъ, дуракъ, вѣдь мы жъ тебѣ говорили, такъ нѣтъ--все упрашивалъ!»

Сѣли верхами и поскакали нагонять Аленушку; ѣдутъ съ собаками, хлопаютъ бичами да свищутъ—такая страсть! Аленушка услыхала погоню и влѣзла въ дупло сухого дуба; сидитъ тамъ ни жива, ни мертва, а вокругъ этого дуба сабаки такъ и вьются. «Нѣтъ ли тамъ ее?» говоритъ одинъ разбойникъ другому; «ткни-ка, братъ, туда ножомъ.“ Тотъ ткнулъ ножомъ въ дупло и попалъ Аленушкѣ въ колѣнку. Только Аленушка была догадлива, схватила платокъ и обтерла ножъ. Посмотрѣлъ разбойникъ на свой ножъ и говоритъ: «нѣтъ, ничего не видать!» И опять они поскакали въ разныя стороны, засвистали и захлопали.

Когда все стихло, Аленушка вылѣзла изъ дупла и побѣжала; бѣжала-бѣжала и слышитъ опять погоню. А по дорогѣ, видитъ она, ѣдетъ мужикъ съ корытами и лотками. «Дяденька, спрячь меня подъ корыто!» проситъ она.—Эка, ты какая нарядная! ты вся вымараешься. «Пожалуйста, спрячь! за мной разбойники гонятся». Мужикъ раскидалъ корыта, положилъ ее подъ самое нижнее и опять сложилъ. Только-что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?»—Не видалъ, родимые. «Врешь; сваливай корыта». Вотъ онъ сталъ сбрасывать корыта и посбросалъ уже всѣ, кромѣ послѣдняго. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдемте дальше!» сказали разбойники и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда все стихло, Аленушка и проситъ: «дяденька, пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала и слышитъ новую погоню. А по дорогѣ, видитъ она, ѣдетъ мужикъ—везетъ кожи. «Дяденька, спрячь меня подъ кожами: за мной разбойники гонятся!» Эка, вишь ты какая нарядная! подъ кожами вся вымараешься. «Ничего, только спрячь!» Мужикъ раскидалъ кожи, положилъ ее подъ самую нижнюю и опять сложилъ все попрежнему. Только что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?»—Не видалъ, родимые! «Врешь! сваливай кожи».—Да зачѣмъ, родимые, стану я разбрасывать свое добро?—Разбойники кинулись сбрасывать кожи и побросали почти всѣ кожи: только двѣ-три оставалось. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдемте дальше!» сказали они и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда не стало слышно ни стуку этого, ни грому, Аленушка и проситъ: «дяденька, пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала и въ самую полночь воротилась домой, легла въ стогъ сѣна, закопалась туда вся и заснула. Разсвѣло. Отецъ ее пошелъ давать коровамъ сѣна и только воткнулъ вилами въ сѣно,—Аленушка и схватилась руками за вилы. Мужикъ оробѣлъ, крестится и говоритъ: «съ нами крестная сила! Господи помилуй!» Потомъ уже спросилъ: «кто тамъ?» Аленушка узнала отца и вылѣзла изъ сѣна. «Ты какъ сюда попала?»—Такъ и такъ... вы отдали

меня разбойникамъ; они хотѣли меня казнить, да я убѣжала!—и разсказываетъ всѣ страсти.

Немного погодя пріѣзжаютъ къ этому мужику разбойники; а онъ Аленушку спряталъ. «Жива ли, здорова ли дочка?» спрашиваетъ мужикъ.—Слава Богу! она осталась дома хозяйничать,—отвѣчаютъ разбойники; сѣли за столъ и повели бесѣду, а мужикъ тѣмъ времячкомъ созвалъ солдатъ, вывелъ дочь и спрашиваетъ: «а это кто?»

Тутъ разбойниковъ похватали, въ кандалы заковали и отправили въ тюрьму.

14. Злая жена.

Злая жена худо съ мужемъ жила, ничего мужа не слушала. Велитъ мужъ раньше вставать, такъ она трое сутокъ спитъ; велитъ мужъ спать, она и глазъ не зажмуритъ. Велитъ мужъ блины печь, она закричитъ:» не стоишь, воръ, блиновъ!» Мужъ скажетъ: «не пеки, жена, блиновъ, коли не стою!» а она выпечетъ кринку ведра въ два и суетъ ему въ глотку: «ѣшь, негодный, чтобъ все было съѣдено!» Только мужъ помаялся съ нею, помаялся, пошелъ съ горя въ лѣсъ по ягоды и набрелъ на кустъ смородины, а подъ тѣмъ кустомъ была бездонная яма; поглазѣлъ онъ и смекнулъ: «что я живу со злою женою, всю жизь свою маюся; не могу ли я ее проучить, въ эту яму засадить?»

Пришелъ въ избу и говоритъ «не ходи, жена, въ лѣсъ за ягодами».—Нѣтъ, пойду!—«Я нашелъ кустъ смородины, не рви съ него».—Нѣтъ, сама оберу, тебѣ не дамъ ни ягодки!—Мужъ пошелъ въ лѣсъ, жена за нимъ; приходитъ къ смородинѣ, жена подскочила къ кусту и кричитъ на мужа: «не подходи, воръ, убью!» Оступилась—и бухъ въ бездонную яму...

Мужикъ воротился въ избу, прожилъ трое сутокъ безъ бабы, а на четвертыя пошелъ ее провѣдывать; взялъ длинную бичеву, опустилъ въ ямищу, сталъ тащить кверху и видитъ, что за веревку ухватился чертенокъ, испугался и хотѣлъ было того чертенка въ яму сбросить. А нечистый завопилъ жалобнымъ голосомъ: «добрый человѣкъ! не бросай въ яму, пусти на свѣтъ; пришла къ намъ злая жена, всѣхъ-то перекусала, перещипала... тошно намъ! Я тебѣ добромъ заплачу!» Мужикъ сжалился и пустилъ его на вольный свѣтъ. «Ну, мужичокъ, говоритъ чертенокъ, пойдемъ со мною въ градъ Вологду; я стану людей морить, а ты—лѣчить». И пошелъ чертенокъ по купеческимъ женамъ и дочерямъ, сталъ онъ въ нихъ входить, стали онѣ дурѣть, стали онѣ болѣть. А мужикъ выдалъ себя за лѣкаря, и куда бы его ни позвали,—только что онъ въ домъ покажется, нечистый сейчасъ вонъ, болящіе выздоравливаютъ, печаль смѣняется общею радостью. Повалило мужику счастье; и деньги ему даютъ, и пирогами его кормятъ. Вотъ чертенокъ и говоритъ: «довольно съ тебя, мужичокъ! Теперь я войду въ дочь богача

смотри, не ходи ее лѣчить; не то—съѣмъ тебя!» Дѣвица, богачева дочь, заболѣла и такъ задурѣла, что и приступиться къ ней нельзя; тотчасъ бросились слуги за мужикомъ, подхватили его и представили на хозяйскій дворъ: «лѣчи! говорятъ; коли не вылѣчишь, головой поплатишься!» Какъ быть? Рѣшился мужикъ подняться на хитрости: приказалъ, чтобы всѣ кучера и конюхи и слуги бѣгали по улицѣ, мимо хозяйскаго дома, щелкали бы въ арапники да во всю мочь кричали: «злая жена пришла! злая жена пришла!» а самъ пошелъ въ хоромы. Увидалъ его чертенокъ, озлился и говоритъ: «что ты, русскій, зачѣмъ пришелъ? вотъ я жъ до тебя доберусь!»—Полно, отвѣчаетъ мужикъ, я пришелъ тебя жалѣючи повѣстить, что злая жена назадъ воротилась. Чертенокъ вскочилъ на окошко, вытаращилъ глаза и сталъ прислушиваться, а на улицѣ благимъ матомъ кричатъ: «злая жена пришла! злая жена пришла!»—Мужичокъ, мнѣ-то куда дѣваться? «Ступай опять въ ямищу; она больше туда не покажется...» Чертенокъ кинулся въ яму и пропалъ безъ вѣсти; дѣвица выздоровѣла и пошла прыгать да пѣсенки распѣвать. За это отецъ ея мужика наградилъ—отдалъ ему половину имѣнія, а злая жена и понынѣ въ ямѣ сидитъ.

15. Лиса-повитуха.

Жили-были кумъ съ кумой—волкъ съ лисой. У лисицы была изба ледяная, а у волка—лубяная. Стало лѣто, у лисицы избушка-то и растаяла. Пошла она къ волку на квартиру проситься: «Пусти меня, кумъ, хоть на крылечко!»—Ступай, кума! Взошла лиса на крылечко; какъ бы добраться до печки? Начала она упрашивать кума не вдругъ, не сразу, а помаленьку: «пусти меня, кумъ, въ сѣни!» —Нѣтъ, кума, не пущу! «Пусти, куманекъ!»—Такъ и быть, полѣзай! Взошла въ сѣни: «пусти меня, кумъ, въ избушку!» — Нѣтъ, не пущу! Пристаетъ она къ волку, пусти да пусти, куманекъ! Нечего дѣлать, пустилъ ее въ избушку. Вошла въ избу, стала проситься на голбчикъ, съ голбчика — на полати, съ полатей—на печку, и такъ-таки добралась до теплаго мѣстечка.

У волка была кадочка меду. А лисица любитъ сладенькое; лежитъ она съ кумомъ на печкѣ да украдкою постукиваетъ хвостикомъ.—Кума, кума! говоритъ волкъ, кто-то стучитъ. — «А, знать меня на повой зовутъ!» бормочетъ лиса.—Такъ сходи, говоритъ волкъ. Вотъ кума изъ избы да прямехонько къ меду, нализалась и вернулась назадъ. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ волкъ.—Початочекъ, отвѣчаетъ лиса. Въ другой разъ опять лежитъ кума да постукиваетъ хвостикомъ. «Кума! кто-то стучится», говоритъ волкъ.—На повой, знатъ, зовутъ! «Такъ

сходи». Пошла лиса, да опять къ меду, нализалась досыта: медку только на донышкѣ осталось. Приходитъ къ волку. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ онъ.—Середышекъ. Въ третій разъ лиса также обманула волка и долизала ужъ весь медокъ. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ ее волкъ.—Поскребышекъ.

Долго ли, коротко ли—прикинулась лисица хворою, проситъ кума медку принести. Пошелъ кумъ, а меду ни капли. «Кума, кума! кричитъ волкъ, вѣдь медъ съѣденъ».—Какъ съѣденъ? кто же съѣлъ! кому окромя тебя! погоняетъ лисица. Волкъ и крестится, и божится. «Ну, хорошо! говоритъ лисица: давай ляжемъ на солнышкѣ; у кого вытопится медъ, тотъ и виноватъ». Пошли, легли. Лисицѣ не спится, а сѣрый волкъ храпитъ во всю пасть. Глядь-поглядь—у кумы-то и показался медокъ; она нутко скорѣе перемазывать его на волка. «Кумъ, кумъ! толкаетъ волка, а это что? вотъ кто съѣлъ!» И волкъ, нечего дѣлать, повинился. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ кринка масла.

16. Лиса-ночлежница.

Шла лиса по дорожкѣ, нашла скалочку, подняла ее и пустилась въ деревню. Приходитъ она къ мужику и просится: «хозяинъ! пусти меня ночевать».—У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку,

хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку. Рано утромъ лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ: «гдѣ же моя скалочка? я за нее гусочку не возьму!» Мужикъ—дѣлать нечего—отдалъ ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Нашла скалочку;
За скалочку—гусочку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ другому мужику.—Кто тамъ? «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать».—У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку. Рано утромъ она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: »гдѣ же моя гусочка? я за нее индюшечку не возьму!» Мужикъ—дѣлать нечего—отдалъ ей за гусочку индюшечку: взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Нашла скалочку;
За скалочку—гусочку,
За гусочку—индюшечку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ третему мужику.—Кто тамъ? «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать».—У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку». Ее пустили. Вотъ она легла на лавочку хвостикъ

подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: «гдѣ же моя индюшечка! я за нее не возьму и барашка!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за индюшку барашка; взяла лисичка барашка, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Нашла скалочку;
За скалочку—гусочку,
За гусочку – индюшечку,
За индюшечку—барашка!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ четвертому мужику.—Кто тамъ? «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать».У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а барашка подъ печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а барашка подъ печку. Рано утромъ лисичка встала, задушила барашка, мясо съѣла, а шкурку припрятала и говоритъ: «гдѣ же мой барашекъ? я за него не возьму и невѣсточку!» Нечего дѣлать, пришлось мужику отдавать за барашка невѣсточку. «Какъ же ты понесешь ее, лисанька?» спрашиваетъ мужикъ.—А ты посади ее въ мѣшокъ!

Мужикъ себѣ на умѣ, посадилъ въ мѣшокъ собаку. Вотъ лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѣшокъ, идетъ и говоритъ: «невѣсточка, пой пѣсни!» А собака какъ зарычитъ... Лисичка испугалась, какъ шваркнетъ мѣшокъ съ собакою, да бѣжать. Только ее и видѣли!

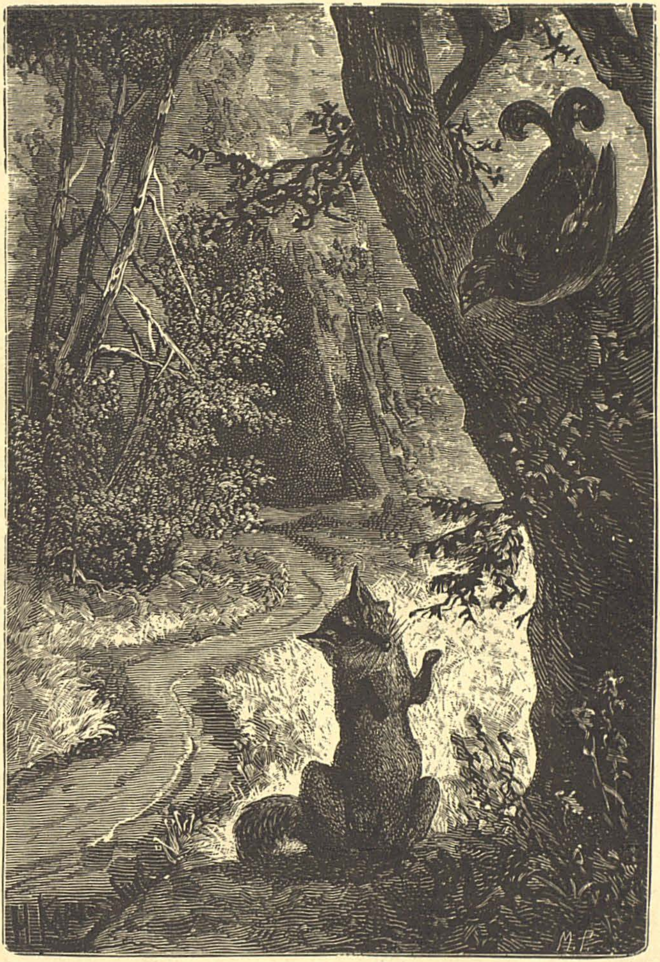
17. Лиса, заяцъ и пѣтухъ.

Жили-были лиса да заяцъ. У лисицы была избёнка ледяная, у зайчика лубяная: пришла весна-красна — у лисицы растаяла, у зайчика стоитъ по старому. Лиса попросилась у зайчика въ избѣ погрѣться, да зайчика-то и выгнала. Идетъ дорогой зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу собаки: тяфъ, тяфъ, тяфъ! про что, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ говоритъ: «отстаньте, собаки! какъ мнѣ не плакать? была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная: попросилась она ко мнѣ, да меня-жъ и выгнала».— Не плачь, зайчикъ! говорятъ собаки, мы ее выгонимъ. «Нѣтъ, не выгоните!» — Нѣтъ выгонимъ! Подошли къ избенкѣ: «тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди, лиса, вонъ!» А она имъ съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по закоулочкамъ!» Собаки испугались и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему навстрѣчу медвѣдь: о чемъ, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ говоритъ: «отстань, медвѣдь! какъ мнѣ не плакать? была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросиласъ она ко мнѣ, да меня-жъ и выгнала». Не плачь, зайчикъ! говоритъ медвѣдь, я ее выгоню. «Нѣтъ не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь». — Нѣтъ, выгоню! Пошли гнать: «поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по закоулочкамъ!» Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу быкъ: про что, зайчикъ, плачешь? «Отстань, быкъ! какъ мнѣ не плакать? была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня-жъ и выгнала».—Пойдемъ, я ее выгоню. «Нѣтъ, быкъ, не выгонишь! собаки гнали—не выгнали, медвѣдь гналъ—не выгналъ, и ты не выгонишь!» — Нѣтъ, выгоню! Подошли къ избенкѣ: «поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по закоулочкамъ!» Быкъ испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да горько-горько плачетъ, а ему навстрѣчу пѣтухъ съ косою: кукуреку! про что, зайчикъ, плачешь? «отстань, пѣтухъ! Какъ мнѣ не плакать? была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня-жъ и выгнала».—Пойдемъ, я выгоню! «Нѣтъ, не выгонишь! Собаки гнали—не выгнали, медвѣдь гналъ— не выгналъ, быкъ гналъ—не выгналъ, и ты не выгонишь».—Нѣтъ, выгоню! Подошли къ избенкѣ: «кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» А она услыхала, испугалась: «погоди, говоритъ, одѣваюсь». Пѣтухъ опять: «кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» А она говоритъ: «шубу надѣваю». Пѣтухъ въ третій разъ: «кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» Лисица выбѣжала, онъ ее и зарубилъ косою, и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать, да добра наживать. Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

M.P.

18. Лиса пустынница.

Шла лиса изъ дальнихъ пустынь. Завидѣла пѣтуха на высокомъ деревѣ и говоритъ ему такія слова: «о, милое мое чадо, пѣтелъ!» сидишь ты на высоцемъ древѣ, да мыслишь ты мысли недобрыя, проклятыя; вы держите женъ по-многу: кто держитъ десять, кто —двадцать, иной— тридцать и сорокъ! гдѣ сойдетесь, тутъ и деретесь. Сниди, милое мое чадо, на землю да покайся! Я шла изъ дальнихъ пустынь, не пила, не ѣла, много нужды претерпѣла, все тебя, мое милое чадо, исповѣдать хотѣла».—О, мати моя, лисица! я не постился и не молился, приди въ иное время. «О милое мое чадо, пѣтелъ! хоть не постился и не молился, но покайся, да не во грѣхахъ умреши. Сниди на землю пониже, будешь къ покаянію поближе; прощенъ и разрѣшенъ и до царствія небеснаго допущенъ».

Узналъ пѣтухъ на своей душѣ тяжкій грѣхъ, умилился и прослезился, сталъ спускаться съ вѣтки на вѣтку, съ прутка на прутокъ, съ сучка на сучекъ, и спустился на землю. Вскочила лисица, схватила пѣтуха въ свои острыє когти, смотритъ на него свирѣпыми глазами, скрежещетъ острыми зубами; хочетъ, какъ нѣкоего беззаконника, живого пожрать. И говоритъ пѣтухъ лисицѣ: «о мати моя, лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивый твой языкъ! ты ли меня спасешь, когда тѣло

мое пожрешь?»—Не дорого мнѣ твое тѣло и твое цвѣтное платье, да дорого отплатить нѣкую недружбу. Помнишь ли ты? я шла ко крестьянину, хотѣла малаго куренка съѣсть, а ты, бездѣльникъ, сидѣлъ на высокихъ сѣдлахъ, закричалъ-завопилъ веліемъ гласомъ, ногами затопалъ, крыльями захлопалъ; тогда курицы закудахтали, гуси загоготали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали то мужики и бабы; бабы прибѣжали съ помелами, а мужики съ топорами, и хотѣли мнѣ за куренка смерть учинить... И тебѣ, бездѣльникъ, не быть теперь живому! Говоритъ пѣтухъ лисицѣ: «о мати моя, лисица! Вчерашняго числа звали меня во дьяки, выхвалили всѣмъ крылосомъ и соборомъ: хорошъ молодецъ, изряденъ, гораздъ книги читать, и голосъ хорошъ! Не могу ли тебя, мати моя, лисица, упросить своимъ прошеніемъ хоть въ просвирни? Тутъ намъ будетъ великъ доходъ: станутъ намъ давать просвиры мягкія, кануны сладкіе, большія перепечи, и масличко, и яички, и сырнички». Обольстилась лисица этими рѣчами, отпустила пѣтуха изъ своихъ когтей послабже. Вырвался пѣтухъ, взлетѣлъ на высокое дерево, закричалъ веліимъ гласомъ: «дорогая боярыня просвирня, здравствуй, великъ ли доходъ, сладки ли просвиры! не стерла ли горбъ, нося перепечи?»

Пошла лисица въ лѣсъ и возрыдала горько: «сколько-де я на землѣ не живала, а такой срамоты отъ роду не видала. Когда бываютъ пѣтухи въ дьякахъ, а лисицы въ просвирняхъ!»

19. Лиса-лѣкарка.

Бывалъ-живалъ старикъ со старухой. Старикъ уронилъ горошину въ подпольице; горошина пустила ростокъ и въ короткое время поднялась до самаго потолка; старикъ взялъ топоръ, разобралъ крышу и прорубилъ въ потолкѣ дыру. Гороховый стебель росъ, росъ, до неба доросъ. Какъ старику поглядѣть на его верхушку, какъ нарвать и себѣ и старухѣ стручковъ? Подумалъ и полѣзъ по гороховому стеблю; лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ, добрался до неба, просѣкъ на небѣ дыру и влѣзъ туда. Смотритъ: стоятъ жорновцы; жорновцы повернутся — пирогъ да ватрушка, наверхъ каши горшокъ. Старикъ наѣлся, напился и спать повалился. Выспался, слѣзъ на землю и говоритъ: «старуха! а старуха! какое житье-то на небѣ! тамъ есть жорновцы, какъ повернутся—пирогъ да ватрушка, наверхъ каши горшокъ!»—Какъ бы мнѣ, старичекъ тамъ побывать? «Садись, старуха, въ мѣшокъ; я тебя понесу». Старуха согласилась и сѣла въ мѣшокъ. Старикъ взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ на небо; лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ, старухѣ стало скучно, она и спрашиваетъ: «далеко ли, старичекъ?»—Далече, старуха! Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ: «далеко ли, старичекъ?»—Еще половина!... Не терпится старухѣ, спрашиваетъ она и въ третій разъ: «далеко ли, старичекъ?» Только старикъ хотѣлъ сказать: «недалече!»—мѣшокъ у него изъ зубовъ

вырвался, старуха на землю свалилась и вся расшиблась. Старикъ спустился внизъ по гороховому стеблю, поднялъ мѣшокъ, глядь — а въ мѣшкѣ мертвая старуха.

Пошелъ старикъ изъ дому и горько плачетъ. Навстрѣчу ему лиса: «о чемъ, старичекъ, плачешь?» — Какъ не плакать! старуха расшиблась. «Молчи, я вылѣчу». Старикъ палъ лисицѣ въ ноги: «вылѣчи! что угодно заплачу».—Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мѣшочекъ, маслица горшочекъ, да старуху, а самъ стань за двери и не смотри въ баньку. Старикъ вытопилъ баню, принесъ что надо и сталъ за двери; а лиса зашла въ баню, двери на крюкъ, стала мыть старухины кости, моетъ-не моетъ, а все оглодываетъ. Старикъ спрашиваетъ: «каково старушка?» — Пошевеливается! говоритъ лиса, а сама доѣла старуху, собрала костье, сложила въ уголокъ и принялась мѣсить соломату. Старикъ постоялъ-постоялъ и спрашиваетъ: «каково старушка?»—Посиживаетъ! говоритъ лиска, а сама соломату дохлебываетъ. Съѣла и говоритъ: «старичекъ! отворь двери шире». Онъ отворилъ, а лиса прыгъ изъ баньки и убѣжала домой. Старикъ вошелъ въ баню, поглядѣлъ: только старухины кости подъ лавкой, и тѣ оглоданы! толоконце и маслицо съѣдены. Остался старикъ одинъ-одинехонекъ.

20. Лиса плачея.

Жили-были старикъ да старушка. Старушка померла, старику жалко стало, пошелъ искать плачеи. Идетъ, а навстрѣчу ему медвѣдь: «куда, старикъ, пошелъ?»—Плачеи искать, старуха померла. «Возьми меня!» Старикъ спрашиваетъ: «умѣешь ли плакать?» Медвѣдь заревѣлъ: *м-е*! Старикъ говоритъ: «не умѣешь, не надобно, голосъ не хорошъ!» Пошелъ дальше; шелъ-шелъ и повстрѣчалъ волка, заставилъ его причитывать,—и волкъ не умѣетъ. Опять шелъ-шелъ, а навстрѣчу лисица бѣжитъ«: куда, старикъ, пошелъ?»—Плачеи искать, старуха померла. «Возьми-ко меня!»—Умѣешь ли плакать? Она заплакала: «у—кресть-яни-на—бы-ла—ста-руш-ка—по-у-тру—ра-но—вста-ва-ла—боль-ше—прос-тня—пря-ла—щи—ка-шу—ва-ри-ла—ста-ри-ка—кор-ми-ла».—»Хорошо, говоритъ старикъ, ты мастерица плакать!» Привелъ лису домой, посадилъ у старухи въ ногахъ и заставилъ надъ нею плакать, а самъ пошелъ гробъ строитъ. Пока старикъ ходилъ да воротился, въ избѣ не оказалось ни старухи, ни лисицы: лисица давно убѣжала, а отъ старухи однѣ кости остались. Поплакалъ-поплакалъ старикъ и сталъ жить одинъ.

21. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

Пахалъ мужикъ ниву; пришелъ къ нему медвѣдь и говоритъ ему: «мужикъ, я тебя сломаю!» — Нѣтъ, не трогай, я вотъ посѣю рѣпу, себѣ возьму хоть корешки, а тебѣ отдамъ вершки. «Быть такъ!» сказалъ медвѣдь и ушелъ въ дубраву. Пришло время: мужикъ рѣпу копаетъ, а медвѣдь изъ дубравы вылѣзаетъ. «Ну, мужикъ, давай дѣлить!» — Ладно, медвѣдюшка! давай, я привезу тебѣ вершки — и отвезъ ему возъ ботвы. Медвѣдь остался доволенъ честнымъ раздѣломъ. Вотъ мужикъ наклалъ свою рѣпу на возъ и повезъ въ городъ продавать, а навстрѣчу ему медвѣдь: «мужикъ, куда ты ѣдешь?» — А вотъ, медвѣдюшка, ѣду въ городъ корешки продавать. «Дай-ка попробовать, каковъ корешокъ!» Мужикъ далъ ему рѣпу. Медвѣдь какъ съѣлъ—а-а! заревѣлъ, ты меня обманулъ, мужикъ! корешки твои сладеньки. Когда будешь въ другой разъ сѣять, подавай мнѣ корешки, а себѣ бери вершки». Ладно! отвѣчалъ мужикъ, и посѣялъ пшеницу. Пришло время—пшеница созрѣла, мужикъ взялъ себѣ вершки, обмолотилъ ихъ, намололъ муки и напекъ ситниковъ, а медвѣдь опять не причемъ остался. «Ну, мужикъ! говоритъ медвѣдь, я на тебя крѣпко сердитъ. Теперь хоть не ѣзди ко мнѣ по дрова, не то задеру!» Мужикъ воротился изъ города и боится ѣхать въ лѣсъ; пожегъ и полочки, и лавочки, и кадочки, наконецъ, дѣлать нечего—надо въ лѣсъ

ѣхать. Въѣзжаетъ потихонечку; откуда ни возьмись—бѣжитъ лисица. «Что ты, мужичекъ, спрашиваетъ она, такъ тихо бредешь?» —Боюсь медвѣдя, сердитъ на меня, обѣщалъ задрать. «Что дашь? я тебя отъ бѣды отведу». Мужикъ лисѣ поклонъ: помоги только, десятка куръ для тебя не пожалѣю. «Ну, такъ не бойся медвѣдя, руби дрова, а я стану порскать; коли спроситъ медвѣдь: что такое? скажи охотники скачутъ, ловятъ волковъ да медвѣдей». Мужикъ принялся рубить, глядь—анъ медвѣдь бѣжитъ: «эй, старикъ!—спрашиваетъ,—что это за крики?» Мужикъ отвѣчаетъ: «охотники скачутъ, ловятъ волковъ да медвѣдей».—Охъ, мужичекъ, не сказывай про меня; я подъ твою телѣгу спрячусь... А лиса изъ-за кустовъ кричитъ: «мужикъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ да медвѣдей?» Мужикъ говоритъ: «нѣту!»—А подъ телѣгой что лежитъ? «Колода». Еслибъ то была колода, она бы на возу лежала да была бы веревкой опутана. Медвѣдь шепчетъ мужику: «положи меня поскорѣй въ телѣгу да увяжи веревкою». Мужикъ не заставилъ себя долго упрашивать, положилъ медвѣдя въ телѣгу, увязалъ веревкою и давай обухомъ гвоздить его въ голову. Прибѣжала лиса и говоритъ: «гдѣ медвѣдь?» —А вотъ околѣлъ. «Ну что-жъ, мужичекъ, теперь нужно меня угостить».—Изволь, лисанька! поѣдемъ ко мнѣ, я тебя угощу. Мужикъ ѣдетъ, а лиса впередъ бѣжитъ; сталъ мужикъ подъѣзжать къ дому, свиснулъ своимъ собакамъ и притравилъ лисицу. Лиса пустилась къ лѣсу и юркъ въ нору; спряталась въ норѣ и спрашиваетъ: «охъ вы, мои глазоньки! что вы дѣ-

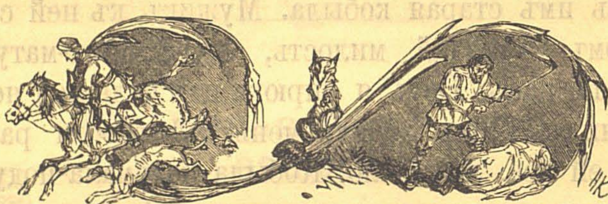
лали, какъ я отъ собакъ спасалась?—Мы смотрѣли, чтобы ты не спотыкнулась! «А вы ушки?»—А мы слушали, далеко ли псы гонятъ. «А вы, ножки?—Мы бѣжали да бѣжали, чтобы тебя собаки не поймали. «А ты, хвостище, что дѣлалъ?»—Я-то? сказалъ хвостъ, я все подъ ногами мотался, чтобъ ты запуталась да упала, да къ собакамъ въ зубы попала. «А-а, каналья! отозвалась лисица, такъ вотъ же тебѣ!» И, высунувъ изъ норы свой хвостъ, она закричала: «ѣшьте его, собаки!» Собаки ухватились за хвостъ, вытащили лисицу и разорвали ее на части. Такъ-то часто бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ.

22. Старая хлѣбъ-соль забывается.

Попался было волкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось волку бѣжать чрезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Волкъ къ нему: «сдѣлай милость, мужичекъ, схорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонятъ». Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плечи. Идетъ дальше, а навстрѣчу ему охотники. «Не видалъ ли, мужи-

чекъ, бирюка?» спрашиваютъ они.—Нѣтъ, не видалъ! отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду. «Что, ушли мои злодѣи?» спросилъ волкъ.—Ушли. «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: «а что, мужикъ, я тебя съѣмъ!» Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь!» Старая хлѣбъ-соль забывается», отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: «ну, коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего—съѣшь меня!» Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: «сдѣлай милость, кобылушка-матушка! разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!» и разсказалъ ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ моготу работать—онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужъ я лѣзла-лѣзла, насилу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!»- Видишь, моя правда! молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить волка, чтобы подождалъ до другой встрѣчи. Волкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ же во-

просомъ. Собака подумала-подумала и сказала: «служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарилась и перестала лаять—онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!»—Ну, видишь, моя правда! Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ волка обождать до третьей встрѣчи, а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли добра моего не помнишь. Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: «да какъ это можно, чтобы бирюкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ этакомъ маломъ мѣшкѣ?» И бирюкъ, и

мужикъ побожились, что эта истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила, и сказала: «а ну, мужичекъ, покажи, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ?» Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: «да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?» Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичекъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязывалъ». Мужикъ завязалъ. «Ну-ка, мужичекъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ молотилъ?» Мужикъ началъ

молотить цѣпомъ по мѣшку. «Ну-ка, мужичекъ, какъ ты отворачивалъ?» Мужикъ сталъ отворачивать, да задѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: «старая хлѣбъ-соль забывается!»

23. Овца, лиса и волкъ.

Разъ шла по дорогѣ овца. Навстрѣчу ей попалась лиса и спрашиваетъ: «куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?» — О-ихъ, кума! была я у мужика въ гуртѣ, да житья мнѣ не стало: гдѣ баранъ сдуритъ, а все я, овца, виновата! вотъ и вздумала уйти — куда глаза глядятъ. «И я тоже! отвѣчала лиса; гдѣ мужъ мой курочку словитъ, а все я, лиса, виновата. Побѣжимъ-ка вмѣстѣ». Чрезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ бирюкъ. «Здорово, кума!» — Здравствуй, говоритъ лиса. «Далече ли бредешь?» Она въ отвѣтъ: «куда глаза глядятъ!» — да какъ разказала про свое горе, бирюкъ молвитъ: «и я тоже! гдѣ волчица зарѣжетъ ягненка, а все я, бирюкъ, виноватъ. Пойдемъ-ка вмѣстѣ». Пошли. Дорогою бирюкъ и говоритъ овцѣ: а что, овца, вѣдь на тебѣ тулупъ-то мой?» Лиса услыхала и подхватила: «взаправду, кумъ, твой?» — Вѣрно мой! «Побожишься?» Побожусь! «Къ присягѣ пойдешь?» — Пойду. «Ну иди, цѣлуй присягу». А лиса давно уже смѣтила, что мужики поставили

на тропинкѣ капканъ; привела бирюка къ тому капкану и говоритъ: «ну, вотъ—цѣлуй!» Только-что сунулся бирюкъ, и капканъ щелкнулъ и ухватилъ его за морду. Тутъ бирюкъ и остался, а лиса съ овцой ушли себѣ подобру-поздорову.

24. Звѣри въ ямѣ.

Жили себѣ старикъ со старушкой, и было у нихъ имѣнья—всего-на всего одинъ боровъ. Пошелъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. Навстрѣчу ему идетъ волкъ. «Боровъ, боровъ, куда ты идешь?»—Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми и меня съ собою».—Я бы взялъ тебя, говоритъ боровъ, да тамъ яма есть глубока, широка: ты не перепрыгнешь. «ничего, перепрыгну». Вотъ и пошли; шли, шли по лѣсу и пришли къ ямѣ. «Ну, говоритъ волкъ, прыгай». Боровъ прыгнулъ—перепрыгнулъ; волкъ прыгнулъ—да прямо въ яму. Боровъ наѣлся жолудей и воротился домой. На другой день опять идетъ боровъ въ лѣсъ. Навстрѣчу ему медвѣдь. «Боровъ боровъ, куда ты идешь?»—Въ лѣсъ, жолуди ѣсть «Возьми и меня съ собою».—Я бы взялъ тебя, да тамъ яма есть глубока, широка; ты не перепрыгнешь. «Небось, перепрыгну». Пришли къ ямѣ. Боровъ прыгнулъ—перепрыгнулъ; медвѣдь прыгнулъ—прямо въ яму угодилъ. Боровъ попрежнему наѣлся жолудей и воротился домой. На тре-

тій день боровъ опять идетъ въ лѣсъ. Навстрѣчу ему косой заяцъ. «Здравствуй, боровъ!» — Здравствуй, косой! «Куда ты идешь?» — Въ лѣсъ жолуди ѣсть. Возьми и меня съ собою». — Нѣтъ, косой, тамъ яма есть широка, глубока; ты не перепрыгнешь. «Вотъ не перепрыгну, какъ не перепрыгнуть!» Пришли къ ямѣ. Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ; заяцъ прыгнулъ — попалъ въ яму. Ну, боровъ наѣлся жолудей и воротился домой. На четвертый день идетъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. Навстрѣчу ему лисица, и тоже просится: «возьми меня съ собою». — Нѣтъ, — говоритъ боровъ, — тамъ яма есть глубока, широка; не перепрыгнешь. «И-и, говоритъ лисица, — перепрыгну!» прыгнула — и попалась въ яму. Вотъ ихъ набралось въ той ямѣ четверо: волкъ, медвѣдь, лиса и заяцъ, и стали они думать-горевать, какъ имъ ѣду добывать.

Лисица и говоритъ: «давайте-ка голосъ тянуть; кто не вытянетъ — того и съѣдимъ!» Вотъ начали тянуть голосъ; заяцъ отсталъ, а лиса всѣхъ перетянула. Взяли зайца, разорвали и съѣли. Проголодались и опять стали уговариваться голосъ тянуть. «Кто бы ни отсталъ, — говоритъ лисица — никого не жалѣть; при голодѣ всѣ равны!» Начали тянуть; тянули-тянули, волкъ не выдержалъ и отсталъ. Лисица съ медвѣдемъ взяли его, разорвали и съѣли. Только лиса пустилась на хитрости, мясо-то скупала, а кишечки подъ себя спрятала. Дня черезъ три сидитъ она да уписываедъ кишечки. Медвѣдь и спрашиваетъ: «что ты, кума, кушаешь? дай-ка

мнѣ».—Эхъ, куманекъ! вѣдь я свои кишечки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишечки и закусывай. Медвѣдь такъ и сдѣлалъ, разорвалъ свое брюхо—и достался лисѣ на обѣдъ и ужинъ.

Прошло съ недѣлю времени: сидитъ лиса въ ямѣ и голодаетъ. А надъ той ямой стояло дерево, на томъ деревѣ вилъ дроздъ гнѣздо. Лисица сидѣла-сидѣла, все на дрозда смотрѣла, и говоритъ ему: «дроздъ, дроздъ, что ты дѣлаешь?—Гнѣздо вью. «Для чего ты вьешь?»—Дѣтей выведу. «Дроздъ, накорми меня; если не накормишь, я твоихъ дѣтей поѣмъ». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ ему лису накормить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей курицу. Лисица курицу убрала и говоритъ: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?»—Накормилъ. «Ну, напой же меня». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ ему лису напоить. Полетѣлъ въ село, принесъ кувшинъ молока. Напилась лисица и говоритъ: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?»—Накормилъ. «Ты меня напоилъ?»—Напоилъ. «Вытащи жъ меня изъ ямы». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ ему лису вытащить. Вотъ началъ онъ палки собирать да въ яму метать; наметалъ такъ, что лисица выбралась по этимъ палкамъ на волю. «Ну, говоритъ, накормилъ ты меня, дроздъ?»—Накормилъ. «Напоилъ ты меня»?—Напоилъ.—Вытащилъ ты меня изъ ямы?»—Вытащилъ. «Ну, разсмѣши-жъ меня теперь». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ ему лису разсмѣшить. «Я, говоритъ, полечу, а ты, лиса, иди за мною». Вотъ хо-

рошо—полетѣлъ дроздъ въ село, сѣлъ на ворота къ богатому мужику, а лиса легла подъ воротами. Дроздъ началъ кричать: «бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ! бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ!». Услыхали его собаки, выскочили со двора и разорвали лисицу. Я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по губамъ текло, да въ ротъ не попало. Дали мнѣ синій кафтанъ, я пошелъ, а вороны летятъ да кричатъ: синь кафтанъ, синь кафтанъ! Я подумалъ: скинь кафтанъ, взялъ да и скинулъ. Дали мнѣ красный шлыкъ. Вороны кричатъ: красный шлыкъ, красный шлыкъ? Я подумалъ, что краденный шлыкъ, сбросилъ его—и остался ни съ чѣмъ.

25. Лиса и тетеревъ.

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говоритъ ему: «Терентій, Терентій! я въ городѣ была». — Бу-бу-бу, бу-бу-бу! была такъ была. «Терентій, Терентій! я указъ добыла».— Бу-бу-бу, бу-бу-бу, добыла, такъ добыла». Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ».—Бу-бу-бу, бу-бу-бу! гулять, такъ гулять. «Терентій! кто тамъ ѣдетъ?» спрашиваетъ лисица, услышавъ конскій топотъ и собачій лай.—Мужикъ. «Кто за нимъ бѣжитъ?—Жеребенокъ. «А какъ у него хвостъ?»—Крючкомъ. «Ну, такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ».

26. Лиса и журавль.

Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: приходи, куманекъ, приходи, дорогой! ужъ я какъ тебя угощу!» Идетъ журавль на званый пиръ, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и потчуетъ: «покушай, мой голубчикъ-куманекъ! сама стряпала». Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ-стучалъ, ничего не попадаетъ; а лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: «не безсудь, любезный кумъ! больше потчевать нечѣмъ».—Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости. На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: »кушай, кумушка! не стыдись, голубушка». Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ и этакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ; толку все нѣтъ какъ нѣтъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. «Ну, не безсудь кума! больше угощать нечѣмъ». Взяла лису досада, думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ не солоно хлѣбала. Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ—врозь.

27. Колобокъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухою. Проситъ старикъ: «испеки, старуха, колобокъ».— Изъ чего испечь-то? муки нѣту. «Э-эхъ, старуха! по коробу поскреби, по сусѣку помети; авось муки и наберется». Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусѣку помела и набралось муки пригоршни съ двѣ. Замѣсила на сметанѣ, изжарила въ маслѣ и положила на окошечко простудить. Колобокъ полежалъ-полежалъ, да вдругъ и покатился—съ окна на лавку, съ лавки на полъ, по полу да къ дверямъ, перепрыгнулъ чрезъ порогъ въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота, дальше и дальше. Катится колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему заяцъ: «колобокъ, колобокъ, я тебя съѣмъ!»—Не ѣшь меня, косой зайчикъ! я тебѣ пѣсенку спою, сказалъ колобокъ и запѣлъ:

Я по коробу скребенъ,
По сусѣку метенъ,
На сметанѣ мѣшенъ,
Да въ маслѣ пряженъ,
На окошкѣ стуженъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себѣ дальше; только заяцъ его и видѣлъ!... Катится колобокъ, навстрѣчу ему волкъ: «колобокъ, колобокъ, я тебя съѣмъ!»—Не ѣшь меня, сѣрый волкъ! я тебѣ пѣсенку спою:

Я по коробу скребенъ,
По сусѣку метенъ,
На сметанѣ мѣшенъ,
Да въ маслѣ пряженъ,
На окошкѣ студенъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себѣ дальше; только волкъ его и видѣлъ!... Катится колобокъ, а навстрѣчу ему медвѣдь: «колобокъ, колобокъ, я тебя съѣмъ!» — Гдѣ тебѣ, косолапому, съѣсть меня!

Я по коробу скребенъ,
По сусѣку метенъ,
На сметанѣ мѣшенъ,
Да въ маслѣ пряженъ,
На окошкѣ студенъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
Я у волка ушелъ,
У тебя, медвѣдь, не хитро уйти!

И опять укатился; только медвѣдь его и видѣлъ!... Катится-катится колобокъ, а навстрѣчу ему лиса: «здравствуй, колобокъ, какой ты хорошенькій!» А колобокъ запѣлъ:

Я по коробу скребенъ,
По сусѣку метенъ,
На сметанѣ мѣшенъ,
Да въ маслѣ пряженъ,
На окошкѣ студенъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
Я у волка ушелъ,
У медвѣдя ушелъ,
У тебя, лиса, подавно уйду.

— Какая славная пѣсенка! сказала лиса, но вѣдь я, колобокъ, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разокъ погромче. Колобокъ вскочилъ лисѣ на мордочку и запѣлъ ту же пѣсню. «Спасибо, колобокъ! славная пѣсенка, еще бы послушала! сядь-ка, миленькой, на мой язычокъ да пропой въ послѣднiй разокъ». Сказала лиса и высунула свой языкъ; колобокъ съ дуру прыгъ ей на языкъ, а лиса—амъ! и скушала его.

28. Котъ, пѣтухъ и лиса.

Слушайте: жилъ-былъ старикъ, у него были котъ да пѣтухъ. Старикъ ушелъ въ лѣсъ на работу, котъ понесъ ему ѣсть, а пѣтуха оставилъ стеречь домъ. На ту пору пришла лиса.

„Кукуреку пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку“.

Такъ пѣла лисица, сидя подъ окномъ. Пѣтухъ выставилъ окошко, высунулъ головку и посмотрѣлъ: кто тутъ поетъ? А лиса хвать его въ когти и понесла въ свою избушку. Пѣтухъ закричалъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, за дремучiе боры, по крутымъ бережкамъ, по высокимъ горамъ. Котъ Котонаевичъ, отыми меня!» Котъ услыхалъ крикъ и бросился въ погоню, на-

стигъ лису, отбилъ пѣтуха и принесъ его домой. «Смотри-же, Петя, говоритъ ему котъ, не выглядывай въ окошко, не вѣрь лисѣ; она съѣстъ тебя и косточекъ не оставитъ».

Старикъ опять ушелъ въ лѣсъ на работу, а котъ понесъ ему ѣсть. Старикъ, уходя, заказывалъ пѣтуху беречь домъ и не выглядывать въ окошко. Но лисицѣ больно захотѣлось скушать пѣтушка; пришла она къ избушкѣ и запѣла:

„Кукуреку пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ“.

Пѣтухъ ходитъ по избѣ, молчитъ, не отзывается. Лиса снова запѣла пѣсенку и бросила въ окно горошку. Пѣтухъ съѣлъ горошекъ и говоритъ; «нѣтъ, лиса, не обманешь! ты хочешь меня съѣсть... и косточекъ не оставишь».—Полно, Петя! стану ли я ѣсть тебя! мнѣ хотѣлось, чтобы ты у меня погостилъ, моего житья-бытья посмотрѣлъ, на мое добро поглядѣлъ! и она запѣла сладкимъ голосомъ:

„Кукуреку пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головка!
Выгляни въ окошко,
Я дала тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ“.

Пѣтухъ выглянулъ въ окошко, а лиса его въ когти. Закричалъ пѣтухъ благимъ матомъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса за дремучіе боры, по крутымъ бережкамъ, по высокимъ горамъ.

Котъ Котонаевичъ, выручай меня!» Котъ услыхалъ крикъ, пустился въ погоню, нагналъ лису и отбилъ пѣтуха: «не говорилъ ли я тебѣ, Петя! не выглядывай въ окошко; съѣстъ тебя лиса и косточекъ не оставитъ. Смотри же, слушай меня! мы завтра далеко пойдемъ».

Вотъ опять старикъ ушелъ на работу, а котъ ему хлѣба понесъ. Лиса подкралась подъ окошко и ту же пѣсенку запѣла: три раза пропѣла, а пѣ-

тухъ все молчитъ. «Что это, говоритъ лиса, нынѣ Петя совсѣмъ онѣмѣлъ!» — Нѣтъ, лиса, не обманешь меня! не выгляну въ окошко. Лиса бросила въ окно горошку да пшенички, и снова запѣла:

„Кукуреку пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головка!
Выгляни въ окошко.
У меня-то хоромы,

Хоромы большія;
Въ каждомъ углу
Пшенички по мѣрочкѣ:
Ѣшь, сытъ, не хочу!"

Потомъ добавила: «да, посмотрѣлъ бы ты, Петя, сколько у меня всякихъ диковинокъ! Полно, не вѣрь коту! Если-бъ я хотѣла тебя съѣсть, то давно бы это сдѣлала; а то видишь — я тебя люблю: хочу тебя въ люди показать, да уму-разуму научить, какъ надо на свѣтѣ жить. Да покажись же, Петя! Вотъ я за уголъ уйду!» — и притаилась за стѣною... Пѣтухъ вскочилъ на лавку, высунулъ голову въ окошко, а лиса его въ когти—и была такова! Пѣтухъ закричалъ во все горло; но старикъ и котъ были далеко и не слыхали его крика.

Долго ли, коротко ли — воротился котъ домой, видитъ: пѣтушка нѣту, надо изъ бѣды выручать. Котъ тотчасъ же нарядился гусляромъ, захватилъ въ лапы дубинку и отправился къ лисициной избушкѣ. Пришелъ и началъ наигрывать на гусляхъ: «стрень-брень, гусельцы, золотыя струночки! Дома ли Лисафья, дома ли съ дѣтками: одна дочка Чучелка, другая Подчучелка, третья Подай-челнокъ, четвертая Подмети-шестокъ, пятая Трубу-закрой, шестая Огня-вздуй, а седьмая Пеки-пироги!» Лиса говоритъ: «поди, Чучелка, посмотри—кто такую хорошую пѣсню поетъ?» Чучелка вышла за ворота, а гусляръ стукъ ее въ лобокъ да въ коробокъ, и снова запѣлъ ту же самую пѣсню. Лиса посылаетъ другую дочку, за другою — третью, за третьей —

четвертую, и такъ дальше; какая не выйдетъ за ворота—гусляръ свое дѣло дѣлаетъ: стукъ въ лобокъ да въ коробокъ! Перебилъ всѣхъ лисиныхъ дѣтокъ по-одиночкѣ. Лиса ждетъ ихъ и не дождется; дай (думаетъ) сама посмотрю! вышла за ворота, а котъ размахнулся дубинкою, какъ хватитъ ее по головѣ-- изъ нея и духъ вонъ! Пѣтушокъ обрадовался, вылетѣлъ въ окно и благодарилъ кота за свое спасеніе; воротились они къ старику и стали себѣ жить-поживать да добра наживать.

29. Котъ и баранъ.

Нѣкогда жили старикъ да старуха; у нихъ были котъ да баранъ. Старуха копитъ сметану и сливки на масло, а котъ проказитъ. «Старикъ, говоритъ старуха, у насъ на погребѣ нездорово!»— Надо поглядѣть, говоритъ ей старикъ, не со стороны ли кто пошаливаетъ. Вотъ пошла старуха въ погребъ и усмотрѣла: котъ сдвинулъ лапкой съ горшка покрышку и слизываетъ себѣ сметанку; выгнала кота изъ погреба и пошла въ избу, а котъ напередъ прибѣжалъ и запрятался на печи въ углу. «Хозяинъ! сказываетъ старуха, вотъ мы не вѣрили, что котъ блудитъ, а онъ самый и есть; давай его убьемъ!» Котъ услыхалъ эти рѣчи, какъ бросится съ печки бѣгомъ къ барану въ хлѣвъ и началъ его обманывать: «брате баранъ! меня хотятъ завтра

убити, тебя зарѣзати». И сговорились они оба бѣжать ночью отъ хозяина. «Какъ же быть? спрашиваетъ баранъ; радъ бы я съ тобою лыжи навострить, да вѣдь хлѣвъ-то запертъ!» — Ничего! Котъ тотчасъ взобрался на дверь, скинулъ лапкой веревочку съ гвоздя и выпустилъ барана. Вотъ и пошли они путемъ-дорогою, нашли волчью голову и взяли съ собой; шли-шли, увидѣли далеко въ лѣсу свѣтится огонекъ, они и пустились прямо на огонь. Подходятъ, а вокругъ огня грѣются двѣнадцать волковъ. «Богъ помочь вамъ, волкамъ!»—Добро пожаловать, котъ да баранъ! «Брате, спрашиваетъ баранъ у кота, что намъ ужинать будетъ?»—А двѣнадцать-то волчьихъ головъ! поди выбери, которая пожирнѣе. Баранъ пошелъ въ кусты, поднялъ повыше волчью голову — ту самую, что нашли на дорогѣ, и спрашиваетъ: «эта ли, брате котъ?» — Нѣтъ, не эта; выбери получше. Баранъ снова поднялъ ту же голову и опять спрашиваетъ: «эта ли?» Волки такъ напугались, что рады бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ. Четверо волковъ стали проситься у кота и барана: «пустите насъ за дровами! мы вамъ принесемъ». И ушли. Остальные восемь волковъ еще пуще стали бояться кота да барана: коли двѣнадцать смогли поѣсть, а осьмерыхъ и подавно поѣдятъ. Стало еще четверо проситься за водою. Котъ отпустилъ: «ступайте, да скорѣе ворочайтесь!» Послѣдніе четыре волка отпросились сходитъ за прежними волками: отчего же не ворочаются? Котъ отпустилъ, еще строже наказалъ—

поскорѣе приходитъ назадъ; а самъ съ барономъ радъ-радехонекъ, что они ушли.

Волки собрались вмѣстѣ и пустились дальше въ лѣсъ. Попадается имъ навстрѣчу медвѣдь Михайло Ивановичъ. «Слыхалъ ли ты, Михайло Ивановичъ, спрашиваютъ волки, чтобы котъ да баранъ съѣдали по двѣнадцати волковъ?» Нѣтъ, ребятушки, не слыхивалъ. «А мы сами видѣли этакого кота да барана!»—Какъ бы, ребятушки, и мнѣ посмотрѣть, какова ихъ храбрость. «Эхъ, Михайло Ивановичъ, вить больно котъ-атъ ретивъ, нельзя къ нему поддоброхотиться: того и гляди, что въ клочки изорветъ! Даромъ, что мы прытки надъ собаками и зайцами, а тутъ ничего не возьмешь. Позовемъ-ка лучше ихъ на обѣдъ». Изготовили обѣдъ и стали посылать лисицу: «ступай, позови кота да барана». Лисица начала отговариваться: «я хоть и прытка, не увертлива; какъ бы худа не было!»—Ступай!... Дѣлать нечего, побѣжала лисица за котомъ и бараномъ. Воротилась назадъ и сказываетъ: «обѣщались быть; ахъ, Михайло Ивановичъ, какой котъ-то сердитой! сидитъ на пнѣ да ломаетъ его когтями: это на васъ точитъ онъ свои ножи! А глаза такъ и выпучилъ!...» Медвѣдь струхнулъ, посадилъ одного волка сторожемъ на высокій пень, далъ ему въ лапы полотенце и приказалъ: «какъ только завидишь кота да барана, махай полотенцемъ».

Вотъ идутъ въ гости котъ да баранъ; завидѣли караульнаго, смекнули дѣло и стакнулись межъ собою. «Я, говоритъ котъ, подползу тихонько по

травѣ и сяду у самаго пня супротивъ волчьей рожи, а ты, братъ баранъ, разбѣгись и что есть силы ударь его лбомъ!» Баранъ разбѣжался, ударилъ со всей мочи и сшибъ волка; а котъ бросился ему прямо въ морду, вцѣпился когтями и исцарапалъ до крови. Медвѣдь и волки какъ увидѣли это — зачали промежъ себя разговаривать: «ну, ребятушки, вотъ какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувѣчить съ какого высокаго пня, а намъ гдѣ ужъ на землѣ устоять! Имъ, знать, наше готовленье-то непочемъ; они придутъ не угощаться, а насъ пятнать. Не лучше ли, братцы, намъ по берлогамъ спрятаться?» И тотчасъ всѣ они разбѣжались по лѣсу.

30. Волкъ и коза.

Жила-была коза, сдѣлала себѣ въ лѣсу избушку и нарожала дѣтокъ. Часто уходила коза въ боръ искать корму; какъ только уйдетъ, козлятки запрутъ за нею избушку, а сами никуда не выходятъ. Воротится коза, постучится въ дверь и запоетъ:

Козлятушки, дѣтушки!
Отопритеся, отомкнитеся.
Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Бѣжитъ молоко по вымячку,
Изъ вымячка на копытечко,
Съ копытечка на сыру землю!

Козлятки тотчасъ отопрутъ двери и впустятъ мать. Она покормитъ ихъ и опять уйдетъ въ боръ, а козлятки запрутся крѣпко-накрѣпко. Волкъ все это и подслушалъ; выждалъ время, и только коза въ боръ, онъ подошелъ къ избушкѣ и закричалъ своимъ толстымъ голосомъ: «козлятушки, дѣтушки, отопритеся, отомкнитеся. Ваша мать пришла, молока принесла...» А козлятки отвѣчаютъ: «слышимъ, слышимъ—не матушкинъ голосокъ! Наша матушка поетъ тонкимъ голоскомъ». Волкъ ушелъ и спрятался. Вотъ приходитъ коза и стучится: «козлятушки, дѣтушки! отопритеся, отомкнитеся. Ваша мать пришла, молока принесла; бѣжитъ молоко по вымячку, изъ вымячка на копытечко, съ копытечка на сыру землю!» Козлятки впустили мать и разсказали ей, какъ приходилъ къ нимъ бирюкъ и хотѣлъ ихъ поѣсть. Коза накормила ихъ и, уходя въ боръ, строго-настрого наказала: коли придетъ кто къ избушкѣ и станетъ проситься толстымъ голосомъ, того ни за что не впускать въ двери. Только что ушла коза, волкъ прибѣжалъ къ избѣ, постучался и началъ причитывать тоненькимъ голоскомъ: «козлятушки, дѣтушки! отопритеся, отомкнитеся. Ваша мать пришла, молока принесла; бѣжитъ молоко по вымячку, изъ вымячка на копытечко, съ копытечка на сыру землю!» Козлятки не признали волчьяго голоса и отперли двери; волкъ вбѣжалъ въ избу, разинулъ свою широкую пасть и бросился на бѣдняжекъ: что ни схватитъ, то проглотитъ! всѣхъ поѣлъ... Уцѣлѣлъ только одинъ козленочекъ,

и тотъ въ печь забился. Приходитъ коза; сколько не причитывала—никто ей не отзывается. Подошла поближе къ дверямъ и видитъ, что онѣ отворены; въ избу,—а тамъ все пусто; заглянула въ печь и нашла одного козленочка. Какъ узнала коза о своей бѣдѣ, сѣла она на лавочку, зачала горько плакать и причитывать: «охъ вы, дѣтушки мои, козлятушки! на что отпиралися-отворялися, злому волку доставалися?» Услышалъ это волкъ, входитъ въ избушку и говоритъ козѣ: «эхъ, кума, кума! что ты на меня грѣшишь! неужели-таки я сдѣлаю это! пойдемъ-ка въ лѣсъ, погуляемъ». Нѣтъ, кумъ, не до гулянья! «Пойдемъ!» уговаривалъ волкъ. Пошли они въ лѣсъ, нашли яму, а въ той ямѣ разбойники кашицу недавно варили, и осталось въ ней еще довольно горячихъ угольевъ. Коза говоритъ волку: «кумъ! давай попробуемъ, кто перепрыгнетъ черезъ эту яму». Стали прыгать. Волкъ прыгнулъ и ввалился въ горячую яму; брюхо у него отъ огня лопнуло и козлятки выбѣжали оттуда да прыгъ къ матери. И стали они жить-поживать, ума наживать, а лиха избывать.

31. Волкъ-дурень.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ мужикъ; у него была собака: съ молоду сторожила весь домъ, а какъ пришла тяжелая старость—и брехать перестала. Надоѣла она хозяину; вотъ онъ собрался, взялъ

веревку, зацѣпилъ собаку за шею и повелъ ее въ лѣсъ; привелъ къ осинѣ и хотѣлъ было удавить, да какъ увидѣлъ, что у стараго пса текутъ по мордѣ горькія слезы, ему и жалко стало; смиловался, привязалъ собаку къ осинѣ, а самъ отправился домой. Остался бѣдный песъ въ лѣсу и началъ плакать и проклинать свою долю. Вдругъ идетъ изъ-за кустовъ волкъ, увидалъ его и говоритъ: «здорово, дружище! долгонько поджидалъ тебя въ гости. Бывало, ты прогонялъ меня отъ своего дому, а теперь самъ ко мнѣ попался: что захочу, то надъ тобой и сдѣлаю. Ужъ я тебѣ за все отплачу!»—А что хочешь ты, сѣрый волчекъ, надо мною сдѣлать? «Да немного: съѣмъ тебя со всей шкурой и съ костями».—Ахъ ты, глупый сѣрый волкъ! съ жиру самъ не знаешь, что дѣлаешь; таки послѣ вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачѣмъ тебѣ понапрасну ломать надо мною свои старые зубы: мое мясо теперь словно гнилая колода. А вотъ я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мнѣ пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и дѣлай со мною что угодно.—Волкъ послушалъ стараго пса, пошелъ и притащилъ ему половину кобылы: «вотъ тебѣ и говядинка! смотри, поправляйся». Сказалъ и ушелъ. Собака стала прибирать мясцо и все поѣла. Черезъ два дня приходитъ сѣрый дуракъ и спрашиваетъ: «что, братъ, поправился али нѣтъ?»—Маленько поправился; коли-бъ еще принесъ ты мнѣ какую-нибудь овцу, мое мясо сдѣлалось бы не въ примѣръ слаже!—

Волкъ и на то согласился, побѣжалъ въ чистое поле, легъ въ лощинѣ и сталъ караулить, когда погонитъ пастухъ свое стадо. Вотъ пастухъ и гонитъ стадо; волкъ высмотрѣлъ изъ-за куста овцу, которая пожирнѣе да побольше, вскочилъ и бросился на нее; ухватилъ за шиворотъ и потащилъ къ собакѣ.—«Вотъ тебѣ овца, поправляйся». Стала собака поправляться, съѣла овцу и почуяла въ себѣ силу. Пришелъ волкъ и спрашиваетъ: «ну что, братъ, каковъ теперь?»—Еще немножко худъ. Вотъ когда-бъ ты принесъ мнѣ какого нибудь кабана, такъ я бы разжирѣлъ какъ свинья!—Волкъ добылъ и кабана, принесъ и говоритъ: «это моя послѣдняя служба! черезъ два дня приду къ тебѣ въ гости».—Ну, ладно, думаетъ собака, я съ тобою справлюсь. Черезъ два дня идетъ волкъ къ откормленному псу, а песъ завидѣлъ и сталъ на него брехать. «Ахъ ты мерзкій кобель! сказалъ сѣрый волкъ, смѣешь ты меня бранить?» и тутъ же бросился на собаку и хотѣлъ ее разорвать. Но собака собралась уже съ силами, стала съ волкомъ на дыбки и начала его такъ потчевать, что отъ сѣраго только космы летятъ. Волкъ вырвался да бѣжать скорѣе; отбѣжалъ далече, захотѣлъ остановится, да какъ услышалъ собачій лай—опять припустился. Прибѣжалъ въ лѣсъ, легъ подъ кустомъ и началъ зализывать свои раны. «Ишь какъ обманулъ, мерзкій кобель! говоритъ волкъ самъ съ собою. Постой же, теперь кого ни попаду, ужъ тотъ изъ моихъ зубовъ не вырвется!»

Зализалъ волкъ раны и пошелъ за добычей. Смотритъ, на горѣ стоитъ большой козелъ; онъ къ нему и говоритъ: «козелъ, а козелъ! я пришелъ тебя съѣсть».—Ахъ ты, сѣрый волкъ! для чего станешь ты понапрасну ломать объ меня свои старые зубы? А ты лучше стань подъ горою и разинь свою широкою пасть; я разбѣгусь да таки прямо къ тебѣ въ ротъ, ты меня и проглотишь! Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ пасть, а козелъ себѣ на умѣ, полетѣлъ съ горы какъ стрѣла, ударилъ волка въ лобъ да такъ крѣпко, что онъ съ ногъ свалился. А козелъ и былъ таковъ. Часа черезъ три очнулся волкъ, голову такъ и ломитъ ему отъ боли. Сталъ онъ думать: проглотилъ ли онъ козла или нѣтъ? думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ. «Коли-бъ я съѣлъ козла, у меня брюхо было бы полнехонько; кажись онъ, бездѣльникъ, меня обманулъ! Ну, ужъ теперь я буду знать, что дѣлать!»

Сказалъ волкъ и пустился къ деревнѣ, увидалъ свинью съ поросятами и бросился было схватить поросенка, а свинья не даетъ. «Ахъ ты, свиная харя! говоритъ ей волкъ, какъ смѣешь грубить? да я и тебя разорву, и твоихъ поросятъ за одинъ разъ проглочу». А свинья отвѣчаетъ: «ну, до сей поры не ругала я тебя, а теперь скажу, что ты большой дурачина!»—Какъ такъ?—«А вотъ какъ! Самъ ты сѣрый, посуди: какъ тебѣ ѣсть моихъ поросятъ? вить, они недавно родились. Надо ихъ обмыть, обѣлить». Волкъ согласился. Вотъ пришли они къ большой мельницѣ. Свинья говоритъ волку: «ты, кумъ,

становись по ту сторону заставки, гдѣ воды нѣту, а я пойду, стану поросятъ въ чистую воду окунать да тебѣ подавать». Волкъ обрадовался: «вотъ, думаетъ, добыча, такъ добыча!» Пошелъ сѣрый дуракъ подъ мостъ, а свинья тотчасъ ухватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода какъ хлынетъ й· потащила за собой волка и начала его вертѣть. А свинья съ поросятами отправилась домой; пришла, наѣлась и съ дѣтками на мягкую постель спать повалилась.

Узналъ сѣрый волкъ лукавство свиньи, насилу кое-какъ выбрался на берегъ и пошелъ съ голоднымъ брюхомъ рыскать по лѣсу. Долго издыхалъ онъ съ голоду, не вытерпѣлъ, пустился опять къ деревнѣ и увидѣлъ, лежитъ около гумна какая-то падаль. «Хорошо, думаетъ, вотъ придетъ ночь, на-

ѣмся хоть этой падали». Нашло на волка неурожайное время, радъ и падалью поживиться! Все лучше, чѣмъ съ голоду зубами пощелкивать да подолчьи пѣсенки распѣвать. Пришла ночь; волкъ

пустился къ гумну и сталъ уписывать падаль. Но охотникъ еще съ вечера его поджидалъ и приготовилъ для пріятеля пару хорошихъ орѣховъ, ударилъ изъ ружья—и сѣрый волкъ покатился съ разбитою головой. Такъ и скончалъ свою жизнь сѣрый волкъ

32. Медвѣдь.

Жилъ старикъ со старухой. Захотѣлось старухѣ медвѣжьяго мяса: «ступай, старикъ, за медвѣжьимъ мясомъ!» Старикъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Приходитъ; глянулъ туда, глянулъ сюда: лежитъ подъ колодою старый медвѣдь и крѣпко спитъ. Старикъ недолго думалъ, отрубилъ у медвѣдя лапу и понесъ домой. Воротился къ старухѣ вечеромъ: «на, говоритъ, вари медвѣжью лапу». Старуха взяла лапу, содрала съ нея кожу и ощипала шерсть; мясо поставила въ печь вариться, кожу подъ себя подостлала, а шерсть нацѣпила на гребень и начала прясть. Что же медвѣдь? Проснулся бѣдный калѣка и заревѣлъ на весь боръ; ревѣлъ-ревѣлъ, да потомъ надумался и сдѣлалъ себѣ липовую ногу; идетъ къ старику на деревяшкѣ и поетъ:

Скрипи, нога!
Скрипи, липовая!
И земля-то спитъ,
И вода-то спитъ,
И по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна бабушка не спитъ,

Мою шерстку прядетъ,
Мое мясо варитъ,
Мою кожу сушитъ!

Старикъ и старуха всполошилися: какъ имъ быть, куда спрятаться? «Ну, старикъ! говоритъ старуха, полѣзай въ кузовъ, я тебя надъ дверями повѣшу, а сама залѣзу на печь и за дрова укроюсь». Сказано—сдѣлано. Только медвѣдь въ избу, кузовъ съ старикомъ оборвался и грохнулся наземь. Медвѣдь испугался и ушелъ въ лѣсъ.

33. Коза рьяная, за боки драная.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба; у дѣда—дочка и у бабы—дочка. Купилъ дѣдъ козу и послалъ бабину дочку пасти ее. Вотъ она цѣлый день пасла, а къ вечеру гонитъ козу домой. Дѣдъ сидитъ у воротъ и спрашиваетъ: «коза моя милая, наѣлась ли, напилась ли ты?» А коза отвѣчаетъ: нѣтъ, дѣдушка!

Какъ бѣжала черезъ мосточекъ,
Ухватила кленовый листочекъ;
Какъ бѣжала черезъ гребельку,
Ухватила воды капельку,
Только всего и пила и ѣла!

Дѣдъ разсердился на бабину дочку и больно-больно прибилъ ее; на другое утро посылаетъ онъ свою дочку: «гони козу въ поле, да смотри—накорми-напои ее хорошенько!»Вечеромъ спрашиваетъ дѣдъ козу: наѣлась ли, напилась ли ты? А коза опять свое: нѣтъ, дѣдушка!

Какъ бѣжала черезъ мосточекъ,
Ухватила кленовой листочекъ;
Какъ бѣжала черезъ гребельку,
Ухватила воды капельку;
Только всего пила и ѣла!

Дѣдъ прибилъ и свою дочку. На третье утро дѣдъ самъ снарядился, выгналъ козу въ поле, накормилъ, напоилъ ее вдоволь, а передъ вечеромъ прибѣжалъ домой, сѣлъ у воротъ и сталъ поджидать козу. Когда она воротилась, дѣдъ ее и спрашиваетъ: «коза моя милая! наѣлась ли, напилась ли ты?»—Нѣтъ, дѣдушка! отвѣчала коза:

Какъ бѣжала черезъ мосточекъ,
Ухватила кленовой листочекъ;
Какъ бѣжала черезъ гребельку,
Ухватила воды капельку;
Только всего пила и ѣла!

«Э! такъ ты вотъ какая!» сказалъ дѣдъ, схватилъ козу за рога, досталъ острый ножъ и давай драть съ нея кожу. Коза заревѣла, завопила, заметалась въ разныя стороны! Ужъ она билась-билась, рвалась-рвалась и наконецъ-таки вырвалась отъ дѣда съ однимъ ободраннымъ бокомъ, убѣжала въ лѣсъ и забилась въ зайцеву хату.

А зайчика въ ту пору дома не было. Немного погодя приходитъ онъ къ своему домику, хвать лапкой—дверь заперта! «Кто тамъ?» спрашиваетъ зайчикъ.

—Я, коза рьяная,
За боки драная,
Тупу-тупу ногами,
Сколю тебя рогами,
Хвостикомъ замету!

Зайчикъ вышелъ на дорогу, идетъ и плачетъ. Навстрѣчу ему сѣрый волкъ: «о чемъ, зайчикъ, плачешь?»—Какъ мнѣ не плакать; коза въ мою хату засѣла и дверь заперла. «Пойдемъ со мною; я ее такъ пугну, что своихъ не узнаетъ!» Пришли. Волкъ постучался въ дверь и крикнулъ: «кто тамъ?» А коза какъ затопочетъ ногами; «я (говоритъ)—коза рьяная, за боки дранная; тупу-тупу ногами, сколю тебя рогами, хвостикомъ замету!» Волкъ испугался и пустился бѣжать. Послѣ сѣраго волка пришелъ выгонять козу косолапый медвѣдь, но также струсилъ и ничего добраго не сдѣлалъ. Снова идетъ зайчикъ по дорогѣ и горько-горько плачетъ. Вдругъ подлетаетъ къ нему пчелка; «о чемъ, зайчикъ, плачешь? кто тебя изобидѣлъ?» Зайчикъ разсказалъ ей про свое горе. «Постой, я тебя выручу!» молвила пчела и тотчасъ же понеслась къ зайцевой хаткѣ; прилетѣла и спрашиваетъ: «кто тамъ?»—Я— коза рьяная, за боки дранная; тупу-тупу ногами, сколю тебя рогами, хвостикомъ замету! Пчелка озлилась, начала вокругъ стѣнъ летать, во всѣ щели заглядывать; жужжала-жужжала и нашла малую дырочку, пролѣзла въ хатку, да какъ жиганетъ козу въ ободранный бокъ!... Коза со всего маху въ дверь да въ лѣсную чащу; только ее и видѣли! Зайчикъ обрадовался, вбѣжалъ въ свою хатку, наѣлся, напился и спать повалился.

34. Зимовье звѣрей.

Шелъ быкъ лѣсомъ: попадается ему навстрѣчу баранъ. «Куда, баранъ, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, говоритъ баранъ. «Пойдемъ со мною!» Вотъ пошли вмѣстѣ; попадается имъ навстрѣчу свинья. «Куда, свинья, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ свинья. «Иди съ нами». Пошли втроемъ дальше; навстрѣчу имъ поподается гусь. «Куда, гусь, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ гусь. «Ну, иди за нами!» Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а навстрѣчу имъ пѣтухъ. «Куда, пѣтухъ, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ пѣтухъ. «Иди за нами!» Вотъ они идутъ путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя: «какъ же братцы-товарищи! время подходитъ холодное; гдѣ тепла искать?» Быкъ и сказываетъ: «ну, давайте избу строить, а то—чего добраго—и впрямь зимою замерзнемъ». Баранъ говоритъ: «у меня шуба тепла—вишь какая шерсть! я и такъ прозимую». Свинья говоритъ: а по мнѣ хоть какіе морозы—я не боюсь: зароюсь въ землю и безъ избы прозимую». Гусь говоритъ: «а я сяду въ средину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнусь—меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую». Пѣтухъ говоритъ: «а развѣ у меня нѣтъ своихъ крыльевъ? и я прозимую!» Быкъ ви-

дить—дѣло плохо, надо одному хлопотать. «Ну, говоритъ, вы какъ хотите, а я стану избу строить». Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баранъ просится у быка: «пусти, братъ, погрѣться».—Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба тепла; ты и такъ перезимуешь. Не пущу!... «А коли не пустишь, то я разбѣгусь и вышибу изъ твоей избы бревно; тебѣ же будетъ холоднѣе». Быкъ думалъ-думалъ: «дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозитъ»— и пустилъ барана. Вотъ и свинья прозябла, пришла къ быку: «пусти, братъ, погрѣться».—Нѣтъ, не пущу! ты въ землю зароешься, и такъ прозимуешь. «А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою да твою избу сворочу». Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Тутъ пришли къ быку гусь и пѣтухъ: «пусти, братъ, къ себѣ погрѣться».—Нѣтъ, не пущу! У васъ по два крыла: одно постелишь, другимъ одѣнешься; такъ и прозимуете! «А не пустишь, говоритъ гусь, такъ я весь мохъ изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю, тебѣ же холоднѣе будетъ».—«Не пустишь? говоритъ пѣтухъ, такъ я взлечу на чердакъ и всю землю съ потолка сгребу; тебѣ же холоднѣе будетъ». Что дѣлать быку? пустилъ жить къ себѣ и гуся, и пѣтуха.

Вотъ живутъ они себѣ въ избушкѣ. Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и началъ пѣсенки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсенки распѣваетъ; захотѣлось ей пѣтушинымъ мясомъ полакомиться, да какъ достать его? Лиса поднялась на хитрости,

отправилась къ медвѣдю да волку и сказала: «ну, любезные куманьки! я нашла для всѣхъ поживу: для тебя, медвѣдь, быка; для тебя, волкъ, барана, а для себя пѣтуха».—Хорошо, кумушка! говорятъ медвѣдь и волкъ, мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ; пойдемъ же приколемъ да поѣдимъ! Лиса привела ихъ къ избушкѣ. Медвѣдь говоритъ волку: «иди ты впередъ!» А волкъ говоритъ: «нѣтъ, ты посильнѣе меня, иди ты впередъ!» Ладно! пошелъ медвѣдь; только что въ двери—быкъ наклонилъ голову и приперъ его рогами къ стѣнѣ, а баранъ разбѣжался, да какъ боцнетъ медвѣдя въ бокъ и сшибъ его съ ногъ, а свинья рветъ и мечетъ въ клочья, а гусь подлетѣлъ—глаза щиплетъ, а пѣтухъ сидитъ на брусу и кричитъ: «подайте сюда, подайте сюда!» Волкъ съ лисой услыхали крикъ да бѣжать! Вотъ медвѣдь рвался, рвался, насилу вырвался, догналъ волка и разсказываетъ: «ну, что было мнѣ! этакого страху сродясь не видывалъ. Только что вошелъ я въ избу, откуда ни возьмись баба съ ухватомъ на меня... Такъ къ стѣнѣ и прижала! набѣжало народу пропасть: кто бьетъ, кто рьветъ, кто шиломъ въ глаза колетъ; а еще одинъ на брусу сидѣлъ да все кричалъ: подайте сюда, подайте сюда! ну, еслибъ подали къ нему, кажись бы и смерть была!»

35. Медвѣдь и пѣтухъ.

Былъ у старика сынъ дуракъ. Проситъ дуракъ, чтобы отецъ его женилъ: «а если не женишь— печку разломаю!»—Какъ я тебя женю? у насъ денегъ нѣту. «Денегъ нѣту, да есть волъ; продай его на бойню». Волъ услыхалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ опять пристаетъ къ отцу; «жени меня, не то печку разломаю!» Отецъ говоритъ: «радъ бы женить, да денегъ нѣту».—Денегъ нѣту, да есть баранъ, продай его на бойню. Баранъ услыхалъ въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ отъ отца не отходитъ: жени меня, да и только. «Я же тебѣ говорю, что денегъ нѣтъ!»—Денегъ нѣту, да есть пѣтухъ; заколи его, испеки пирогъ и продай. Пѣтухъ услыхалъ въ лѣсъ улетѣлъ. Волъ, баранъ и пѣтухъ сошлись всѣ вмѣстѣ и выстроили себѣ въ лѣсу избушку. Медвѣдь узналъ про то, захотѣлъ ихъ съѣсть и пришелъ къ избушкѣ. Пѣтухъ увидалъ его и запрыгалъ по насѣсти; машетъ крыльями и кричитъ: «куда-куда-куда! да подайте мнѣ его сюда: я ногами стопчу, топоромъ срублю! и ножишко здѣсь, и гужишко здѣсь, и зарѣжемъ здѣсь, и повѣсимъ здѣсь!» Медвѣдь испугался и пустился назадъ безъ оглядки, бѣжалъ-бѣжалъ, отъ страху упалъ и умеръ. Дуракъ пошелъ въ лѣсъ, нашелъ медвѣдя, снялъ съ него шкуру и продалъ; на эти деньги и женили дурака. Волъ, баранъ и пѣтухъ изъ лѣсу домой пришли.

36. Кочетъ и курица.

Жили-были кочетокъ съ курочкою; пошли они въ лѣсъ по орѣхи. Кочетокъ взлетѣлъ на орѣшню: «я, говоритъ, буду орѣхи рвать», а курочку оставилъ на землѣ подбирать; кочетокъ кидаетъ, курочка подбираетъ. Вотъ кинулъ кочетокъ орѣхъ, попалъ курочкѣ въ голову, и вышибъ у ней глазокъ. Курочка пошла—заплакала. Ѣдутъ бояре и спрашиваютъ: «курочка, курочка! что ты плачешь?»—Мнѣ кочетокъ вышибъ глазокъ. «Кочетокъ, кочетокъ! на что ты у курочки вышибъ глазокъ?»—Мнѣ орѣшня платье разодрала. «Орѣшня, орѣшня! на что кочетку платье разодрала?»—Меня козы оглодали. «Козы, козы! на что вы орѣшню оглодали?»—Насъ пастухи не берегутъ. «Пастухи, пастухи! что вы козъ не бережете?»—Насъ хозяйка блинами не кормитъ. «Хозяйка, хозяйка! что ты пастуховъ блинами не кормишь?»—У меня свинья опару пролила. «Свинья, свинья! на что у хозяйки опару пролила?»—У меня волкъ поросеночка унесъ? «Волкъ волкъ! на что у свиньи поросеночка унесъ?»—Я ѣсть захотѣлъ, мнѣ Богъ повелѣлъ.

37. Смерть пѣтушка.

Ходятъ пѣтушокъ да курочка на поповомъ гумнѣ. Увидалъ пѣтушокъ бобовое зернышко, захотѣлъ его скушать, хвать—и подавился! Лежитъ бѣднякъ—и не дышетъ. Сжалилась надъ

нимъ курочка, пошла къ рѣкѣ воды попросить. Рѣчка говоритъ: «поди къ липкѣ, попроси листу, тогда и воды дамъ!»—Липка, липка, дай листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: не дышетъ, не слышитъ, ровно мертвый лежитъ! Липка сказала: «пойди къ дѣвкѣ, попроси нитку, втѣпоры дамъ листу.—Дѣвка, дѣвка! дай нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: не дышетъ, не слышитъ, ровно мертвый лежитъ! Дѣвка говоритъ: «поди къ коровѣ, попроси молочка, втѣпоры дамъ нитку». Пришла курочка къ коровѣ: корова, корова! дай молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: не дышетъ, не слышетъ, ровно мертвый лежитъ!» Корова говоритъ: «поди на покосъ, попроси у косцовъ сѣна, втѣпоры молока дамъ». Пришла курочка на покосъ: «косцы, косцы, дайте сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: не дышетъ, не слышитъ, ровно мертвый лежитъ»! Косцы говорятъ: «поди къ кузнецамъ, проси сковать косу». Пришла

курочка къ кузнецамъ: «кузнецы, кузнецы! скуйте мнѣ косу, косу нести на покосъ, косцы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: не дышетъ, не слышитъ, ровно мертвый лежитъ!» Кузнецы говорятъ: «поди къ лѣсникамъ, проси у нихъ уголья, втѣпоры скуемъ тебѣ косу». Пришла курочка къ лѣсникамъ: «лѣсники, лѣсники! дайте уголья, уголье нести къ кузнецамъ, кузнецы скуютъ косу, косу нести на покосъ, косцы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: не дышетъ, не слышитъ, ровно мертвый лежитъ!»

Лѣсники дали уголья; взяла курочка уголье, снесла къ кузнецамъ, кузнецы сковали ей косу, взяла косу, снесла на покосъ, косцы накосили ей сѣна; снесла сѣно къ коровѣ, корова дала молока; снесла молоко къ дѣвкѣ, дѣвка дала нитку; снесла нитку къ липкѣ, липка дала листу; снесла листъ къ рѣчкѣ, рѣчка дала воды. Принесла воду къ пѣтушку, а онъ лежитъ, не дышетъ, не слышитъ, подавился на поповомъ гумнѣ бобовымъ зернышкомъ!

38. Яичко.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ была курочка ряба; снесла подъ поломъ яичко — пестро, востро, костяно, мудрено! Дѣдъ билъ-не разбилъ, баба била—не разбила, а мышка прибѣжала да хвостикомъ раздавила. Дѣдъ плачетъ, баба плачетъ, курочка кудкудачетъ, ворота скрипятъ, со двора щепки летятъ, на избѣ верхъ шатается! Шли за водою поповы дочери, спрашиваютъ дѣда, спрашиваютъ бабу: «о чемъ вы плачете?»—Какъ намъ не плакать! отвѣчаютъ дѣдъ да баба: есть у насъ курочка ряба, снесла подъ поломъ яичко—пестро, востро, костяно, мудрено! Дѣдъ билъ—не разбилъ, баба била—не разбила, а мышка прибѣжала да хвостикомъ раздавила. Какъ услышали это поповы дочери—со великаго горя бросили ведра на́земь, поломали коромысла и воротились домой съ пустыми руками. «Ахъ, матушка! говорятъ онѣ попадьѣ, ничего ты не знаешь, ничего не вѣдаешь; а на свѣтѣ много дѣется: живутъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ курочка ряба; снесла подъ поломъ яичко пестро, востро, костяно, мудрено! Дѣдъ билъ—не разбилъ, баба била—не разбила, а мышка прибѣжала да хвостикомъ раздавила. Оттого дѣдъ плачетъ, баба плачетъ, курочка кудкудачетъ, ворота скрипятъ, со двора щепки летятъ, на избѣ верхъ шатается! А мы, идучи за водою, ведра побросали, коромысла поломали!» На ту пору попадья квашню мѣсила. Какъ

услышала она, что дѣдъ плачетъ и баба плачетъ, и курочка кодкудачетъ, тотчасъ съ великаго горя опрокинула квашню и все тѣсто разметала по полу. Пришелъ попъ съ книгою. «Ахъ, батюшка! сказываетъ ему поподья, ничего ты не знаешь, ничего не вѣдаешь; а на свѣтѣ много дѣется: живутъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ курочка ряба; снесла подъ поломъ яичко — пестро, востро, костяно, мудрено! Дѣдъ билъ — не разбилъ, баба била — не разбила, а мышка прибѣжала да хвостикомъ раздавила. Оттого дѣдъ плачетъ, баба плачетъ, курочка кодкудачетъ, ворота скрипятъ, со двора щепки летятъ, на избѣ верхъ шатается! Наши дочки, идучи за водою, ведра побросали, коромысла поломали, а я тѣсто мѣсила да со великаго горя все по полу разметала!» Попъ затужилъ-загоревалъ, свою книгу въ клочки изорвалъ.

39. Ворона и ракъ.

Летѣла ворона по-надъ моремъ, смотритъ — ракъ ползетъ; хапъ его! и понесла въ лѣсъ, чтобы, усѣвшись гдѣ-нибудь на вѣткѣ, хорошенько закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ воронѣ: «эй, ворона, ворона! зналъ я твоего отца и твою мать—славные были люди!»—Угу! отвѣтила ворона, не раскрывая рта. «И братьевъ и сестеръ твоихъ знаю, что за добрые

были люди!» — Угу! «Да все-же хоть они и хорошіе люди, а тебѣ не ровня. Мнѣ сдается, что разумнѣе тебя никого нѣтъ на свѣтѣ». Понравились эти рѣчи воронѣ; каркнула она во весь ротъ и упустила рака въ море.

40. Пѣтушокъ-золотой гребешокъ и жерновки.

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухою, бѣдные-бѣдные! хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали желудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу. Старуха запримѣтила и говоритъ: «старикъ! надобно полъ-то прорубить; пускай дубъ растетъ выше: какъ выраститъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ въ избѣ рвать». Старикъ прорубилъ полъ; деревцо росло-росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ: дерево все раститъ да раститъ, и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухою жолудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ... и взобрался на небо. Ходилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребешокъ, а возлѣ него стоятъ жерновцы. Старикъ долго не думалъ, захватилъ

съ собой и кочетка, и жерновцы и спустился въ избу. Спустился и говоритъ старухѣ: «какъ намъ быть, что намъ ѣсть?» — Постой, молвила старуха, я попробую жерновцы. Взяла жерновцы и стала молоть: анъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ; что ни повернетъ — все блинъ да пирогъ! И накормила старика.

Ѣхалъ мимо какой-то бояринъ и заѣхалъ къ старику со старушкой въ хату. «Нѣтъ ли, спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «чего тебѣ, родимый, дать—развѣ блинковъ?» Взяла жерновцы и намолола: нападали блинки да пирожки. Бояринъ поѣлъ и говоритъ: «продай мнѣ, бабушка, твои жерновцы». — Нѣтъ, отвѣчаетъ старуха, продать нельзя!» Онъ позавидовалъ чужому добру и укралъ у ней жерновцы. Какъ увидали старикъ со старушкою, что украдены жерновцы, стали горе-горевать. «Постой, говоритъ кочетокъ-золотой гребешекъ, я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: «кукареку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жерновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Какъ услыхалъ бояринъ, сейчасъ приказываетъ: «эй, малый! возьми — брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ, ротикъ! пей воду!» — и вытянулъ весь колодезь. Выпилъ воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ; усѣлся на балконъ и опять кричитъ: «кукареку! бояринъ, бояринъ! отдай наши

жерновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Бояринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь — прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду» — и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскія палаты и опять кричитъ: «кукареку! бояринъ, бояринъ отдай наши жерновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Въ то самое время бояринъ гостей принималъ; гости услыхали, что кричитъ кочетокъ, и тотчасъ же побѣжали вонъ изъ дому; хозяинъ бросился догонять ихъ, а кочетокъ-золотой гребешокъ подхватилъ жерновцы и улетѣлъ съ ними къ старику и старухѣ.

41. Лѣсной гнетъ.

Ѣхалъ мужикъ съ горшками, потерялъ большой кувшинъ. Залетѣла въ кувшинъ муха и стала въ немъ жить-поживать. День живетъ, другой живетъ. Прилетѣлъ комаръ, и стучится: кто, кто въ терему? кто, кто въ высокомъ? — Я, муха-горюха; а ты кто? «А я комаръ-пискунъ». — Иди ко мнѣ жить. Вотъ и стали вдвоемъ жить. Приползла къ нимъ вошка: «кто, кто въ терему, кто, кто въ высокомъ? — Я, муха-горюха, да комаръ-пискунъ; а

ты кто? «Я вошь-поползуха».—Иди къ намъ жить. И стало ихъ трое. Прискакала блоха: «кто, кто въ терему? кто, кто въ высокомъ?» —Я муха-горюха, комаръ-пискунъ, да вошь-поползуха; а ты кто? «Я блоха-попрядуха».—Иди къ намъ жить. И стало ихъ четверо. Прибѣжала къ нимъ мышь: «кто, кто въ терему? кто, кто въ высокомъ?»—Я муха-горюха, комаръ-пискунъ, вошь-поползуха, блоха-попрядуха; а ты кто? «Я изъ-за-угла-хмыстень». Иди къ намъ жить. И стало ихъ пятеро. Притащилась лягушка: «кто, кто въ терему? кто, кто въ высокомъ?» —Я муха-горюха, комаръ-пискунъ, вошь-поползуха, блоха-попрядуха, изъ-за-угла-хмыстень; а ты кто? «Я на-водѣ-балагта».—Иди къ намъ жить. И стало ихъ шестеро. Живутъ-себѣ поживаютъ, бѣды надъ собою не чаютъ. Спозналъ про то медвѣдь, приходитъ къ терему и стучится: «кто, кто въ терему? кто, кто въ высокомъ?»—Я муха-горюха, комаръ-пискунъ, вошъ-поползуха, блоха-попрядуха; изъ-за-угла-хмыстень, на-водѣ-балагта; а ты кто? «А я лѣсной гнетъ!» Сѣлъ на кувшинъ и всѣхъ раздавилъ.

42. Теремокъ мышки.

Лежитъ на полѣ лошадиный остовъ. Прибѣжала мышка-норышка и спрашиваетъ: теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ? Никто не отзывается. Вотъ она и вошла и стала жить въ

лошадиномъ остовѣ. Прискакала лягушка-квакушка: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Я мышка-норышка; а ты кто? «А я лягушка-квакушка». — Ступай ко мнѣ жить. Вошла лягушка и стали себѣ вдвоемъ жить. Прибѣжалъ заяцъ: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Я мышка-норышка, лягушка-квакушка; а ты кто? «А я на-горѣ-увертышъ». — Ступай къ намъ. Стали они втроемъ жить. Прибѣжала лисица: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ? — Мышка норышка, лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышъ; а ты кто? «А я вездѣ-поскокишъ». — Иди къ намъ. Стали четверо жить. Пришелъ волкъ: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышъ, вездѣ-поскокишъ; а ты кто? «А я изъ-за-кустовъ-хватышъ». — Иди къ намъ! Стали пятеро жить. Вотъ пришелъ медвѣдь: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ? — Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышъ, вездѣ-поскокишъ, изъ-за-кустовъ-хватышъ. «А я васъ давишъ!» — сѣлъ на лошадиный остовъ и всѣхъ раздавилъ.

43. Мизгирь.

Въ старые годы, въ старопрежніе — въ жаркое лѣто содѣлалась срамота, въ мірѣ тягота: народились комары да мошки, стали людей кусать, горячую кровь пропускать. Проявился мизгирь

(паукъ), удалой борецъ, добрый молодецъ, сталъ ножками трясти да мережки плести, ставить на путина-дорожки, гдѣ летаютъ комары да мошки. Мухагорюха летала-летала, да къ мизгирю въ сѣть попала; тутъ ее мизгирь сталъ бить да губить, да за горло давить. Муха мизгирю взмолилася: «батюшка, мизгирь! не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будетъ дѣтей сиротать, по дворамъ ходить да собакъ дразнить». Пожалѣлъ ее мизгирь, отпустилъ на волю; муха полетѣла зажужжала и повѣстила всѣмъ комарамъ и мошкамъ: «гой еси вы, комары да мошки! убирайтесь подъ осиновое кореньище: проявился мизгирь, сталъ ножками трясти да мережки плести, ставить на пути-на дорожки, гдѣ летаютъ комары да мошки; всѣхъ изловитъ!» Комары и мошки полетѣли, забились подъ осиновое кореньище, лежатъ аки мертвы. Какъ бытъ мизгирю? голодать ему не хочется: позвалъ къ себѣ сверчка, таракана и клопа; «ты, сверчокъ, затруби въ рожокъ; а ты, тараканъ, ударь въ барабанъ; а ты, клопъ-блинникъ, поди подъ осиново кореньище, проложи про меня такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, въ живѣ нѣтъ: въ кандалы заковали, въ Казань отослали, голову на плахѣ отсѣкли и плаху раскололи». Сверчокъ затрубилъ въ рожокъ, тараканъ ударилъ въ барабанъ, а клопъ-блинникъ пошелъ подъ осиновое кореньище, говоритъ: «что вы лежите, аки мертвы? Вѣдь мизгиря-борца, добра молодца, въ живѣ нѣтъ: въ кандалы заковали, въ Казань отослали, голову на плахѣ

отсѣкли и плаху раскололи». Комары и мошки возрадовались, поднялись, полетѣли—чуть не пали, да къ мизгирю въ сѣть попали.—Онъ сталъ ихъ бить да губить, а самъ говоритъ: «что вы очень мелки! почаще бы въ гости бывали, меня бы винцомъ угощали!»

44. Сказка о томъ, какъ судился лещь съ ершомъ.

Господамъ судьямъ Бѣлугѣ и Бѣлой-рыбицѣ бьемъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярской Лещъ съ товарищи: «Жалоба, господа, намъ на злого человѣка на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ злой человѣкъ Щетинникъ выпросился къ намъ единую ночь ночевать, да сталъ насъ изъ озера выживать, во мхи и болота прогонять, и лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашей отчизны и дѣдины. Собою онъ малъ, а щетины у него, словно лютыя рогатины, и какъ свидится съ нами на стану—и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока. А мы, господа! лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями».

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь ли?»—Отвѣчаю, господа! за себя и за товарищей своихъ въ томъ, что то

Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а и нынѣ наше, и онъ, Лещъ, жилъ у насъ въ сосѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа, Ершъ, Божіею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровского у меня ничего не винимывали; человѣкъ я добрый, живу своимъ, а не чужимъ добромъ; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князья и бояре, стольники и дворяне, жильцы московскіе, дьяки, подьячіе и всякихъ чиновъ люди, покупаютъ меня дорогою цѣною, варятъ съ перцемъ и съ шафраномъ и ставятъ передъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ меня съ похмелья и, кушавши, похваливаютъ».

Судьи спрашивали Леща: «ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?»—Уличаю его Божіею правдою да вами, праведными судьями. «А кому у васъ про Ростовское озеро вѣдомо и на кого ты шлешься?»Истецъ Лещъ сказалъ: шлюся я, господа, на добрыхъ людей разныхъ городовъ и областей; есть, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ нѣмецкой области подъ Иваномъ-городомъ, въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, да другой, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ Новгородской области, въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга».Спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, шлешься ли на Лещеву правду, на таковыхъ людей?» И отвѣтчикъ Ерша сказалъ: «слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣть

и Сигъ и Лодуга—люди богатые, животами прожиточны». И судьи спрашивали Ерша: почему у тебя такіе люди недруги и какая у тебя съ ними недружба?»—Господа судьи! отвѣчалъ Ершъ, недружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ, для того что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человѣкъ заводной; они хотятъ насъ маломочныхъ людей разорить напрасно.

Судьи спрашивали Леща: «еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и на кого ты шлешься?» Истецъ Лещъ отвѣчалъ: «шлюся я, господа, на добраго человѣка, что живетъ въ Переяславскомъ озерѣ: рыбу Сельдь». Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, шлешься ли на Лещеву правду?» Отвѣтчикъ Ершъ отказался: «Сигъ, Лодуга и Сельдь межъ собою съ родни, а Лещъ такой же человѣкъ заводной; въ сосѣдствѣ имаются, гдѣ сойдутся—ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ добраго слова не молвятъ».

И судьи поставили пристава Окуня, велѣли ему взять въ понятыхъ Налима и поставить на судъ переяславскую Сельдь. Налимъ отъ той службы отрицается, судитъ Окуню посулы великіе: «господине Окуне! азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико—ходить не смогу, а се глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты—передъ добрыми людьми говоритъ не умѣю».«Приставъ Окунь взялъ въ понятыхъ Головля и Язя и поставилъ на судъ переяславскую Сельдь. И судьи спрашивали

у переяславской Сельди: «чье Ростовское озеро, изстари ли Ершово? и знають ли Ерша на Москвѣ богатые люди и покупаютъ ли его дорогою цѣною». Сельдь показала, что Ростовское озеро изстари Лещево; «Лещъ-де — человѣкъ добрый, христіанинъ божій, живетъ своимъ, а не чужимъ добромъ; а Ершъ Щетинникъ—человѣкъ злой; гдѣ ни попросится ночевать, и кто невѣдаючи его пуститъ — и онъ готовъ хозяина выжить; а знаютъ его на Москвѣ люди худые: у кого одна полушка есть— и на ту много ершей купятъ; сварятъ въ ухѣ, да не столько съѣдятъ, сколько расплюютъ!» Послѣ переяславской Сельди поставили на судъ рыбу Осетра, и были отъ него таковы рѣчи: «Ростовское озеро изстари Лещево, и Ершъ-де Щетинникъ завладѣлъ тѣмъ озеромъ не по правдѣ. Да еще, господа судьи, скажу вамъ о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги-рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ, Ершъ, встрѣтилъ меня у самаго Ростовскаго озера и назвался братомъ; я же лукавства его не вѣдалъ, а спрошать про него, злого человѣка, никого не случилося. И онъ меня вопросилъ: братецъ Осетръ, куда идешь? И я ему оповѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И Ершъ сказалъ: братецъ Осетръ! когда я шелъ Волгою-рѣкою, тогда былъ толще и длиннѣе тебя, бока мои тёрли волжскіе берега, очи мои были аки полная чаша, а хвостъ аки большой судовой парусъ; нынѣ же, братецъ Осетръ, самъ видишь, каковъ я сталъ скуденъ! Азъ же, господа, слышавъ

такое его прелестное слово, не пошелъ въ Ростовское озеро и къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, самъ отъ него въ конецъ погибнулъ. Да еще вамъ, скажу: тотъ же Ершъ обманулъ меня, Осетра, стараго мужика; привелъ меня къ неводу и сказалъ: братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; много тамъ всякой рыбы. Я началъ посылати его напредъ. И онъ, Ершъ, мнѣ сказалъ: братецъ Осетръ! коли меньшой братъ ходитъ напредъ большого? И я, господа, на его прелестное слово положился, пошелъ въ неводъ и увязъ; а неводъ, что боярскій дворъ—войти ворота широки, а выйти узки. Втѣпоры Ершъ надо мною насмѣхался: много ли въ неводу рыбы наѣлся? А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ началъ прощатися: братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я началъ стонать, и онъ, Ершъ, говорилъ мнѣ: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!»

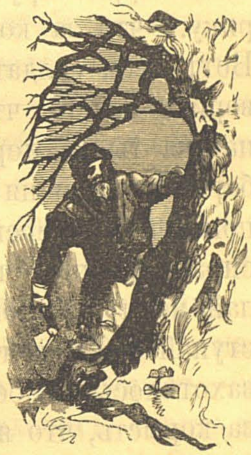
Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію—бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябеды. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своею заднею клешнею. Да на того же Ерша выдали правую

грамоту: гдѣ его застанутъ въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

«Господа судьи! говоритъ Ершъ, судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ; Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили». Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза, вильнулъ хвостомъ и ушелъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли!...

45. Жадная старуха.

Жилъ старикъ со старухою; пошелъ въ лѣсъ дрова рубить. Сыскалъ старое дерево, поднялъ топоръ и сталъ рубить. Говоритъ ему дерево: «не руби меня, мужичекъ! что тебѣ надо, все сдѣлаю.»—Ну, сдѣлай, чтобы я богатъ былъ. «Ладно! ступай домой, всего у тебя вдоволь будетъ». Воротился старикъ домой—изба новая, словно чаша полная, денегъ куры не клюютъ, хлѣба на десятки лѣтъ хватитъ, а что коровъ, лошадей, овецъ, въ три дня не сосчитать! «Ахъ, старикъ, откуда все это?» спрашиваетъ старуха.—Да вотъ, жена, я такое дерево нашелъ—что ни пожелай, то и сдѣлаетъ! Пожили съ мѣсяцъ; пріѣлось старухѣ богатое житье, говоритъ старику: хоть живемъ мы бо-

гато, да что въ этомъ толку, коли люди насъ не почитаютъ! Захочетъ бурмистръ и тебя и меня на работу погонитъ; а придерётся, такъ и палками накажетъ. Ступай къ дереву, проси, чтобъ ты бурмистромъ былъ». Взялъ старикъ топоръ, пошелъ къ дереву и хочетъ подъ самый корень рубить. «Что тебѣ надо?» спрашиваетъ дерево.—Сдѣлай, чтобы я бурмистромъ былъ. «Хорошо, ступай съ Богомъ!» Воротился домой, а его ужъ давно солдаты дожидаютъ: «гдѣ ты, закричали, старый чортъ, шатаешься? отводи скорѣе намъ квартиру, да чтобъ хорошая была. Ну-ну, поворачивайся!» А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видитъ старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говоритъ старику: «что за корысть быть бурмистровой женою! Вотъ тебя солдаты прибили, а ужъ о баринѣ и говорить нечего: что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Ступай-ка ты къ дереву, да проси, чтобъ сдѣлало тебя бариномъ, а меня барыней». Взялъ старикъ топоръ, пошелъ къ дереву, хочетъ опять рубить; дерево спрашиваетъ: «что тебѣ надо, старичекъ?—Сдѣлай меня бариномъ, а старуху барыней. «Хорошо, ступай съ Богомъ!» Пожила старуха въ барствѣ, захотѣлось ей большаго, говоритъ старику: «что за корысть, что я барыня! вотъ кабы ты былъ полковникомъ, а я полковницей—иное дѣло! всѣ бы намъ завидовали». Погнала старика снова къ дереву; взялъ онъ топоръ, пришелъ и собирается рубить. Спрашиваетъ его дерево: «что тебѣ надобно?—Сдѣлай меня полковникомъ, а старуху

полковницей. «*Х*орошо, ступай съ Богомъ!» Воротился старикъ домой, а его полковникомъ пожаловали. Прошло нѣсколько времени, говоритъ ему старуха: «велико ли дѣло—полковникъ! Генералъ захочетъ, подъ арестъ посадитъ. Ступай къ дереву, проси, чтобы сдѣлало тебя генераломъ, а меня генеральшею». Пошелъ старикъ къ дереву, хочетъ топоромъ рубить. «Что тебѣ надобно?» спрашиваетъ дерево.—Сдѣлай меня генераломъ, а старуху генеральшею. «Хорошо, иди съ Богомъ!» Воротился старикъ домой, а его въ генералы произвели. Опять прошло нѣсколько времени, наскучило старухѣ быть генеральшею, говоритъ она старику: «велико ли дѣло—генералъ! Государь захочетъ, въ Сибирь сошлётъ. Ступай къ дереву, проси, чтобы сдѣлало тебя царемъ, а меня царицею». Пришелъ старикъ къ дереву, хочетъ топоромъ рубить.—«Что тебѣ надобно?» спрашиваетъ дерево.—Сдѣлай меня царемъ, а старуху царицею. «Хорошо, иди съ Богомъ!» Воротился старикъ домой, а за нимъ ужъ послы пріѣхали: «государь-де померъ, тебя на его мѣсто выбрали». Немного пришлось старику со старухой нацарствовать; показалось старухѣ мало быть царицею, позвала старика и говоритъ ему: «велико ли дѣло—царь! Богъ захочетъ, смерть нашлетъ и запрячутъ тебя въ сырую землю. Ступайка ты къ дереву да проси, чтобы сдѣлало насъ богами». Пошелъ старикъ къ дереву. Какъ услыхало оно эти безумныя рѣчи, зашумѣло листьями и въ отвѣтъ старику молвило: будь же ты медвѣдемъ,

а твоя жена медвѣдицей»! Въ ту-жъ минуту старикъ обратился медвѣдемъ, а старуха медвѣдицей, и побѣжали въ лѣсъ.

46. Козьма Скоробогатый.

Жилъ-былъ Кузинька, одинъ-одинёшенекъ въ темномъ лѣсу; были у него худой домишко, да пѣтушокъ, да пять курочекъ. Вотъ къ этому Кузинькѣ повадилась ходить лисичка; пошелъ онъ разъ на охоту, и только изъ дому, а лисичка тутъ какъ тутъ; прибѣжала, заколола одну курочку, изжарила и скушала. Воротился Кузинька, хвать—нѣтъ курочки и думаетъ: вѣрно коршунъ утащилъ. На другой день пошелъ опять на охоту. Попадается ему навстрѣчу лисичка и спрашиваетъ: «куда, Кузинька, идешь?»—На охоту, лисичка! «Ну, прощай!»—и тотчасъ же побѣжала къ нему въ избу, заколола курочку, изжарила и скушала. Пришелъ домой Кузинька, хватился курочки—нѣту! Пало ему въ догадку: «ужъ не лисичка ли кушаетъ моихъ курочекъ?» Вотъ на третій день онъ крѣпко-накрѣпко заколотилъ у себя въ избѣ окна и двери, а самъ пустился на промыселъ. Неоткуль взялась лисичка и спрашиваетъ: «куда идешь, Кузинька!»—На охоту, лисичка! Лисичка тутъ же и побѣжала къ дому Кузиньки, а онъ поворотилъ да вслѣдъ за нею. Прибѣжала лисичка, обошла кругомъ избу, видитъ: окна и двери заколочены крѣпко-накрѣпко; какъ попасть въ избу?

взяла да и спустилась въ трубу. Тутъ Кузинька и поймалъ лисичку: «ба! говоритъ, вотъ какой воръ ко мнѣ жалуетъ. Постой-ка, сударушка, я тебя живу изъ рукъ не выпущу!» Лисичка стала просить Кузиньку: «не убивай меня! я тебя сдѣлаю Козьмою Скоробогатымъ, только изжарь для меня одну курочку съ маслечкомъ пожирнѣе». Кузинька согласился, а лисанька, накушавшись такого жирнаго обѣда, побѣжала на царскіе заповѣдные луга и стала на тѣхъ заповѣдныхъ лугахъ кататься. Бѣжитъ волкъ и говоритъ: «экъ ты, проклятая лиса! гдѣ такъ жирно обтрескалась?—Ахъ, любезный волченокъ-куманекъ, вѣдь я была у царя на пиру. Неужли тебя, куманекъ, не звали? а насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо! Волкъ и проситъ: лисанька, не сведешь ли и меня къ царю на обѣдъ? Лисанька обѣщалась и велѣла собрать сорокъ сороковъ сѣрыхъ волковъ и привести съ собою. Волкъ согналъ сорокъ сороковъ сѣрыхъ волковъ. Лиса повела ихъ къ царю; какъ привела, сейчасъ же вошла въ бѣлокаменныя палаты и поклонилась царю сорокомъ сороковъ сѣрыхъ волковъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь весьма тому обрадовался, приказалъ всѣхъ волковъ загнать въ ограду и запереть накрѣпко. А лисичка бросилась къ Кузинькѣ; прибѣжала, велѣла зажарить еще одну курочку, пообѣдала сытно и пустилась на заповѣдные луга, и стала кататься по травѣ. Бѣжитъ медвѣдь мимо, увидѣлъ лисаньку и говоритъ: экъ вѣдь ты, проклятая хвостомеля, какъ

обтрескалась!» Она отвѣчаетъ: я была у царя въ гостяхъ; насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо! да и теперь еще остались—пируютъ волки. Ты знаешь, любезный куманекъ, какіе они объѣдалы! по сю пору все объѣдаютъ». Мишка и проситъ: «лисанька! не сведешь ли и меня на царскій обѣдъ?» Лисанька согласилась и велѣла ему собрать сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей: «для одного тебя царь-де и безпокоиться не захочетъ». Мишка собралъ сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей. Лиса повела ихъ къ царю, привела и поклонилась ему срокомъ сороковъ черныхъ медвѣдей отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь тому и радъ, приказалъ загнать ихъ и запереть накрѣпко. А лисичка отправилась къ Кузинькѣ; прибѣжала и велѣла зажарить послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ. Кузинька не пожалѣлъ, зажарилъ ей послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповѣдные луга, и стала валяться по зеленой травѣ. Бѣжитъ мимо соболь съ куницей и спрашиваетъ: «экъ ты, лукавая лиса! гдѣ такъ жирно накушалась!»—Ахъ, вы соболь и куница! я у царя въ превеликомъ почетѣ. У него нынче пиръ и обѣдъ на всякихъ звѣрей; я таки порадѣла — много жирнаго поѣла; что звѣрей на обѣдѣ-то было, видимо-невидимо! только васъ тамъ и не доставало. Вы сами знаете волковъ, какъ они завистливы, будто съ роду жирнаго не ѣдали, о сю пору трескаютъ у царя! а про косолапаго Мишку и говорить нечего: онъ потуль ѣстъ, что чуть ды-

шетъ!—Соболь и куница стали лису упрашивать: «кумушка, своди ты насъ къ царю; мы хоть посмотримъ». Лиса согласилась и велѣла имъ согнать къ себѣ сорокъ сороковъ соболей и куницъ. Согнали; лиса привела ихъ во дворецъ и поклонилась царю сорокомъ сороковъ соболей и куницъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь не можетъ надивиться богатству Козьмы Скоробогатаго, съ радостью принялъ даръ и приказалъ всѣхъ звѣрей перебить и поснимать съ нихъ шкуры.

На другой день лисичка опять прибѣжала къ царю и говоритъ: «ваше царское величество! Козьма Скоробогатый приказалъ тебѣ низко кланяться и просить пудовки; нужно размѣривать серебряныя деньги. Свои-то четверики всѣ заняты у него золотомъ». Царь безъ отказу далъ лисѣ пудовку. Она прибѣжала къ Кузинькѣ: «на, говоритъ, мѣряй песокъ; надо высвѣтлить у пудовки бочекъ!» Сказано—сдѣлано. На утро она взяла пудовку, заткнула въ зауторы сколько-то мелкихъ денегъ, и понесла назадъ къ царю. Пришла и стала сватать у него прекрасную царевну за Козьму Скоробогатаго. Царь не отказываетъ, велитъ жениху изготовиться и пріѣзжать въ гости. Поѣхалъ Кузинька къ царю; а лисичка видитъ, что дѣло не ладно; кафтанъ на женихѣ рваный! забѣжала впередъ и подрядила работниковъ подпилить мостикъ. Кузинька только-что выѣхалъ на мостикъ—мостикъ вмѣстѣ съ нимъ и рушился въ воду. Лисичка стала кричать: «ахти! пропалъ Козьма Скоробогатый». Царь услышалъ и

тотчасъ же послалъ людей перехватить Козьму. Вотъ они перехватили его, переодѣли въ нарядное платье и превели къ царю. Обвѣнчался Кузинька на царевнѣ и живетъ у царя недѣлю и двѣ. «Ну, говоритъ царь, поѣдемъ теперь, любезный зять, къ тебѣ въ гости». Козьмѣ дѣлать нечего, надо собираться Запрягли лошадей и поѣхали. А лисичка отправилась впередъ. Бѣжала-бѣжала, глядитъ: пастухи пасутъ стадо овецъ; она спрашиваетъ ихъ: «пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» Пастухи отвѣчаютъ: «стадо царя Змѣя». Лисичка начала ихъ учить: сказывайте всѣмъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго, а то ѣдуть царь Огонь да царица Молнія: коли не скажете имъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго,—они всѣхъ васъ сожгутъ и спалятъ». Пастухи видятъ, что дѣло неминучее, надо слушаться! и обѣщаютъ всякому сказывать про Козьму Скоробогатаго, какъ лиса научила. А лисичка пустилась впередъ; видитъ—пастухи стерегутъ свиней, и спрашиваетъ: «пастухи, пастухи; чье стадо пасете?»—Царя Змѣя. «Сказывайте, что это стадо Козьмы Скоробогатаго, а то ѣдутъ царь Огонь да царица Молнія; они всѣхъ васъ сожгутъ и спалятъ, коли станете поминать про царя Змѣя». Пастухи согласились. Лиса побѣжала впередъ; добѣгаетъ до стада коровьяго, потомъ до конскаго, и велитъ пастухамъ сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатаго, про царя же Змѣя ничего не поминать. Добѣгаетъ лиса и до стада верблюжьяго. «Пастухи, пастухи! чье стадо пасете?»—Царя Змѣя.

Лиса строго-настрого запретила имъ сказывать о царѣ Змѣѣ, а велѣла говорить, что это стадо Козьмы Скоробогатаго; не то царь Огонь да царица Молнія сожгутъ и спалятъ все стадо! Лисичка опять побѣжала впередъ; прибѣгаетъ въ царство царя Змѣя и прямо въ бѣлокаменныя палаты. «Что скажешь, лисанька?»—Ну, царь Змѣй! надо тебѣ скорехонько спрятаться... Ѣдутъ грозный царь Огонь да царица Молнія, все жгутъ и палятъ. Всѣ стада твои прижгли: сначала овечье, потомъ свиное, а тутъ коровье и конское. Я не стала мѣшкать, пустилась къ тебѣ сказать и чуть отъ дыма не задохлась! Царь Змѣй закручинился-запечалился: «ахъ лисанька! куда же я дѣнуся?»—Есть въ твоемъ саду старый заповѣдный дубъ, середина вся повыгнила: бѣги и схоронись въ дупло, пока мимо не проѣдутъ. Царь Змѣй вмигъ собрался и по сказанному, какъ по писанному, сдѣлалъ такъ, какъ лиса научила. А Козьма Скоробогатый ѣдетъ себѣ да ѣдетъ съ женой и тестемъ. Доѣзжаютъ они до стада овечьяго. Молодая княгиня и спрашиваетъ: «пастушки, пастушки! чье стадо пасете?»—Козьмы Скоробогатаго, отвѣчаютъ пастухи. Царь тому и радъ: «ну, любезный зять, много же у тебя овецъ!» Ѣдутъ они дальше, доѣзжаютъ до стада свиного. «Пастушки, пастушки! спрашиваетъ молодая княгиня, чье стадо пасете?»—Козьмы Скоробогатаго. «Ну, любезный зять, много же у тебя свиней!» Ѣдутъ они все дальше и дальше; тутъ пасется стадо коровье, тамъ конское, а тамъ и верблюжье. Спро-

сятъ у пастуховъ: чье стадо пасете? Они знай себѣ отвѣчаютъ одно: «Козьмы Скоробогатаго». Вотъ пріѣхали къ змѣиному дворцу; лисичка встрѣчаетъ и вводитъ ихъ въ палаты бѣлокаменныя. Царь вошелъ и задивился: столь хорошо было убрано! Давай пировать, пить-ѣсть, веселиться! Живутъ они день и два, живутъ и недѣлю. Ну, Кузинька! говоритъ лисичка, перестань гулять, надо дѣло справлять. Ступай съ тестемъ въ зеленый садъ: въ томъ саду стоитъ старый дубъ, а въ томъ дубѣ сидитъ Змѣй—отъ васъ спрятался: разстрѣляйте его на мелкія части». По сказанному, какъ по писанному, пошелъ Кузинька съ тестемъ въ зеленый садъ; начали они въ дупло стрѣлы метать и убили царя Змѣя до смерти. А послѣ того Козьма Скоробогатый воцарился въ змѣиномъ царствѣ и сталъ съ молодою женою жить-поживать, добра наживать, и теперь живутъ, все хлѣбъ жуютъ. Лисичку всякій день угощали они курочками, и она до тѣхъ поръ у нихъ гостила, покуда всѣхъ куръ не истребила.

47. Пузырь, соломенка и лапоть.

Какъ-то собрались вмѣстѣ: Пузырь, Соломенка да Лапоть, и пошли по бѣлу свѣту странствовать, людей посмотрѣть и себя показать; дошли до рѣки и не знаютъ, какъ на ту сторону перебраться. Лапоть говоритъ Пузырю: «Пузырь, давай на тебѣ переплывемъ!»—Нѣтъ, Лапоть! пусть

лучше Соломенка протянется съ берега на берегъ, а мы перейдемъ по ней, словно по мосту. Соломенка протянулась съ берега на берегъ; Лапоть пустился по ней на ту сторону, шелъ-шелъ, до средины дошелъ. Тутъ Соломенка подломилась, Лапоть упалъ въ воду, а Пузырь хохоталъ-хохоталъ да и лопнулъ.

Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ.

Жилъ-былъ старикъ да старуха, у нихъ было три дочери. Старикъ пошелъ въ амбаръ за крупою, взялъ мѣшокъ и понесъ въ домъ, а въ мѣшкѣ-то была дыра: крупа въ нее сыплется да сыплется. Пришелъ домой. Старуха спрашиваетъ: «гдѣ крупка?»—а крупка вся высыпалась. Нечего дѣлать, пошелъ старикъ собирать, и говоритъ: «какъ-бы Солнышко обогрѣло, какъ-бы Мѣсяцъ освѣтилъ, какъ-бы Воронъ Вороновичъ пособилъ мнѣ крупку собрать: за Солнышко отдалъ бы старшую дочь, за Мѣсяца—среднюю, за Ворона Вороновича—младшую!» Сталъ старикъ собирать – Солнце обогрѣло, Мѣсяцъ освѣтилъ, Воронъ Вороновичъ пособилъ крупку собрать. Воротился старикъ домой, говоритъ старшей дочери: «нарядись хорошенько да ступай на крылечко». Она пріодѣлась-нарядилась, вышла на крылечко; Солнышко увидѣло красную дѣвицу и взяло ее въ свой домъ. Приказалъ старикъ наряжаться средней до-

чери; середняя дочь старика не ослушалась, пріодѣлась-нарядилась, вышла на крылечко; Мѣсяцъ увидѣлъ и утащилъ ее. Дошелъ чередъ до меньшой дочери; говоритъ ей старикъ: «нарядись хорошенько да ступай на крылечко». И меньшая дочь старика не ослушалась, пріодѣлась-нарядилась и пошла на крылечко; только-что за порогъ ступила, а Воронъ Вороновичъ тутъ какъ тутъ, подхватилъ ее и унесъ въ свое царство.

Скучно старику; говоритъ самъ съ собою: «не пойти ли къ зятьямъ въ гости!» Пошелъ къ Солнышку; шелъ-шелъ, шелъ-шелъ... насилу пришелъ. «Здравствуй, старикъ! чѣмъ тебя потчевать?» молвило Солнышко и приказало женѣ, чтобъ настряпала оладьевъ. Вотъ, когда тѣсто поспѣло, Солнышко усѣлось посередъ полу; жена поставила на него сковороду—и оладьи живо поджарились. Накормили старика и отпустили домой. Пришелъ старикъ къ старухѣ, приказываетъ ей стряпать оладьи; она было печь топить, а онъ говоритъ: «не надо!» Усѣлся на полъ и велитъ ставить на себя сковородку съ оладьями. «Что ты! али съ ума спятилъ?» ворчитъ старуха.—Ничего, говоритъ, ставь, испекутся. Она поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли.

Немного погодя отправился старикъ въ гости къ другому зятю—къ Мѣсяцу. Шелъ-шелъ и пришелъ къ нему ночью; Мѣсяцъ спрашиваетъ: «чѣмъ тебя, старикъ, потчевать?»—Не заботься, отвѣчаетъ старикъ, я ничего не хочу. Мѣсяцъ истопилъ про него

баню. Старикъ говоритъ: «чай въ банѣ темнехонько?» А Мѣсяцъ: «не бойся, свѣтло будетъ!» Пошелъ старикъ париться; Мѣсяцъ выискалъ въ дверяхъ щелку, просунулъ въ нее свой пальчикъ —и тѣмъ пальчикомъ освѣтилъ всю баню. Выпарился старикъ, погостилъ у Мѣсяца—и пустился въ обратный путь. Пришелъ домой, дождался ночи и велитъ топить баню. Старуха истопила; онъ и посылаетъ ее париться. «Не пойду, говоритъ старуха, въ банѣ темно, хоть глазъ выколи!»—Ступай, свѣтло будетъ! Пошла старуха; а старикъ помнитъ, какъ свѣтилъ ему Мѣсяцъ, и самъ туда же—взялъ топоръ, прорубилъ въ банѣ дыру и сунулъ въ нее свой палецъ. Только свѣту не прибыло: старуха знай кричитъ ему: «темно!»

Въ третій разъ старикъ пошелъ къ Ворону Вороновичу. «Чѣмъ тебя потчевать?» спрашиваетъ Воронъ Вороновичъ.—Не заботься, говоритъ старикъ, я ничего не хочу. «Ну, полѣзай ко мнѣ спать на сѣдала». Старикъ подставилъ лѣстницу и полѣзъ къ Ворону. Воронъ Вороновичъ посадилъ его подъ свое крыло. Старикъ задремалъ, да съ насѣсти упалъ и убился до смерти.

49. Вѣдьма и Солнцева сестра.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ далекомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ, нѣмой отъ самаго рож-

денія. Когда исполнилось ему двѣнадцать лѣтъ, пошелъ онъ однажды къ своему любимому конюху. А тотъ конюхъ сказывалъ ему всегда сказки, и теперь Иванъ-царевичь хотѣлъ послушать его чудесныхъ разсказовъ, да не то услышалъ. «Иванъ-царевичъ! сказалъ конюхъ; у твоей матери скоро народится дочь, а тебѣ сестра; будетъ она страшная вѣдьма, съѣстъ и отца, и мать, и всѣхъ подначальныхъ людей; если хочешь отъ бѣды избавиться, ступай попроси у отца что ни есть найлучшаго коня и поѣзжай отсюдова куда глаза глядятъ». Иванъ-царевичъ прибѣжалъ къ отцу и съ роду впервой заговорилъ съ нимъ; царь такъ этому возрадовался, что не сталъ и спрашивать: зачѣмъ ему добрый конь надобенъ? тотчасъ приказалъ что ни есть найлучшаго коня изъ своихъ табуновъ осѣдлать для царевича. Иванъ-царевичъ сѣлъ и поѣхалъ, куда глаза глядятъ. Долго-долго онъ ѣхалъ; наѣзжаетъ на двухъ старыхъ швей и проситъ, чтобъ онѣ взяли его съ собой жить. Старухи сказали: «мы бы рады тебя взять, Иванъ-царевичъ! да намъ ужъ немного жить. Вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ—тотчасъ и смерть придетъ!» Иванъ-царевичъ заплакалъ и поѣхалъ дальше. Долго-долго ѣхалъ; подъѣзжаетъ къ Вертодубу и проситъ: «прими меня къ себѣ!»—Радъ бы тебя принять, Иванъ-царевичъ! да мнѣ жить остается немного: вотъ какъ повыверну эти дубы съ кореньями—тотчасъ и смерть моя!» Пуще прежняго заплакалъ царевичъ и поѣхалъ все дальше да дальше. Подъѣзжаетъ къ Вертогору;

сталъ его просить, а онъ въ отвѣтъ: «радъ бы принять тебя, Иванъ-царевичъ! да мнѣ самому жить немного. Видишь, поставленъ я горы ворочать; какъ справлюсь съ этими послѣдними — тутъ и смерть моя!» Залился Иванъ-царевичъ горькими слезами и поѣхалъ еще дальше. Долго-долго ѣхалъ; пріѣзжаетъ, наконецъ, къ Солнцевой сестрицѣ. Она его приняла къ себѣ, кормила-поила, какъ за роднымъ сыномъ ходила. Хорошо было житъ царевичу; а все нѣтъ-нѣтъ, да и сгрустнется: захочется узнать, что въ родномъ дому дѣлается? Взойдетъ бывало на высокую гору, посмотритъ на свой дворецъ и видитъ, что все съѣдено, только стѣны осталися! Вздохнетъ и заплачетъ. Разъ этакъ посмотрѣлъ да поплакалъ — воротился, а Солнцева сестра спрашиваетъ: «отчего ты, Иванъ-царевичъ, нынче заплаканный?» Онъ говоритъ: «вѣтромъ въ глаза надуло». Въ другой разъ опять тоже; Солнцева сестра взяла да и запретила вѣтру дуть. И въ третій разъ воротился Иванъ-царевичъ заплаканный; да ужъ дѣлать нечего — пришлось во всемъ признаваться, и сталъ онъ просить Солнцеву сестрицу, чтобъ отпустила его, добра мододца, на родину понавѣдаться. Она его не пускаетъ, а онъ ее упрашиваетъ; наконецъ упросилъ-таки, отпустила его на родину понавѣдаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два моложавыхъ яблочка: какой бы ни былъ старъ человѣкъ, а съѣстъ яблочко — вмигъ помолодѣетъ! Пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Вертогору, всего одна гора осталась; онъ взялъ свою щетку,

и бросилъ во чисто поле: откуда ни взялись вдругъ— выросли изъ земли высокія-высокія горы, верхушками въ небо упираются; и сколько ихъ тутъ— видимо-невидимо! Вертогоръ обрадовался и весело принялся за работу. Долго ли, коротко ли—пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Вертодубу, всего три дуба осталося; онъ взялъ гребенку и кинулъ во чисто поле: откуда что—вдругъ зашумѣли, поднялись изъ земли густые дубовые лѣса! дерево дерева толще! Вертодубъ обрадовался, благодарствовалъ царевичу и пошелъ столѣтніе дубы выворачивать. Долго ли, коротко ли—пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ старухамъ, далъ имъ по яблочку; онѣ скушали тѣ яблочки—и вдругъ помолодѣли, словно никогда и старухами не бывали! На радостяхъ подарили онѣ царевичу такой платочекъ: какъ махнешь платочкомъ—станетъ позади цѣлое озеро! Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой: сестра выбѣжала, встрѣтила его, приголубила: «сядь, говоритъ, братецъ! поиграй на гусляхъ, а я пойду—обѣдъ приготовлю». Царевичъ сѣлъ и брянчитъ на гусляхъ; выползъ изъ норы мышенокъ и говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: «спасайся, царевичъ, бѣги скорѣе! твоя сестра зубы точитъ». Иванъ-царевичъ вышелъ изъ горницы, сѣлъ на коня и поскакалъ назадъ, а мышенокъ по струнамъ бѣгаетъ; гусли брянчатъ, а сестра и не вѣдаетъ, что братецъ ушелъ. Наточила зубы, бросилась въ горницу, глядь—нѣтъ ни души, только мышенокъ въ нору скользнулъ. Разозлилась вѣдьма, такъ и скрипитъ зубами! и пустилась

въ погоню. Иванъ-царевичъ услыхалъ шумъ, оглянулся — вотъ-вотъ нагонитъ сестра, махнулъ платочкомъ — и стало глубокое озеро. Пока вѣдьма переплыла озеро, Иванъ-царевичъ далеко уѣхалъ. Понеслась она еще быстрѣе... Вотъ ужъ близко! Вертодубъ угадалъ, что царевичъ отъ сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу; цѣлую гору накидалъ! нѣтъ вѣдьмѣ проходу! Стала она путь прочищать, грызла-грызла, насилу продралась, а Иванъ-царевичъ ужъ далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала; еще немножко... и уйти нельзя! Вертогоръ увидалъ вѣдьму, ухватился за самую высокую гору и повернулъ ее какъ разъ на дорогу, а на ту гору поставилъ другую. Пока вѣдьма карабкалась да лѣзла, Иванъ-царевичъ ѣхалъ да ѣхалъ и далеко очутился. Перебралась вѣдьма черезъ горы и опять погналася за братомъ... Завидѣла его и кричитъ: «ну, теперь не уйдешь отъ меня!» Вотъ близко, вотъ нагонитъ! Въ то самое время подскакалъ Иванъ-царевичъ къ теремамъ Солнцевой сестрицы и закричалъ: «Солнце, Солнце! отвори оконце». Солнцева сестрица отворила окно, и царевичъ вскочилъ въ него вмѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма стала требовать, чтобъ ей выдали брата головою: «пусть Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы, кто кого перевѣситъ! если я его перевѣшу — такъ я его съѣмъ, а если онъ перевѣситъ—пусть меня убьютъ!» Пошли; сперва сѣлъ на вѣсы Иванъ-царевичъ, а потомъ и вѣдьма полѣзла: только ступила ногой, такъ Ивана-царевича вверхъ и подбросило, да съ

такою силою, что онъ прямо попалъ на небо къ Солнцевой сестрѣ въ терема; а вѣдьма-змѣя на землѣ осталась.

50. Дочь и падчерица.

Жилъ старикъ со старухою, и была у него дочь. Вотъ старуха-то померла, а старикъ обождалъ немного и женился на вдовѣ, у которой была своя дочка. Плохое житье настало стариковой дочери. Мачеха была ненавистная; отдыху не даетъ старику: «вези свою дочь въ лѣсъ въ землянку, тамъ она больше напрядетъ». Что дѣлать! послушалъ мужикъ бабу—свезъ дочку въ землянку, далъ ей кремень, огниво да мѣшочекъ крупъ и говоритъ: «вотъ тебѣ огоньку; огонекъ не переводи, кашу вари, а сама не зѣвай—сиди да пряди». Пришла ночь. Красная дѣвица затопила печь, заварила кашу; откуда ни возьмись мышка— и говоритъ: «дѣвица, дѣвица! дай мнѣ ложечку кашки».—Охъ, моя мышенька! разговори мою скуку; я тебѣ дамъ не одну ложку, а досыта накормлю. Наѣлась мышка и ушла. Ночью вломился медвѣдь: «ну-ка, дѣвица! туши огни, давай въ жмурки играть». Мышка вскарабкаласъ на плечо стариковой дочери, шепчетъ ей на ушко: «не бойся, дѣвица! скажи: давай! потуши огонь да подъ печь полѣзай, а я за тебя стану бѣгать и въ колокольчикъ звенѣть». Такъ сдѣлалось. Гоняется медвѣдь за мышкою — не поймаетъ; сталъ ревѣть да полѣньями

бросать; бросалъ-бросалъ, ни разу не попалъ, усталъ и молвилъ: «мастерица ты, дѣвица, въ жмурки играть! за то пришлю тебѣ утромъ стадо коней да возъ серебра». На утро говоритъ баба: «поѣзжай, старикъ, провѣдай-ка дочь—что напряла она въ ночь?» Уѣхалъ старикъ, а баба сидитъ да ждетъ: какъ-то онъ дочернія косточки привезетъ. Пришло время старику ворочаться, а собака: тяфъ-тяфъ-тяфъ! съ старикомъ дочка ѣдетъ, стадо коней гонитъ, возъ серебра везетъ».—Врешь, мерзкая со-

баченка! это въ кузовѣ косточки гремятъ! Вотъ ворота заскрипѣли, кони на дворъ вбѣжали, а дочка съ отцомъ на возу сидятъ: полонъ возъ серебра. У бабы отъ жадности глаза разгорѣлись. «Экая важность! кричитъ; повези-ка мою дочку въ лѣсъ: моя дочка два стада коней пригонитъ, два воза серебра притащитъ» Повезъ мужикъ и бабину дочь въ землянку; далъ ей кремень, огниво, мѣшочекъ крупъ и оставилъ одну. Объ-вечеру заварила она кашу. Прибѣжала мышка и проситъ: «Наташка, Наташка!

сладка-ль твоя кашка? дай хоть ложечку!»—Ишь гадина какая! закричала Наташа и швырнула въ нее ложкой. Мышка убѣжала; а Наташка знай себѣ уписываетъ одна кашу, съѣла полный горшокъ, огни позадула, прилегла въ углу и заснула. Пришла полночь—вломился медвѣдь и говоритъ: «ей, гдѣ ты, дѣвица? Давай въ жмурки играть». Дѣвица испугалась—молчитъ, только со страху зубами стучитъ. «А, ты вотъ гдѣ! на колокольчикъ, бѣгай, а я буду ловить». Взяла колокольчикъ—рука дрожитъ, колокольчикъ безперечь звенитъ, а мышка приговариваетъ: «злой дѣвицѣ живой не быть!» Медвѣдь бросился ловить бабину дочку и, какъ только изловилъ ее, сейчасъ задушилъ и съѣлъ. На утро шлетъ баба старика въ лѣсъ: «ступай! моя дочь два воза привезетъ, два табуна пригонитъ». Мужикъ уѣхалъ, а баба за воротами ждетъ. Вотъ прибѣжала собачка: «тяфъ-тяфъ-тяфъ! не бывать домой бабиной дочери; старикъ на пустомъ возу сидитъ, костьми въ кузовѣ гремитъ!» Врешь ты, мерзкая собаченка! то моя дочка ѣдетъ—стада гонитъ, возы везетъ. На, скушай блинъ, да говори: бабину дочь въ златѣ, въ серебрѣ привезутъ, а стариковой женихи не возьмутъ! Собачка съѣла блинъ и залаяла: «тяфъ-тяфъ-тяфъ! старикову дочь замужъ отдадутъ, а бабиной въ кузовѣ косточки привезутъ». Что ни дѣлала баба съ собачкою: и блины ей давала, и била ее—она знай свое твердитъ... Глянь—а старикъ у воротъ, женѣ кузовъ подаетъ; баба кузовъ открыла, глянула на косточки и завыла, да такъ розозлилась, что съ горя

и злости на другой же день померла. Старикъ выдалъ свою дочь замужъ за хорошаго жениха, и стали они жить-поживать да добра наживать.

51. Буренушка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею и была у нихъ дочь Марья-царевна. А какъ умерла царица, то царь взялъ другую жену Ягишну. У Ягишны родилось три дочери: старшая объ одномъ глазѣ, середняя—двоеглазая, а младшая—троеглазая. Мачеха не взлюбила Марьи-царевны, одѣла ее въ старое затрапезное платье, дала ей сухую краюшку хлѣба и послала пасти коровушку-буренушку. Царевна пригнала буренушку въ чистое поле; въ одно ушко къ ней влѣзла, въ другое вылѣзла,— напилась-наѣлась, хорошо нарядилась; за коровушкой-буренушкой цѣлый день ходитъ, какъ барыня. День на исходѣ, она нарядное платье—съ плечъ, затрапезное—на себя, пришла домой и краюшку хлѣба назадъ принесла, на столъ положила. «Чѣмъ она сыта?» думаетъ Ягишна; на другой день дала Марьѣ-царевнѣ ту же самую краюшку и посылаетъ съ нею свою старшую дочь Одноглазку: «посмотри, чѣмъ сыта Марья-царевна: что она ѣстъ и что она пьетъ?» Пришли въ чистое поле; говоритъ Марья-царевна: «давай, сестрица, я поищу у тебя въ головкѣ». Стала искать, а сама приговариваетъ: «не гляди

глазокъ, закройся глазокъ! спи-спи, сестрица, спи-спи, родимая!» Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла къ коровушкѣ-буренушкѣ, въ одно ушко влѣзла, въ другое вылѣзла, напилась-наѣлась, хорошо нарядилась и ходитъ весь день, какъ барыня. Насталъ вечеръ; Марья-царевна нарядное платье—съ плечъ, затрапезное—на себя, будитъ Одноглазку и говоритъ: «вставай, сестрица! вставай, родимая! ужъ домой пора».—Охти мнѣ! взговревалась сестрица, я весь день проспала, ничего не видѣла; теперь мать забранитъ меня! Пришли домой; спрашиваетъ ее мать: «что пила, что ѣла Марья-царевна?»—Я ничего не видѣла. Ягишна заругалась на нее; поутру встаетъ, посылаетъ Двуглазку: «ступай, посмотри за Марьей-царевною: что она ѣстъ и что она пьетъ?» Пришли дѣвицы въ чистое поле; говоритъ Марья-царевна: «дай, сестрица, я поищу у тебя въ головкѣ». Двуглазка легла къ ней на колѣни, а царевна стала искать, стала приговаривать: «закройся глазокъ, закройся другой! спи-спи, сестрица! спи-спи, родимая!» Сестрица закрыла глаза и проспала до самаго вечера; такъ ничего и не видѣла. На третій день посылаетъ Ягишна младшую дочь Троеглазку: поди-ка, говоритъ, погляди, что Марья-царевна ѣстъ и пьетъ?» Пришли дѣвицы въ чистое поле буренушку пасти; говоритъ Марья-царевна: «сестрица! дай я у тебя въ головкѣ поищу».—Поищи, сестрица! Марья-царевна стала искать, стала приговаривать: «закройся глазокъ, закройся другой! спи-спи, сестрица! спи

спи, родимая!» А про третій глазокъ и забыла; два глаза спятъ, а третій глядитъ да глядитъ, что дѣлаетъ Марья-царевна. Она подбѣжала къ буренушкѣ, въ одно ушко влѣзла, въ другое вылѣзла, напилась-наѣлась, хорошо нарядилась; стало солнышко садиться, она нарядное платье — съ плечъ, затрапезное — на себя, и ну будить Троеглазку: «вставай, сестрица! вставай, родимая! ужъ домой пора». Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на столъ положила. Стала мать у своей дочери спрашивать: «что ѣстъ и что пьетъ Марья-царевна?» Троеглазка тотчасъ ей все разсказала, что видѣла третьимъ глазомъ. Ягишна позвала повара и приказываетъ: «зарѣжь, старикъ, коровушку-буренушку». Старикъ зарѣзалъ; Марья-царевна проситъ: «дѣдушка! дай мнѣ хоть гузенную кишечку». Бросилъ старикъ ей гузенную кишечку; она взяла, посадила ее къ вереѣ—выросъ ракитовъ кустъ, на немъ красуются сладкія ягодки, на немъ сидятъ разныя пташечки да поютъ пѣсни царскія да крестьянскія. Послышалъ Иванъ-царевичъ про Марью-царевну, пришелъ къ ея мачехѣ, положилъ блюдо на столъ: «которая дѣвица нарветъ мнѣ полное блюдо ягодокъ, ту за себя замужъ возьму». Ягишна послала за ягодами свою старшую дочь: птички ее и близко не подпускаютъ, того и смотри—послѣдній глазъ выклюютъ; послала двухъ младшихъ дочерей—и тѣмъ ни единой ягодки не дали. Выпустила, наконецъ, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягоды брать; она беретъ, а малыя пта-

шечки вдвое да втрое на блюдо кладутъ; пришла, поставила на столъ и царевичу поклонъ отдала. Тутъ веселымъ пиркомъ да за свадебку; взялъ Иванъ-царевичъ за себя Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.

52. Баба-яга.

Жили себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачеха ее не полюбила, била ее и думала, какъ бы совсѣмъ извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то, мачеха и говоритъ дѣвочкѣ: «поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголочку и ниточку—тебѣ рубашку сшить». А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ. «Здравствуй, тетушка!»—Здравствуй, родимая! зачѣмъ пришла? «Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить». Та ее и научаетъ: «тамъ тебя, племяннушка, будетъ березка въ глаза стегать, ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хохотать, ты полей имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ рвать, ты имъ хлѣбца брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть, ты ему ветчинки дай». Пошла дѣвочка; вотъ идетъ, идетъ и пришла.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ баба-яга, костяная нога, и ткетъ. «Здравствуй, тетушка!»—Здравствуй, родимая! «Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить».—Хорошо; садись покуда ткать. Вотъ дѣвочка сѣла за кросны; баба-яга вышла и приказываетъ своей работницѣ: «ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько; я хочу ею позавтракать». Дѣвочка сидитъ ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: «родимая моя! ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи»—и дала ей платочекъ. Баба-яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: «ткешь ли, племяннушка? ткешь ли, милая?»—Тку, тетушка! тку, милая! Баба-яга отошла прочь, а дѣвочка дала коту ветчинки и спрашиваетъ: нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюдова? «Вонъ на столѣ лежатъ полотенце да гребешокъ, говоритъ котъ, возьми ихъ и бѣги-бѣги поскорѣе; будетъ за тобою гнаться баба-яга, ты приклони ухо къ землѣ и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сдѣлается широкая, широкая рѣка; если баба-яга переплыветъ эту рѣку и снова станетъ догонять тебя, ты приклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ — станетъ дремучій, дремучій лѣсъ, сквозь него она уже не продерется!»

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала; собаки хотѣли ее рвать—она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли за-

хлопнуться—она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за кросны и ткетъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «ткешь ли, племяннушка? ткешь ли, милая?»—Тку, тетка! тку милая! отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-яга бросилась въ хатку, видитъ, что дѣвочка ушла, и давай кота бить да ругать: «ахъ ты, старый плутъ! зачѣмъ пропустилъ бѣглянку? ты бы у ней глаза выдралъ, лицо поцарапалъ!—Я тебѣ сколько служу, говоритъ котъ, а ты мнѣ косточки не бросила, а она мнѣ ветчинки дала. Баба-яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу, давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: «мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала». Ворота говорятъ: «мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица не пожалѣла». Березка говоритъ: «я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не пожаловола, а она меня ленточкой перевязала». Работница говоритъ: «я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не дала, а она мнѣ платочекъ подарила».

Баба-яга, костяная нога, поскорѣе сѣла въ ступу, толкачемъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга гонится и ужъ близко: взяла да и бросила поло-

тенце, сдѣлалась рѣка такая широкая, широкая! Баба-яга пріѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, собрала своихъ быковъ и погнала къ рѣкѣ; быки выпили всю рѣку дочиста. Баба-яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга близко; бросила гребешокъ; сдѣлался лѣсъ такой дремучій да частый! Баба-яга стала его грызть, но сколько ни старалась—не могла прогрызть и воротилась назадъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой и спрашиваетъ: «гдѣ же моя дочка?»—Она пошла къ тетушкѣ, говоритъ мачеха. Немного погодя и дѣвочка прибѣжала. «Гдѣ ты была?»—спрашиваетъ отецъ.—Ахъ, батюшка! говоритъ она, такъ и такъ... меня матушка посылала къ теткѣ попроситъ иголочку съ ниточкой—мнѣ рубашку сшить, а тетка—баба-яга, меня съѣсть хотѣла. «Какъ же ты ушла, дочка?—Такъ и такъ, разсказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на жену и прогналъ ее изъ дому, а самъ съ дочкою сталъ жить-поживать да добра наживать. Я у нихъ былъ, медъ-пиво пилъ; по усамъ текло, въ ротъ не попало.

53. Заморышекъ.

Были-жили старикъ да старуха; дѣтей у нихъ не было. Ужъ чего они ни дѣлали, какъ ни молились Богу, а старуха все не рожала. Разъ

пошелъ старикъ въ лѣсъ за грибами; попадается ему дорогою старый дѣдъ. «Я знаю, говоритъ, что у тебя на мысляхъ: ты все о дѣтяхъ думаешь. Поди-ка по деревнѣ, собери съ каждаго двора по яичку и посади на тѣ яйца насѣдку; что будетъ, самъ увидишь!» Старикъ воротился въ деревню; въ ихней деревнѣ былъ сорокъ одинъ дворъ; вотъ онъ обошелъ всѣ дворы, собралъ съ каждаго по яичку и посадилъ насѣдку на сорокъ одно яйцо. Прошло двѣ недѣли, смотритъ старикъ, смотритъ и старуха— а изъ тѣхъ яичекъ народились мальчики: сорокъ крѣпкихъ, здоровенькихъ, а одинъ не удался—хилъ да слабъ! Сталъ старикъ давать мальчикамъ имена: всѣмъ далъ, а послѣднему не достало имени: «Ну, говоритъ, будь же ты Заморышекъ!»

Растутъ у старика со старухою дѣтки, растутъ не по днямъ, а по часамъ; выросли и стали работать, отцу съ матерью помогать: сорокъ молодцовъ въ полѣ возятся, а Заморышекъ дома управляется. Пришло время сѣнокосное; братья траву косили, стога ставили, поработали съ недѣлю и вернулись на деревню; поѣли что Богъ послалъ и легли спать. Старикъ смотритъ и говоритъ: «молодо-зелено: ѣдятъ много, спятъ крѣпко, а дѣла, поди, ничего не сдѣлали!»—А ты прежде посмотри, батюшка, отзывается Заморышекъ. —Старикъ снарядился и поѣхалъ въ луга; глянулъ—сорокъ стоговъ сметано! «ай да молодцы, ребята! сколько за одну недѣлю накосили и въ стога сметали». На другой день старикъ опять собрался въ луга, захотѣлось на свое

добро полюбоваться; пріѣхалъ — а одного стога какъ не бывало! Воротился домой и говоритъ: «ахъ, дѣтки! вѣдь, одинъ стогъ-то пропалъ».—Ничего, батюшка! отвѣчаетъ Заморышекъ, мы этого вора поймаемъ; дай-ка мнѣ сто рублей, а я ужъ дѣло сдѣлаю. Взялъ у отца сто рублей и пошелъ къ кузнецу: «можешь-ли сковать мнѣ такую цѣпь, чтобъ хватило съ ногъ до головы обвить человѣка?»—Отчего не сковать. «Смотри же, дѣлай покрѣпче; коли цѣпь выдержитъ—сто рублей плачу, а коли лопнетъ—пропалъ твой трудъ!» Кузнецъ сковалъ желѣзную цѣпь; Заморышекъ обвилъ ее вокругъ себя, потянулъ—она и лопнула. Кузнецъ вдвое крѣпче сдѣлалъ; ну, эта годилась. Заморышекъ взялъ желѣзную цѣпь, заплатилъ сто рублей и пошелъ сѣно караулить; сѣлъ подъ стогъ и дожидается. Вотъ въ самую полуночь поднялась погода, всколыхалось море—и выходитъ изъ морской глубины чудная кобылица, подбѣжала къ первому стогу и принялась пожирать сѣно. Заморышекъ подскочилъ, обмоталъ ее желѣзною цѣпью и сѣлъ верхомъ. Стала его кобылица мыкать, по доламъ, по горамъ носить; нѣтъ, не въ силахъ сѣдока сбить! Остановилась она и говоритъ ему: «ну, добрый молодецъ! когда съумѣлъ ты усидѣть на мнѣ, то возьми-владѣй моими жеребятами». Подбѣжала кобылица къ синю морю и громко заржала; тутъ сине море всколыхалося, и вышли на берегъ сорокъ одинъ жеребецъ: конь коня лучше! весь свѣтъ изойди, нигдѣ такихъ не найдешь! Утромъ слышитъ ста-

рикъ на дворѣ ржанье, топотъ; что такое? а это его сынокъ Заморышекъ цѣлый табунъ пригналъ. «Здорово, говоритъ, братцы! теперь у всѣхъ у насъ по коню есть, поѣдемте невѣстъ себѣ искать».— Поѣдемъ! Отецъ съ матерью благословили ихъ, и поѣхали братья въ путь-дорогу далекую.

Долго они ѣздили по бѣлу свѣту, да гдѣ столько невѣстъ найти? Порознь жениться не хочется, чтобъ никому обидно не было; а какая мать похвалится, что у ней какъ разъ сорокъ одна дочь народилась? Заѣхали молодцы за тридевять земель; смотрятъ: на крутой горѣ стоятъ бѣлокаменныя палаты, высокой стѣной обведены, у воротъ желѣзные столбы поставлены. Сосчитали—сорокъ одинъ столбъ. Вотъ они привязали къ тѣмъ столбамъ своихъ богатырскихъ коней и идутъ на дворъ. Встрѣчаетъ ихъ баба-яга: «ахъ вы, незванные-непрошенные! какъ смѣли безъ спросу лошадей привязывать?»— Ну, старая! чего кричишь? ты прежде напой-накорми, въ баню своди, да послѣ про вѣсти и спрашивай. Баба-яга накормила ихъ, напоила, въ баню сводила, и стала спрашивать. «что, добрые молодцы! дѣла пытаете, аль отъ дѣла лытаете?»—Дѣла пытаемъ, бабушка! «Чего-жъ вамъ надобно?»—Да невѣстъ ищемъ. У меня есть дочери», говоритъ баба-яга, бросилась въ высокіе терема и вывела сорокъ одну дѣвицу. Тутъ они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечеромъ пошелъ Заморышекъ на своего коня посмотрѣть. Увидалъ его добрый конь и промолвилъ человѣческимъ голосомъ: «смо-

три, хозяинъ! какъ ляжете вы спать съ молодыми женами, нарядите ихъ въ свои платья, а на себя надѣньте женины; не то всѣ пропадемъ!» Заморышекъ сказалъ это братьямъ; нарядили они молодыхъ женъ въ свои платья, а сами одѣлись въ женины и легли спать. Всѣ заснули, только Заморышекъ глазъ не смыкаетъ. Въ самую полночь закричала баба-яга зычнымъ голосомъ: «эй, вы, слуги мои вѣрные! рубите незваннымъ гостямъ буйны головы». Прибѣжали слуги вѣрные и отрубили буйны головы дочерямъ бабы-яги. Заморышекъ разбудилъ своихъ братьевъ и разсказалъ все, что было; взяли они отрубленныя головы, воткнули на желѣзныя спицы кругомъ стѣны, потомъ осѣдлали коней и поѣхали наскоро.

Поутру встала баба-яга, глянула въ окошечко— кругомъ стѣны торчатъ на спицахъ дочернія головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щитъ, поскакала въ погоню и начала палить щитомъ на всѣ четыре стороны. Куда молодцамъ спрятаться? Впереди сине море, позади баба-яга жжетъ и палитъ! Помирать бы всѣмъ, да Заморышекъ догадливъ былъ: не забылъ онъ захватить у бабы-яги платочекъ, махнулъ тѣмъ платочкомъ передъ собою—и вдругъ перекинулся мостъ черезъ все сине море; переѣхали добрые молодцы на другую сторону. Заморышекъ махнулъ платочкомъ во ину сторону—мостъ исчезъ, баба-яга воротилась назадъ, а братья домой поѣхали.

54. Ивашко и вѣдьма.

Жили себѣ дѣдъ да баба: у нихъ былъ одинъ сынокъ Ивашечко; они его такъ-то крѣпко любили, что и сказать нельзя! Вотъ просится Ивашечко у отца и матери: «пустите меня на озеро, я поѣду рыбку ловить».—Куда тебѣ! ты еще малъ, чего добраго, утонешь! «Нѣтъ, не утону, я буду вамъ рыбку ловить, пустите!» Баба надѣла на него бѣлую рубашечку, краснымъ пояскомъ подпоясала и отпустила на озеро. Вотъ онъ сѣлъ въ лодку и говоритъ:

Челнокъ, челнокъ, плыви дальшенько!
Челнокъ, челнокъ, плыви дальшенько!

Челнокъ поплылъ далеко-далеко, а Ивашко закинулъ сѣть и сталъ ловить рыбу. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба на берегъ и зоветъ своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережечекъ!
Я тебѣ ѣсть и пить принесла!

А Ивашко говоритъ:

Челнокъ, челнокъ, плыви къ бережку;
То меня матушка зоветъ!

Челнокъ приплылъ къ бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, перемѣнила ему рубашечку и поясокъ и отпустила опять на озеро. Вотъ онъ сѣлъ въ лодочку и говоритъ:

Челнокъ, челнокъ, плыви дальшенько!
Челнокъ, челнокъ, плыви дальшенько!

Челнокъ поплылъ далеко-далеко, а Ивашко закинулъ сѣть и сталъ ловить рыбу. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дѣдъ на берегъ и зоветъ сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережечекъ!
Я тебѣ ѣсть и пить принесъ.

А Ивашко:

Челнокъ, челнокъ, плыви къ бережку:
То меня батюшка зоветъ.

Челнокъ приплылъ къ бережку; дѣдъ забралъ рыбу, накормилъ-напоилъ сынка, перемѣнилъ ему рубашечку и поясокъ и отпустилъ опять на озеро.

Вѣдьма подслушала, какъ дѣдъ и баба призывали Ивашку, и задумала захватить мальчика. Вотъ приходитъ она на берегъ и кричитъ хриплымъ голосомъ:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережечекъ!
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

Ивашко слышитъ, что это голосъ не его матери, а голосъ вѣдьмы, и говоритъ:

Челнокъ, челнокъ, плыви дальшенько,
То меня вѣдьма зоветъ!

Вѣдьма смекнула, что надобно звать Ивашку тѣмъ же голосомъ, какимъ зоветъ его родная мать; побѣжала къ кузнецу и проситъ его: «кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ такой тоненькій голосокъ, какъ у Ивашкиной матери, не то съѣмъ тебя!» Кузнецъ

сковалъ ей такой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери. Вотъ вѣдьма пришла ночью на берегъ и стала напѣвать:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережечекъ!
Я тебѣ ѣсть и пить принесла!

Ивашка приплылъ, она рыбу забрала, его самого схватила и унесла къ себѣ. Пришла домой и заставляетъ свою дочь Аленку: «истопи печь пожарче, да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей, моихъ пріятелей». Аленка истопила печь жарко-жарко и говоритъ Ивашкѣ: «ступай, садись на лопату!» — Я еще малъ и глупъ, отвѣчаетъ Ивашко, ничего не умѣю, ничего не разумѣю; поучи меня, какъ на лопату садиться. «Хорошо, говоритъ Аленка, поучить недолго!» — и только усѣлась на лопату, Ивашко подхватилъ ее да прямо въ печь и закрылъ желѣзною заслонкой, а самъ вышелъ изъ хаты, заперъ двери и влѣзъ на высокій, высокій дубъ.

Вѣдьма приходитъ съ гостями и стучится въ хату: никто не отворяетъ дверей. «Ахъ, проклятая Аленка! вѣрно ушла куда-нибудь играть». Влѣзла вѣдьма въ окно, отворила двери и впустила гостей; всѣ усѣлись за столъ, а вѣдьма открыла заслонку, достала жареную Аленку — и на столъ; ѣли-ѣли, пили-пили, а потомъ вышли на дворъ и стали валяться по травѣ. «Покачуся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвшись! кричитъ вѣдьма; покачуся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвшись!» а Ивашко пе-

реговариваетъ ее съ верху дуба: «покатися, повалися, Аленкина мясца наѣвшись!»—Мнѣ что-то послышалось, говоритъ вѣдьма.—Это листья шумятъ! Опять вѣдьма говоритъ: «покачуся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвшись!» а Ивашко свое: «покатися, повалися, Аленкина мясца наѣвшись!» Вѣдьма глянула вверхъ, и увидѣла Ивашку и бросилась грызть дубъ; грызла, грызла, два переднихъ зуба выломала и побѣжала въ кузницу. Прибѣжала и говоритъ: «кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не то съѣмъ тебя!» Кузнецъ сковалъ ей два желѣзные зуба.

Воротилась вѣдьма, принялась грызть дубъ; грызла, грызла и только что перегрызла, какъ Ивашко въ ту же минуту взялъ да и перескочилъ на другой сосѣдній дубъ, а тотъ, что вѣдьма перегрызла, рухнулъ наземь. Увидѣла вѣдьма, что Ивашко сидитъ на другомъ дубѣ, заскрипѣла отъ злости зубами и начала снова грызть дерево; грызла, грызла,—два нижнихъ зуба выломала и побѣжала въ кузницу. Прибѣжала и говоритъ: «кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не то съѣмъ тебя!» Кузнецъ сковалъ ей еще два желѣзныхъ зуба. Воротилась вѣдьма и опять за ту же работу.

Ивашко не знаетъ, что ему дѣлать, смотритъ, летятъ гуси-лебеди; онъ и проситъ ихъ:

Гуси мои лебедята!
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня къ отцу, къ матери;
У батюшки, у матушки
Пити, ѣсти, хорошо ходити!

— Пускай тебя середніе возьмутъ! отвѣчаютъ птицы. Ивашко ждетъ; летитъ другое стадо, онъ опять проситъ:

Гуси мои лебедята!
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня къ отцу, къ матери;
У батюшки, у матушки
Пити, ѣсти, хорошо ходити!

— Пускай тебя задніе возьмутъ! Ивашко опять ждетъ, летитъ третье стадо, онъ проситъ:

Гуси мои лебедята!
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня къ отцу, къ матери;
У батюшки, у матушки
Пити, ѣсти, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетѣли къ хатѣ и посадили Ивашку на чердакъ.

Рано по утру баба собралась печь блины; печетъ, а сама вспоминаетъ сынка: «гдѣ-то мой Ивашечко? хоть бы во снѣ его увидать!» А дѣдъ говоритъ: «мнѣ снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своихъ крыльяхъ». Напекла баба блиновъ и говоритъ дѣду: «давай блины дѣлить; это — тебѣ, дѣдъ, это — мнѣ; это тебѣ, дѣдъ, это — мнѣ»...—А мнѣ-то что-жъ? отзывается Ивашко. «Это—тебѣ, дѣдъ, это — мнѣ»... — А мнѣ-то что-жъ? «А ну, старикъ! говоритъ баба, посмотри, что тамъ такое?» Дѣдъ полѣзъ на чердакъ и досталъ оттуда Ивашку. Дѣдъ и баба обрадовались, разспросили сынка обо всемъ, обо всемъ и стали вмѣстѣ жить поживать, да добра наживать.

55. Князь Данило-Говорило.

Жила-была княгиня; у нея росли сынъ да дочь такіе дородные, такіе хорошіе! Разъ какъ-то посѣтила княгиню старая вѣдьма, стала расхваливать ея дѣтокъ, то да се—и говоритъ: «кумушка, голубушка! вотъ тебѣ перстенекъ, надѣнь его на палецъ твоему сынку; съ нимъ будетъ онъ и богатъ, и торовать, только-бъ не потерялъ, да женился на той дѣвицѣ, которой мое колечко будетъ въ пору!» Княгиня повѣрила, обрадовалась и, умирая, завѣщала сыну взять за себя дѣвицу, которой то колечко по рукѣ придется.

Время идетъ, а сынокъ растетъ. Выросъ и сталъ искать невѣсту; понравится одна, приглянется другая, а колечко помѣряютъ—или мало, или велико; ни той, ни другой не годится. Ѣздилъ, ѣздилъ и по селамъ, и по городамъ, всѣхъ красныхъ дѣвушекъ перебралъ, а суженой себѣ не сыскалъ; пріѣхалъ домой и задумался. «О чемъ ты, братецъ, кручинишься?» спрашиваетъ его сестра. Открылъ онъ ей свое бездолье, разсказалъ свое горе. «Что-жъ это за мудреный перстенекъ? говоритъ сестра, дай я помѣряю». Вздѣла на пальчикъ—колечко обвилось, засіяло, пришлось по рукѣ, точно для нея было вылито. «Ахъ, сестра, ты моя суженая, ты моя ряженая! женюсь на тебѣ!»—Что ты, братецъ! вспомни Бога, женятся-ль на родныхъ сестрахъ?

Но братъ не слушалъ, подпрыгивалъ отъ радости и велѣлъ собираться къ вѣнцу. Залилась она горькими слезами, вышла изъ свѣтлицы, сѣла на порогѣ и рѣка-рѣкой льется! Идутъ мимо старушки прохожія; зазвала ихъ накормить, напоить. Спрашиваютъ онѣ, что ей за печаль, что за горе. Нечего было таить, разсказала свое горе. «Ну, не плачь, не тужи! говорятъ старушки; ступай въ свою горенку, сдѣлай четыре куколки и разсади по четыремъ угламъ; станетъ братъ подъ вѣнецъ кликать—отвѣчай: сейчасъ буду, а сама ни съ мѣста». Вотъ старушки ушли, а братъ нарядился женихомъ и зоветъ сестру подъ вѣнецъ. Она отвѣчаетъ: «сейчасъ, братецъ! дай башмачекъ приладить». А куколки въ четырехъ углахъ перезываются:

Куку, князь Данило!
Куку, Говорило!
Братъ сестру свою
За себя беретъ.
Разступись земля,
Провались сестра!

Земля стала разступаться, сестра проваливаться. Братъ снова кличетъ: «сестра, пойдемъ подъ вѣнецъ!»—Сейчасъ, братецъ, только поясокъ завяжу. Куколки кукуютъ:

Куку, князь Данило!
Куку, Говорило!
Братъ сестру свою
За себя беретъ.
Разступись земля,
Провались сестра!

Уже остается одна голова видна. Братъ въ третій разъ кличетъ: «сестра, пойдемъ подъ вѣнецъ!»— Сейчасъ, братецъ! вотъ только сережки надѣну. Куколки кукуютъ, и княжна скрывается подъ землею.

Братъ зоветъ еще, зоветъ громче—нѣту! разсердился, прибѣжалъ, хлопнулъ въ двери—двери слетѣли, глянулъ на всѣ стороны—сестры какъ не бывало: а по угламъ сидятъ куколки да причитываютъ: «разступись земля, провались сестра!»— Схватилъ онъ топоръ, порубилъ имъ головы и побросалъ въ печь.

А сестра очутилась въ подземномъ царствѣ; шла-шла, и вотъ передъ нею избушка на курьихъ ножкахъ—стоитъ, не стоитъ, все повертывается. «Избушка, избушка! стань ты къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ».Избушка остановилась, двери отворились. Въ избушкѣ сидитъ красная дѣвица, славная мастерица, и вышиваетъ ширинку серебромъ да золотомъ. Встрѣтила гостью ласково, вздохнула и говоритъ: «душечка-сестрица! зачѣмъ ты сюда зашла? я живу здѣсь у бабы-яги, костяной ноги; теперь ее дома нѣтъ, а прилетитъ—бѣда тебѣ!» Испугалась гостья такихъ рѣчей, а дѣваться некуда; сѣли вдвоемъ за ширинку, шьютъ да разговариваютъ. Долго ли, коротко ли — послышалось имъ, что баба-яга домой летитъ; красная дѣвица, славная мастерица, оборотила княжну иголочкой, заложила въ вѣничекъ и поставила въ уголокъ. Только успѣла это сдѣлать, вѣдьма шасть въ двери: «фу-фу-фу! никакъ русскимъ духомъ пахнетъ?»—

Что за диво! отвѣчаетъ мастерица, шли мимо прохожіе, заходили воды напиться.—«Что-жъ ты ихъ не оставила?»—Стары, бабушка, не по твоимъ зубамъ. «Впередъ, смотри: на дворъ всѣхъ зазывай, со двора никого не пускай!» сказала яга и, поднявши лытки, пустилась на раздобытки. Ушла; дѣвушки сѣли за ширинку, шили, говорили и посмѣивались. Прилетѣла вѣдьма; нюхъ, нюхъ по избѣ: «кажись, говоритъ, русскимъ духомъ пахнетъ!»—Вотъ только заходили старички руки погрѣть; оставляла ихъ, упрашивала—не остались. Вѣдьма была голодна, посердилась-поворчала и опять улетѣла; гостья отсидѣлась въ вѣничкѣ. Принялись дѣвушки дошивать ширинку; шьютъ и сговариваются: какъ бы уйти отъ бѣды, убѣжать отъ лихой вѣдьмы? Не успѣли переглянуться, перешепнуться, а она къ нимъ въ двери, легка на поминѣ, запопала въ расплохъ: «фу-фу-фу! никакъ русскимъ духомъ пахнетъ?—А вотъ, бабушка, княжна тебя дожидаетъ. Княжна глянула на старуху и обмерла! Передъ ней стояла баба-яга, костяная нога, носъ въ потолокъ вросъ. «Ну, что-жъ, ручки сложили?» закричала на дѣвушекъ баба-яга и велѣла дрова носить, да печь топить. Наносили дровъ и дубовыхъ и кленовыхъ, затопили печь жарко-жарко—пламя такъ и бьетъ! Вѣдьма взяла лопату широкую, стала княжнѣ приказывать: «садись, красавица, садись на лопату!» Княжна сѣла. Вѣдьма двинула ее въ устье, а она одну ногу кладетъ въ печь, а другую на печь. Что ты, дѣвушка, не умѣешь сидѣть;

сядь хорошенько!» Поправилась, сѣла хорошенько; вѣдьма ее въ устье, а она одну ногу въ печь, а другую подъ печь. Озлилась вѣдьма, выхватила ее назадъ: «шалишь, шалишь, красавица! сиди смирно, вотъ такъ; гляди на меня!» Шлепъ сама на лопату, вытянула ножки, а дѣвицы поскорѣе ее въ печь; посадили, заслонками закрыли, колодами завалили, замазали и засмолили, а сами пустились бѣжать и взяли съ собою шитую ширинку, щетку и гребенку. Бѣжали-бѣжали, глядь назадъ, а злодѣйка выдралась, увидала ихъ и посвистываетъ: «гай, гай, гай! теперь не уйдете!» Какъ быть? бросили щетку — выросъ тростникъ густой-густой: ужу не проползти! Вѣдьма распустила когти, прощипала дорожку и пустилась за бѣглянками... Куда дѣваться? бросили гребенку — выросла дубрава темная-темная: муха не пролетитъ! Вѣдьма наострила зубы, стала работать: что ни хватитъ, то дерево съ корнемъ вонъ! пошвыриваетъ на всѣ стороны, расчистила дорожку и нагоняетъ опять... вотъ близко! Бѣжали-бѣжали, изъ силъ выбились! Бросили ширинку златошвейную — разлилось море широкое, глубокое, огненное, поднялась вѣдьма высоко, хотѣла перелетѣть, пала въ огонь и сгорѣла.

Остались двѣ дѣвицы, безпріютныя голубицы; надо итти, а куда? — не знаютъ. Сѣли въ саду отдохнуть. Увидалъ ихъ княжескій слуга и доложилъ своему господину, что въ его саду сидятъ не двѣ пташки залетныя, а двѣ красавицы неописанныя — одна въ одну ростомъ и дородствомъ, бровь въ бровь,

глазъ въ глазъ; «одна изъ нихъ должна-быть ваша сестрица, а которая? угадать нельзя». Князь Данило зазвалъ ихъ въ гости. Видитъ — сестра его здѣсь, но которая? ему не узнать, а сама она не скажется; что дѣлать? «А вотъ что! говоритъ слуга, возьмите-ка бараній пузырь, налейте кровью да привяжите себѣ подъ мышку, а я притворюсь лиходѣемъ и хвачу въ пузырь ножемъ: кровь польется, сестра объявится!» Хорошо! Вздумали — сдѣлали: слуга ударилъ ножемъ, кровь брызнула, братъ упалъ, сестра кинулась помогать ему—и плачетъ, и причитываетъ: «милый мой, ненаглядный мой!» А братъ вскочилъ, обнялъ сестру и въ тотъ же день отдалъ ее за хорошаго человѣка замужъ, а самъ женился на ея подругѣ, которой и перстенекъ пришелся по ручкѣ, и зажили всѣ припѣваючи.

56. Правда и кривда.

Однажды разговорились промежъ себя двое бѣдныхъ мужиковъ: одинъ изъ нихъ гораздъ былъ на обманы, перебивался всякими неправдами, и привернутъ—его было дѣло, а другой шелъ по правдѣ и всячески старался, чтобы вѣкъ свой прожить честнымъ трудомъ. Бесѣдуя другъ съ другомъ, они заспорили; первый утверждалъ, что лучше жить кривдою, а послѣдній возражалъ: «кривдою вѣкъ не проживешь, лучше жить въ бѣд-

ности, да правдою!» —Вотъ они спорили, спорили— уступить никому не хочется и рѣшились выйти на большую дорогу и спрашивать встрѣчныхъ, какъ люди посудятъ. Выбрались на дорогу, шли-шли и увидали — барскій мужичекъ землю пашетъ, подошли къ нему и говорятъ: «Богъ на помочь, добрый человѣкъ! разрѣши-ка нашъ споръ: какъ лучше жить на бѣломъ свѣтѣ—правдою али кривдою?» —Нѣтъ, братцы! правдою вѣкъ не проживешь; кривдою жить вольготнѣе. Правда-то въ лаптяхъ ходитъ, а кривда въ сапогахъ! Вотъ хоть наше дѣло: безперечь у насъ господа дни отымаютъ, работать на себя некогда, изъ-за неволи прикинешься, будто хворь напала, а самъ этимъ временемъ въ лѣсъ по дровицы съѣздишь—не днемъ, а только ночью, коли есть запретъ. «Ну, слышишь, говоритъ криводушный правдивому, мои-то слова вѣрнѣе!» Пустились дальше по дорогѣ. Шли-шли, навстрѣчу имъ ѣдетъ въ кибиткѣ купецъ. «Остановись на минутку! хотимъ спроситъ тебя, не во гнѣвъ твоей милости. Разрѣши нашъ споръ: какъ лучше на свѣтѣ жить—правдою али кривдою?» — Эхъ, ребята! правдою мудрено жить, лучше — кривдою: насъ обманываютъ, и мы обманываемъ! «Слышь, опять вышло по-моему!» говоритъ криводушный правдивому. Вздумали они еще попытать, что скажетъ имъ третій. Шли-шли, ѣдетъ навстрѣчу баринъ. Остановись на минутку! разрѣши нашъ споръ: какъ лучше на свѣтѣ жить— правдою али кривдою?»—Нашли о чемъ спрашивать! знамое дѣло, кривдою. Какая нынче правда?

за правду въ Сибирь угодишь, скажутъ кляузникъ. «Ну, слышишь, говоритъ криводушный правдивому: всѣ одно говорятъ, что кривдою жить лучше».— Нѣтъ, отвѣчаетъ правдивый, надо жить по-Божьему; что будетъ—то и будетъ, а кривдою жить не стану!

Послѣ того оба мужика отправились искать себѣ работы; долгое время шли они вмѣстѣ. Криводушный ко всѣмъ умѣетъ прилаживаться; его вездѣ и кормятъ, и поятъ даромъ, и калачами про запасъ надѣляютъ, а правдивый гдѣ водицы изопьетъ, а гдѣ поработаетъ изъ-за куска хлѣба — и тѣмъ доволенъ! Криводушный знай надъ нимъ посмѣивается. Вотъ какъ-то правдивый мужикъ оголодалъ дорогою и сталъ просить у своего товарища: «дай мнѣ кусочекъ хлѣбца».—А что за него дашь? спрашиваетъ криводушный. «Возьми, что самъ знаешь»!— Давай я тебѣ глазъ выколю. «Ну, выколи!» Криводушный выкололъ ему глазъ и далъ за то небольшой кусочекъ хлѣба. Пошли они дальше; шли-шли, правдивый опять проголодался и сталъ просить у криводушнаго хлѣба, а тотъ и говоритъ: «давай я тебѣ другой глазъ выколю!»—Ахъ, братецъ, пожалѣй; я слѣпой буду! «Ну, что-жъ! за то ты правдивый, а я живу кривдою!» Что дѣлать? съ голодомъ не сладишь: «на, говоритъ правдивый, выколи и другой глазъ, коли грѣха не боишься!» криводушный выкололъ у него послѣднiй глазъ, далъ ему кусочекъ хлѣба и затѣмъ покинулъ слѣпого посреди дороги: «вотъ, стану я тебя водить!»

Слѣпой съѣлъ хлѣбъ и пошелъ ощупью: «авось, думаетъ, доберусь до деревни». Шелъ-шелъ, сбился съ дороги и не знаетъ, куда ему итти. Началъ онъ Богу молиться: «Господи, не оставь меня грѣшнаго!» Молился, молился и услышалъ невѣдомый голосъ: ступай направо—придешь въ лѣсъ къ гремячему ключу, умойся изъ того ключа водою — и Богъ даруетъ тебѣ зрѣніе. Тамъ ты увидишь огромный дубъ, влѣзь на него и дожидайся ночи». Слѣпой повернулъ направо, добрёлъ кое-какъ до лѣса, напалъ на тропинку и тою тропинкою дошелъ до гремячаго ключа; почерпнулъ ключевой воды и только омочилъ ею глазныя впадины, какъ въ ту же минуту прозрѣлъ. Осмотрѣвшись вокругъ, онъ увидѣлъ огромный дубъ, подъ которымъ вся трава была выбита и земля утоптана; влѣзъ на его верхушку и сталъ дожидаться ночи. Когда наступила темная ночь, слетѣлись со всѣхъ сторонъ подъ это дерево нечистые духи и начали похваляться, гдѣ кто былъ и какое зло сдѣлалъ. Одинъ бѣсъ говоритъ: «я былъ у прекрасной царевны. Уже десять годовъ, какъ ее мучаю; всячески меня изъ дворца прогоняютъ, да не могутъ осилить; а выгонитъ меня тотъ, кто у такого-то богатаго купца достанетъ икону Божьей Матери». Вотъ на утро, когда всѣ бѣсы разлетѣлись, правдивый слѣзъ съ дуба и пошелъ искать богатаго купца. Долго ли, коротко ли—нашелъ его и нанимается къ нему въ работники: «цѣлый годъ, говоритъ, на тебя проработаю — ничего мнѣ не надобно, только отдай

мнѣ икону Божьей Матери». Купецъ согласился: правдивый мужикъ работалъ на него изо всѣхъ силъ, ни дня, ни ночи не зналъ покоя—такой былъ старательный! а когда годъ окончился, сталъ просить разчета. «Ну, братецъ! говоритъ купецъ, я твоей работой доволенъ, только мнѣ жаль отдавать образъ; возьми лучше деньгами».—Нѣтъ, мнѣ денегъ твоихъ не надобно, а давай что слѣдуетъ по уговору. «Какъ бы не такъ! проработай на меня другой годъ, тогда и отдамъ тебѣ образъ». Нечего дѣлать, остался мужикъ у купца и работалъ на него еще круглый годъ. Пришло время къ разсчету, купцу опять жалко отдавать образъ: «я, говоритъ, лучше тебя казною награжу; а коли непремѣнно хочешь получить образъ — оставайся у меня въ работникахъ еще на одинъ годъ». Съ богатымъ да съ сильнымъ трудно спорить; пришлось мужику поневолѣ согласиться: остался онъ у купца въ работникахъ еще на годъ и работалъ на него пуще прежняго. Вотъ, по исходѣ третьяго года, купецъ снялъ со стѣны образъ и отдалъ мужику: «на, добрый человѣкъ, возьми за свой трудъ и ступай съ Богомъ!»

Мужикъ взялъ образъ Божьей Матери, распрощался съ купцомъ и отправился въ то самое царство, гдѣ нечистый духъ мучилъ прекрасную царевну. Шелъ-шелъ, и пришелъ въ столичный городъ; пришелъ и говоритъ: «я, де, вашу царевну излѣчить могу». Сейчасъ подхватили его подъ руки, привели въ царскія палаты и показали ему скорбящую царевну. Онъ спросилъ полную чашу воды, трижды

погрузилъ въ нее образъ Божьей Матери, подалъ эту воду царевнѣ и велѣлъ ей умыться. И вотъ только что стала царевна умываться — вдругъ изъ нея вылетѣла нечистая сила клубомъ; недугъ, миновался, и красная дѣвица сдѣлалась весела, здрава и невредима. Царь и царица обрадовались и не знали чѣмъ наградить лѣкаря: и чины ему давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали. — Нѣтъ, говоритъ, мнѣ ничего не надо! Вотъ царевна и молвила: «я за него замужъ иду!» — Ладно! отвѣчалъ царь; приказалъ обвѣнчать ихъ и задалъ знатный пиръ на весь міръ. Съ этого самаго дня началъ правдивый мужичекъ жить въ царскихъ хоромахъ, ходитъ въ царскихъ одеждахъ, пить, ѣсть за царскимъ столомъ.

Прошло сколько-то времени, просится онъ у царя съ царицею: «пустите меня на родину; у меня есть мать старушка.» А царевна говоритъ: «поѣдемъ вмѣстѣ!» Вотъ и поѣхали они вдвоемъ; лошади, коляска, збруя—все царское. Ѣхали, ѣхали, и попадается имъ навстрѣчу криводушный — тотъ самый, что нѣкогда спорилъ, будто на свѣтѣ надо жить кривдою. Увидалъ его царскій зять и говоритъ: «здравствуй, братъ! Ну, что, али не узналъ меня? а помнишь, что со мной спорилъ, что кривдою лучше жить, чѣмъ правдою, да еще мнѣ глаза выкололъ? Криводушный оробѣлъ и не знаетъ, что ему дѣлать. «Да ты не бойся! я на тебя не сержусь», молвилъ правдивый и тотчасъ же разсказалъ все, что съ нимъ случилося: какъ онъ прозрѣлъ,

какъ работалъ у богатаго купца и какъ женился на прекрасной царевнѣ. Криводушный выслушалъ и задумалъ итти въ лѣсъ — къ гремячему ключу: «авось, думаетъ, и я свое счастье услышу!» Пошелъ въ лѣсъ, отыскалъ гремячій ключъ, взобрался на высокій дубъ и сталъ дожидаться ночи. Въ самую полночь слетѣлись подъ дубомъ нечистые духи. Увидали криводушнаго, стащили его съ дерева и растерзали на мелкія части.

57. Чудесная дудка.

Жилъ-былъ попъ съ попадьею; у нихъ былъ сынъ Иванушка и была дочь Алёнушка. Разъ Алёнушка и просится: «матушка, матушка! я пойду въ лѣсъ за ягодами; ужъ всѣ подружки пошли». —Ступай, да возьми съ собой брата. «Зачѣмъ? онъ такой лѣнивый, все равно ничего не соберетъ!» —Ничего, возьми! а кто изъ васъ больше ягодъ соберетъ, тому подарю красные сапожки. Вотъ пошли братъ съ сестрой за ягодами; пришли въ лѣсъ. Иванушка все рвётъ да рвётъ, да въ кувшинчикъ кладетъ, а Алёнушка все ѣстъ да ѣстъ, все ѣстъ да ѣстъ; только двѣ ягодки и положила въ коробку. Глядитъ, у ней пусто, а Иванушка полный кувшинчикъ набралъ. Завидно стало Алёнушкѣ: «давай, говоритъ, братецъ! я поищу у тебя въ головкѣ». Онъ легъ къ ней на колѣни и заснулъ; Алёнушка тотъ же

часъ вынула острый ножъ и зарѣзала братца; выкопала яму и схоронила его, а кувшинъ съ ягодами себѣ взяла. Приходитъ домой и отдаетъ ягоды матери. «Гдѣ же твой братецъ, Иванушка?» спрашиваетъ попадья.—Въ лѣсу заблудился; я его звала-звала, искала-искала—нѣтъ нигдѣ! Отецъ съ матерью долго-долго ждали Иванушку, такъ и не дождались. А на могилѣ Иванушки выросла большая да ровная-ровная тростинка. Шли мимо овчары со стадомъ, увидали и говорятъ: «какая славная тростинка выросла». Одинъ овчаръ срѣзалъ ее и сдѣлалъ себѣ жилейку. «Дай-ка, говоритъ, попробую!» Поднесъ къ губамъ, жилейка и заиграла:

Тише, пастухъ, легче играй!
Сердца больного не растравляй!
Меня сестрица сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила!

«Ахъ, какая чудесная дудка! говоритъ овчаръ: какъ чисто выговариваетъ; ну, эта жилейка дорогого стоитъ!»—А дай-ка я попробую! говоритъ другой; взялъ жилейку, приложилъ къ губамъ—и у него то же самое заиграла; попыталъ третій—и у третьяго то же! Пришли овчары въ деревню, остановились возлѣ поповой хаты; «батюшка, пусти насъ переночевать».—У меня тѣсно, отвѣчаетъ попъ. «Пусти, мы тебѣ диковинку покажемъ». Попъ пустилъ ихъ и спрашиваетъ: «не видали ль гдѣ мальчика, зовутъ Иванушкою, пошелъ за ягодами, да и слѣдъ пропалъ».—Нѣтъ, не видали; а вотъ мы срѣзали на дорогѣ тростинку, и какая чудесная

жилейка изъ нея вышла! сама играетъ! Вынулъ овчаръ жалейку и заигралъ:

Тише, пастухъ, легче играй!
Сердца больного не растравляй!
Меня сестрица сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила!

«А ну-ка, дай, я поиграю! говоритъ попъ; взялъ жилейку и заигралъ:

Тише, отецъ, легче играй!
Сердца больного не растравляй!
Меня сестрица сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила!

«Ахъ, ужъ это не мой ли Иванушка пострадалъ?» сказалъ попъ и позвалъ жену: «ну-ка, поиграй ты!» Попадья взяла жилейку и заиграла:

Тише, родная, легче играй!
Сердца больного не растравляй!
Меня сестрица сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила!

«А гдѣ дочка?» спрашиваетъ попъ; а дочка Алёнушка давно спряталась, въ темномъ углу притаилась. Нашли ее. «Ну-ка, заиграй!» говоритъ отецъ.— Я не умѣю. «Ничего, играй!» Она было отнѣкиваться, да отецъ пригрозилъ и заставилъ взять жилейку. Только что Алёнушка приложила ее къ губамъ, а жилейка сама выговариваетъ:

Тише, сестрица, легче играй!
Сердца больного не растравляй!
Ты-жъ меня загубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила!

Тутъ Алёнушка во всемъ призналась: отецъ разгнѣвался и прогналъ ее навсегда изъ родительскаго дому.

58. Птичій языкъ.

Въ одномъ городѣ жилъ купецъ съ купчихою, и далъ имъ Господь сына, не по годамъ смышленаго, по имени Василій. Разъ, какъ обѣдали они втроемъ, а надъ столомъ висѣлъ въ клѣткѣ соловей и такъ жалобно пѣлъ, что купецъ не вытерпѣлъ и проговорилъ: «если-бъ сыскался такой человѣкъ, который отгадалъ бы мнѣ въ-правду, что соловей распѣваетъ и какую судьбу предвѣщаетъ, кажись—при жизни бы отдалъ ему половину имѣнія, да и по смерти отказалъ много добра». А мальчикъ—ему было тогда лѣтъ шесть—взглянулъ на отца съ матерью пристально и сказалъ: «я знаю, что соловей поётъ, да сказать боюсь».— Говори безъ утайки! пристали къ нему отецъ съ матерью, и Вася со слезами вымолвилъ: «соловей предвѣщаетъ, что придетъ пора-время—будете вы мнѣ служить: отецъ станетъ воду подавать, а мать полотенце держать». Слова эти больно огорчили купца съ купчихою, и рѣшились они сбыть свое дѣтище; построили небольшую лодочку, въ темную ночь положили въ нее соннаго мальчика и пустили въ открытое море. На ту пору вылетѣлъ изъ клѣтки соловей-вѣщунъ, прилетѣлъ въ лодочку и сѣлъ мальчику на плечо.

Вотъ плыветъ лодка по морю, а навстрѣчу ей корабль на всѣхъ парусахъ летитъ. Увидалъ корабельщикъ мальчика, жалко ему стало, взялъ его къ себѣ, разспросилъ про все и обѣщалъ держать и любить его какъ, родного сына. На другой день говоритъ мальчикъ новому отцу: «соловей-де напѣваетъ, что подымется буря, поломаетъ мачты, прирветъ паруса: надо поворотить въ становище». Но корабельщикъ не послушался. И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса. Дѣлать нечего, прошлаго не воротишь; поставили новыя мачты, поправили паруса и поплыли дальше. А Вася опять говоритъ: соловей-де напѣваетъ, что навстрѣчу идутъ двѣнадцать кораблей, всё разбойничьихъ, во полонъ насъ возьмутъ!» На тотъ разъ корабельщикъ послушался, поворотилъ къ острову и видѣлъ, какъ тѣ двѣнадцать кораблей, все разбойничьихъ, пробѣжали мимо.

Выждалъ корабельщикъ, сколько надобно, и поплылъ дальше. Ни мало, ни много прошло времени, присталъ корабль къ городу Хвалынскому, а у здѣшняго короля уже нѣсколько годовъ передъ дворцовыми окнами летаютъ и кричатъ воронъ съ воронихою и вороненкомъ, ни днемъ ни ночью никому покоя не даютъ. Ужъ чего ни дѣлали, чего не придумывали, а прогнать ихъ прочь—не могли никакими хитростями. И приказано было отъ короля прибить на всѣхъ перекресткахъ и пристаняхъ такову грамоту: ежели кто сумѣетъ отогнать отъ дворцовыхъ оконъ ворона съ воронихою, тому ко-

роль отдаетъ въ награду полцарства своего и меньшую королевну въ жены; а кто возьмется за такое дѣло, а дѣло не сдѣлаетъ, тому отрублена будетъ голова. Много было охотниковъ породниться съ королемъ, да всѣ головы свои подъ топоръ положили. Узналъ про то Вася, сталъ проситься у корабельщика: «позволь пойти къ королю—отогнать ворона съ воронихою». Сколько ни уговаривалъ его корабельщикъ, никакъ не могъ удержать: «ну, ступай, говоритъ, да если что недоброе случится—на себя пеняй!» Пришелъ Вася во дворецъ, сказалъ королю и велѣлъ открыть то самое окно, возлѣ котораго воронье летало. Послушалъ птичьяго крику и говоритъ королю: «ваше величество, сами видите, что летаютъ здѣсь трое: воронъ, жена еговорониха и сынъ ихъ вороненокъ; воронъ съ воронихою спорятъ, кому принадлежитъ сынъ—отцу или матери, и просятъ разсудить ихъ. Ваше величество! скажите, кому принадлежитъ сынъ?» Король говоритъ: отцу. Только изрекъ король это слово, воронъ съ вороненкомъ полетѣли вправо, а ворониха—влѣво. Послѣ того король взялъ мальчика къ себѣ, и жилъ онъ при немъ въ большой милости и чести; выросъ и сталъ молодецъ молодцомъ, женился на королевнѣ и взялъ въ приданое полцарства.

Вздумалось ему какъ-то поѣздить по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ землямъ, людей посмотрѣть и себя показать; собрался и поѣхалъ странствовать. Въ одномъ городѣ остановился онъ ночевать; пере-

ночевалъ, всталъ поутру и велитъ, чтобъ подали ему умыться. Хозяинъ принесъ ему воды, а хозяйка подала полотенце; поразговарился съ ними королевичъ и узналъ, что то были отецъ его и мать; заплакалъ отъ радости и упалъ къ ихъ ногамъ родительскимъ; а послѣ взялъ ихъ съ собою въ городъ Хвалынскъ, и стали они всѣ вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.

59. Охотникъ и его жена.

Былъ-жилъ охотникъ и было у него двѣ собаки. Разъ какъ-то бродилъ онъ съ ними по лугамъ, разыскивалъ дичь; долго бродилъ—ничего не видалъ, а какъ стало дѣло къ вечеру, набрелъ на такое диво: горитъ пень, а въ огнѣ змѣя сидитъ. И говоритъ ему змѣя: «изыми, мужичекъ, меня изъ огня изъ полымя; я тебя счастливымъ сдѣлаю: будешь знать все, что на свѣтѣ есть, и какъ звѣрь говоритъ, и что птица поетъ!»—Радъ тебѣ помочь, да какъ? спрашиваетъ змѣю охотникъ. «Вложи только въ огонь конецъ палки, я по ней и вылѣзу». Охотникъ такъ и сдѣлалъ. Выползла змѣя: «спасибо, мужичекъ! будешь разумѣть теперь, что всякая тварь говоритъ; только никому про то не сказывай, а если скажешь—смертью помрешь!»

Охотникъ опять пошелъ за дичью; ходилъ-ходилъ,

и пристигла его ночь темная, непроглядная. «Домой далеко, подумалъ онъ, останусь-ка здѣсь ночевать». Развелъ костеръ и улегся возлѣ вмѣстѣ съ собаками; и слышитъ, что собаки завели промежъ себя разговоръ и называютъ другъ друга братомъ. «Ну, братъ, говоритъ одна, ночуй ты съ хозяиномъ, а я домой побѣгу, стану дворъ караулить. Не ровенъ часъ, воры пожалуютъ!»—Ступай, братъ, съ Богомъ! отвѣчаетъ другая. Поутру рано воротилась изъ дому собака и говоритъ той, что въ лѣсу ночевала: «здравствуй, братъ!»—Здорово. «Хорошо ли ночь у васъ прошла?»—Ничего, слава Богу! а тебѣ, братъ, какъ дома поспалось? «Охъ, плохо! Прибѣжалъ я домой, а хозяйка говоритъ: вотъ чортъ принесъ безъ хозяина! и бросила мнѣ горѣлую корку хлѣба. Я понюхалъ, понюхалъ, а ѣсть не сталъ; тутъ она схватила кочергу и давай меня потчевать, всѣ ребра пересчитала! А ночью, братъ, приходили на дворъ воры, хотѣли къ амбарамъ да клѣтямъ подобраться, такъ я такой вой поднялъ, такъ зло на нихъ накинулся, что куда ужъ было думать о чужомъ добрѣ, только-бъ самимъ уйти подобру-поздорову! Такъ всю ночь и провозился!» Слышитъ охотникъ, что собака собакѣ сказываетъ, и держитъ у себя на умѣ: погоди, жена! приду домой—ужъ я задамъ тебѣ жару!

Вотъ, пришелъ въ избу: «здорово, хозяйка!»—Здорово, хозяинъ! «Приходила вчера домой собака?»—Приходила. «Что-жъ, ты ее накормила?»—Накормила, родимой! дала ей цѣлую крынку мо-

лока и хлѣба покрошила. «Врешь, старая вѣдьма! ты дала ей горѣлую корку да кочергой прибила». Жена повинилась и пристала къ мужу: скажи, да скажи, какъ ты про все узналъ. «Не могу, отвѣчаетъ мужъ; не велѣно сказывать».—Скажи, миленькій! «Право слово, не могу!».—Скажи, голубчикъ! «Если скажу, такъ смертью помру».—Ничего, только скажи, дружокъ! Что станешь съ бабой дѣлать? хоть умри, да признайся! «Ну, давай чистую рубаху», говоритъ мужъ. Надѣлъ чистую рубаху, легъ въ переднемъ углу подъ образами, совсѣмъ умирать приготовился, и собирается разсказать хозяйкѣ всю правду истинную.

На ту пору вбѣжали въ избу куры, а за ними пѣтухъ и сталъ гвоздить то одну, то другую, а самъ приговариваетъ: «вотъ я съ вами раздѣлаюсь! вѣдь, я не такой дуракъ, какъ нашъ хозяинъ, что съ одной женой не справится! у меня васъ тридцать и больше того, а захочу—до всѣхъ доберусь». Какъ услыхалъ рѣчи охотникъ, не захотѣлъ быть въ дуракахъ, вскочилъ съ лавки и давай учить жену плеткою. Присмирѣла она: полно приставать да спрашивать!

60. Хитрая наука.

Жили себѣ дѣдъ да баба, у нихъ былъ сынъ. Старикъ-то былъ бѣдный; хотѣлось ему отдать сына въ науку, чтобъ съ молоду былъ родителямъ своимъ на утѣху, подъ старость на пере-

мѣну, а по смерти на поминъ души; да что станешь дѣлать, коли достатку нѣтъ! Водилъ онъ его по городамъ, по сёламъ—авось возьметъ кто въ ученье; нѣтъ, никто ни взялся учить даромъ. Воротился старикъ домой, поплакалъ-поплакалъ съ бабою, потужилъ-погоревалъ о своей бѣдности и опять повелъ сына въ городъ. Только пришли они въ городъ, попадается имъ навстрѣчу невѣдомый человѣкъ и спрашиваетъ дѣда: «что, старичокъ, пригорюнился?»—Какъ мнѣ не пригорюниться!—сказалъ дѣдъ;—вотъ водилъ-водилъ сына, никто не берётъ безъ денегъ въ науку, а денегъ нѣтути! «Ну, такъ отдай его мнѣ!—говоритъ встрѣчный;—я его въ три года выучу всѣмъ хитростямъ. А чрезъ три года, въ этотъ самый день, въ этотъ самый часъ, приходи за сыномъ; да смотри: коли не просрочишь—придешь во-время да узнаешь своего сына—возьмёшь его назадъ; а коли нѣтъ, такъ оставаться ему у меня». Дѣдъ такъ обрадовался, что и не спросилъ: кто такой встрѣчный, гдѣ живетъ, какъ и чему станетъ учитъ малаго? отдалъ ему сына и пошелъ домой. Пришелъ домой въ радости, разсказалъ обо всемъ бабѣ. А встрѣчный-то былъ колдунъ.

Вотъ прошли три года; старикъ давно позабылъ, въ какой день и часъ отдалъ сына въ науку и не знаетъ, какъ ему быть. А сынъ, за день до срока, прилетѣлъ къ нему малою пташкою, хлопнулся о заваленку и вошелъ въ избу добрымъ молодцомъ; поклонился отцу и говоритъ: «батюшка! завтра исполняется моему ученью три полныхъ года; не за-

мѣшкайся, приходи за мною»,—и разсказалъ, куда за нимъ приходить и какъ его узнавать. «У хозяина моего не одинъ я въ наукѣ; есть, говоритъ, еще одиннадцать работниковъ, навсегда при немъ остались,—а все оттого, что родители не сумѣли ихъ признать; и только ты меня не признаешь, такъ и я останусь при немъ двѣнадцатымъ. Завтра, какъ придёшь ты за мною, хозяинъ всѣхъ насъ двѣнадцать выпуститъ бѣлыми голубями—перо въ перо, хвостъ въ хвостъ и голова въ голову равны. Вотъ ты и смотри: всѣ высоко станутъ летать, а я нѣтъ-нѣтъ, да возьму повыше всѣхъ. Хозяинъ спроситъ: узналъ ли своего сына? ты и покажь на того голубя, что повыше всѣхъ. Послѣ выведетъ онъ къ тебѣ двѣнадцать жеребцовъ—всѣ одной масти, гривы на одну сторону и собой равны: какъ станешь проходить мимо тѣхъ жеребцовъ, хорошенько примѣчай: всѣ жеребцы будутъ смирно стоять, а я нѣтъ-нѣтъ, да правой ногой и топну. Хозяинъ опять спроситъ: узналъ своего сына? ты смѣло на меня показывай. Послѣ того выведетъ къ тебѣ двѣнадцать добрыхъ молодцовъ—ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо и одёжой равны. Какъ станешь проходить мимо тѣхъ молодцовъ,—хорошенько вглядывайся: на правую щеку ко мнѣ нѣтъ-нѣтъ да и сядетъ малая мушка. То тебѣ примѣта вѣрная!»

Распростился съ отцомъ и пошелъ изъ дому, хлопнулся о заваленку, сдѣлался птичкою и улетѣлъ къ хозяину. Поутру дѣдъ всталъ, собрался и

пошелъ за сыномъ. Приходитъ къ колдуну. «Ну, старикъ!—говоритъ колдунъ,—выучилъ твоего сына всѣмъ хитростямъ. Только, если не признаешь его, оставаться ему при мнѣ на вѣки вѣчные». Послѣ того выпустилъ онъ двѣнадцать бѣлыхъ голубей—перо въ перо, хвостъ въ хвостъ, голова въ голову равны, и говоритъ: «узнавай, старикъ, своего сына!» —Какъ узнавать-то? ишь всѣ равны! Смотрѣлъ-смотрѣлъ, да какъ поднялся одинъ голубь повыше всѣхъ, указалъ на того голубя: «кажись, это мой!» —Узналъ, узналъ, дѣдушка! сказываетъ колдунъ. Въ другой разъ выпустилъ онъ двѣнадцать жеребцовъ—всѣ какъ одинъ, и шерстью, и статями одинаковы, и гривы на одну сторону. Сталъ дѣдъ ходить вокругъ жеребцовъ да приглядываться, а хозяинъ спрашиваетъ: «ну что, дѣдушка! узналъ своего сына?»—Нѣтъ еще, погоди маленько; да какъ увидалъ, что одинъ жеребецъ топнулъ правою ногой, сейчасъ показалъ на него: «кажись, это мой!» —Узналъ, узналъ, дѣдушка! Въ третій разъ вышли двѣнадцать добрыхъ молодцовъ—ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо, словно одна мать родила. Дѣдъ разъ прошелъ мимо молодцовъ—ничего не замѣтилъ, въ другой прошелъ—тоже ничего, а какъ проходилъ въ третій разъ—увидалъ у одного молодца на правой щекѣ муху и говоритъ: «кажись, это мой!»—Узналъ, узналъ, дѣдушка! да не ты хитеръ-мудеръ, хитеръ-мудеръ твой сынъ!

Взялъ старикъ сына и направился домой. Идутъ

путемъ-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли,—скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. На ту пору скачутъ охотники, промышляютъ звѣря краснаго; впереди лиса бѣжитъ, норовитъ отъ нихъ уйти. «Батюшка, говоритъ сынъ, я обернусь гончей собакою и схвачу лисицу; какъ наѣдутъ охотники и станутъ отбивать звѣря, молви имъ: господа охотники! у меня свой песъ, я тѣмъ свою голову кормлю.» Охотники скажутъ: продай его намъ, и будутъ сулить тебѣ хорошія деньги; ты собаку-то продай, а ошейника съ веревкой ни за что не отдавай». Тотчасъ обернулся онъ гончею собакою, погналъ за лисою и схватилъ ее. Наѣхали охотники: «ахъ ты, старый! закричали они, зачѣмъ пришелъ сюда нашу охоту перемать?»—Господа охотники! отвѣчаетъ старикъ, у меня свой песъ, я тѣмъ голову свою кормлю. «Продай его намъ!»—Купите. «А дорогъ?»—Сто рублей. Охотники и торговаться не стали, заплатили ему деньги и берутъ себѣ собаку, а старикъ снимаетъ съ нея ошейникъ и веревку. «Что-жъ ты веревку тащишь?»—И, кормильцы! мое дѣло дорожное: оборвется на лаптишкахъ оборка — навязать пригодится. «Ну, ладно, возьми себѣ!» сказали охотники, накинули на собаку свою привязь и ударили по лошадямъ; ѣхали-ѣхали, глядь—бѣжитъ лисица, пустили за нею своихъ кобелей; тѣ гоняли, гоняли, никакъ догнать не могли. Говоритъ одинъ охотникъ: «пустите, братцы, новаго кобеля!» Пустили—да только и видѣли! лиса бѣжитъ въ одну сторону, а

кобель въ другую; нагналъ старика, ударился о сырую землю и сдѣлался молодцомъ по-старому, по прежнему.

Пошелъ старикъ съ сыномъ дальше. Подходятъ къ озеру; охотники стрѣляютъ гусей, лебедей, сѣрыхъ уточекъ. Летитъ стадо гусиное,—говоритъ сынъ отцу: «батюшка! я обернусь яснымъ соколомъ и стану хватать-побивать гусей; придутъ къ тебѣ охотники, начнутъ приставать, ты имъ скажи: у меня свой соколъ есть, я тѣмъ голову свою кормлю! Будутъ они торговать сокола,—ты птицу продай, а путцевъ ни за что не отдавай». Обернулся яснымъ соколомъ, поднялся повыше стада гусинаго и сталъ гусей хватать-побивать, да на землю пускать. Старикъ едва въ кучу собирать поспѣваетъ. Какъ увидали охотники такую добычу, прибѣжали къ старику: «ахъ ты, старый! зачѣмъ пришелъ сюда нашу охоту переймать?»—Господа охотники! у меня свой соколъ есть, я тѣмъ свою голову кормлю. «Не продашь ли сокола?»—Отчего не продать—купите!—«А дорогъ?»—Два ста рублей. Охотники заплатили деньги и берутъ себѣ сокола, а старикъ путцы снимаетъ. «Что-жъ ты путцы снимаешь? али жалко?»—И, кормильцы! мое дѣло дорожное: оборвется на лаптишкахъ оборка—навязать пригодится. Охотники не стали спорить и пошли выискивать дичь; долго ли, коротко ли—летитъ стадо гусиное. «Пустимте, братцы, сокола!» Пустили—да только и видѣли! соколъ поднялся повыше стада гусинаго и полетѣлъ вслѣдъ за старикомъ; нагналъ его, ударился

о сырую землю и сдѣлался молодцомъ по-старому, по-прежнему. Воротились они домой и зажили себѣ припѣваючи.

Насталъ воскресный день. Говоритъ сынъ отцу: «батюшка! я обернусь нынче лошадью; смотри-же, лошадь продавай, а уздечку не моги продавать; не то домой не ворочусь». Хлопнулся о сырую землю и сдѣлался славнымъ жеребцомъ; повелъ его дѣдъ на базаръ продавать. Обступили старика торговые люди, все барышники: тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а колдунъ тутъ же явился и даетъ дороже всѣхъ. Старикъ продалъ ему сына, а уздечки не отдаетъ. «Да какъ же я поведу лошадь-то? спрашиваетъ колдунъ: дай хоть до двора довести, а тамъ, пожалуй,—бери свою узду: мнѣ она не въ корысть!» Тутъ всѣ барышники на старика накинулись: такъ-де не водится! продалъ коня—продалъ и узду. Что съ нимъ подѣлаешь?—отдалъ старикъ уздечку. Колдунъ привелъ коня на свой дворъ, поставилъ въ конюшню, накрѣпко привязалъ къ кольцу и высоко притянулъ ему голову: стоитъ конь на однихъ заднихъ ногахъ, переднія до земли не хватаютъ. «Ну, дочка! сказываетъ колдунъ, вѣдь, я купилъ нашего хитреца».—Гдѣ же онъ? «На конюшнѣ стоитъ». Дочь прибѣжала смотрѣть; жалко ей стало добра молодца, захотѣла подлиннѣй отпустить поводъ, стала распутывать да развязывать, а конь принялся головою махать, махалъ-махалъ, пока не сбросилъ съ себя узды, а какъ сбросилъ—сейчасъ вырвался и пошелъ версты отсчитывать.

Бросилась дочь къ отцу: «батюшка, прости! грѣхъ попуталъ—конь-то бѣжалъ!» Колдунъ хлопнулся о сырую землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню; вотъ близко, вотъ нагонитъ! Конь прибѣжалъ къ рѣкѣ, ударился о земь, оборотился въ ерша и бултыхъ въ воду, а волкъ за нимъ щукою. Ершъ бѣжалъ-бѣжалъ водою, добрался къ плотамъ, гдѣ красныя дѣвицы бѣлье полоскали, перекинулся золотымъ колечкомъ и подкатился купеческой дочери прямо подъ руку; купеческая дочь увидала колечко, подхватила и на пальчикъ надѣла. А колдунъ сдѣлался попрежнему человѣкомъ, пристаетъ къ ней: «отдай да отдай мое золотое колечко!»— Бери, говоритъ красная дѣвица и бросила кольцо наземь. Какъ ударилось оно, въ ту же минуту разсыпалось мелкимъ жемчугомъ. Колдунъ обернулся пѣтухомъ и бросился клевать жемчужныя зерна; пока онъ клевалъ—одно зерно перекинулось ястребомъ. Ястребъ тотчасъ взвился кверху, ударилъ съ налету и убилъ пѣтуха на смерть. Послѣ того оборотился онъ добрымъ молодцомъ, полюбился красной дѣвицѣ—купеческой дочери, женился на ней, и зажили они вдвоемъ весело да счастливо. Тѣмъ сказкѣ конецъ, а мнѣ водочки корецъ.

61. Диво дивное.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жила-была старуха; у нея былъ сынъ, занимался охотою, бродилъ по разнымъ мѣ-

стамъ, да стрѣлялъ разныхъ птицъ и звѣрей; тѣмъ и себя, и мать кормилъ. Въ одно время взялъ онъ ружье, надѣлъ сумку и пошелъ въ поле. Не долго ходилъ, застрѣлилъ зайца и принесъ къ матери. Старуха разрубила зайца пополамъ, задокъ зажарила да на столъ поставила, а передокъ подъ лавку припрятала. Вотъ пока они ѣли задокъ, передокъ-то заячій выскочилъ вонъ изъ избы да ну улепетывать! «Матушка! посмотри-ка, — говоритъ мужикъ,—экое диво: мы съ тобою задокъ ѣдимъ, а передокъ въ поле ушелъ!» —Эхъ, дитятко! такое-ли диво бываетъ. Вотъ въ сосѣднемъ селѣ у нашего знакомца такъ подлинно диво сотворилось; пойди къ нему, самъ узнаешь.

Охотникъ пошелъ въ село, разыскалъ знакомаго мужика, поклонился ему: «здравствуй, дяденька!» — Здравствуй, землякъ, зачѣмъ пришелъ? «Такъ и такъ, разскажи, какое съ тобой диво приключилося?»

—Слушай, говоритъ; съ молодыхъ лѣтъ была у меня жена нравная, гульливая. Разъ я не вытерпѣлъ, захотѣлъ-было поучить ее маленько, а она выхватила палку, ударила меня по спинѣ и сказала: «доселева былъ ты мужикъ, а теперь стань чернымъ кобелемъ!» Въ ту же минуту обернулся я собакою; взяла она ухватъ и давай меня возить по бокамъ; била-била и выгнала вонъ. Выбѣжалъ я на улицу, сѣлъ на заваленку и думаю: авось жена опомнится да сдѣлаетъ меня по-старому человѣкомъ. Куда тебѣ! Сколько ни терся я около избы, не могъ дождаться отъ злой бабы милости. Бывало, откроетъ

окно да горячимъ кипяткомъ такъ и обдастъ всего, да все норовитъ, какъ бы въ глаза попасть! а кормить совсѣмъ не кормитъ, хоть съ голоду околѣвай. Нечего дѣлать, побѣжалъ я въ чистое поле; вижу—мужикъ стадо быковъ пасетъ. Присталъ я къ этому стаду, началъ за быками ходить: который отъ стада отобьется—я сейчасъ пригоню; а волкамъ отъ меня просто житья не стало, ни одного не подпущу. Увидалъ мужикъ мое стараніе, началъ меня кормить и поить, и такъ онъ на меня положился, что не сталъ и за стадомъ ходить: заберется, бывало, въ деревню и гуляетъ себѣ, сколько хочется. Говоритъ ему какъ-то баринъ: «послушай, пастухъ! ты все гуляешь, а скотъ одинъ въ полѣ ходитъ; этакъ не годится! Пожалуй, воръ прійдетъ, быковъ уведетъ».—Нѣтъ, баринъ! я на своего пса крѣпко надѣюсь; никого не подпуститъ. «Разсказывай! хочешь, я сейчасъ любого быка уведу?»—Нѣтъ, не уведешь! Поспорили они, ударились объ закладъ о трехъ стахъ рубляхъ и отдали деньги за руки. Баринъ пошелъ въ поле, и только за быка—какъ я кинулся, и всю одежу на немъ въ клочьи и разорвалъ, такъ-таки и не допустилъ его. Мой хозяинъ получилъ закладъ и съ той поры возлюбилъ меня пуще прежняго: иной разъ самъ не доѣстъ, а меня непремѣнно накормитъ. Прожилъ я у него цѣлое лѣто и захотѣлъ домой побывать: «посмотрю, думаю себѣ, не смилуется ли жена, не сдѣлаетъ ли опять человѣкомъ?» Прибѣжалъ къ избѣ, началъ въ дверь царапаться, выходитъ жена съ палкою, ударила

меня по спинѣ и говоритъ: «ну, бѣгалъ ты чернымъ кобелемъ, а теперь полети дятломъ». Обернулся я дятломъ и полетѣлъ по лѣсамъ, по рощамъ. Пристигла холодная зима; ѣсть крѣпко хочется, а корму нѣтъ и достать негдѣ. Забрался я въ одинъ садъ, вижу—стоитъ на деревѣ птичья принада. «Дай полечу въ эту принаду; пусть меня ребятишки поймаютъ, авось кормить станутъ, да въ избѣ и теплѣе зимовать будетъ»! Вскочилъ въ западню, дверцы захлопнуло; взяли меня ребятишки, принесли къ отцу: «посмотри, тятя, какого мы дятла поймали!» А ихній отецъ тамъ былъ знахарь; тотчасъ узналъ, что я человѣкъ, не птица, вынулъ меня изъ клѣтки, посадилъ на ладонь, дунулъ на меня— и обернулся я попрежнему мужикомъ. Даетъ онъ мнѣ зеленый прутикъ и сказываетъ: «дождись, братъ, вечера и ступай домой, да какъ войдешь въ избу— ударь жену свою этимъ прутикомъ и скажи: была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!» Взялъ я зеленый прутикъ, прихожу домой вечеромъ, потихоньку подкрался къ своей хозяйкѣ, ударилъ ее прутикомъ и говорю: «была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!» Въ ту же минуту сдѣлалась она козою; скрутилъ я ее за рога веревкою, привязалъ въ сараѣ и сталъ кормить ржаною соломою. Такъ цѣлый годъ и держалъ ее на соломѣ; а потомъ пошелъ къ знахарю: «научи, землякъ, какъ обернуть мою козу бабою». Онъ далъ мнѣ другой прутикъ: «на, братъ! ударь ее этимъ прутикомъ и скажи: была ты козою, а теперь стань бабою!» Я

воротился домой, ударилъ мою козу прутикомъ: «была ты, говорю, козою, а теперь стань бабою!» Обернулась коза бабою; тутъ хозяйка моя бросилась мнѣ въ ноги, стала плакать, просить прощенія, заклялась-забожилась жить со мною по-божьему. Съ тѣхъ поръ живемъ мы съ нею благополучно въ любви и согласіи.

«Спасибо,—сказалъ охотникъ:—это подлинно диво дивное!»

62. Счастливое дитя.

Жилъ-былъ именитый купецъ съ купчихою—всякаго добра много, а дѣтей нѣту. Стали они Богу молиться, чтобы далъ имъ дѣтище—въ молодыхъ лѣтахъ на утѣху, въ старости на подмогу, а по смерти на поминъ души; стали они нищую братію кормить, милостыней одѣлять; а сверхъ того надумались, на пользу всего люда православнаго, построить длинный мостъ черезъ топи-болота непроходимыя. Много купецъ казны издержалъ, а мостъ построилъ, и какъ работы окончились, посылаетъ онъ своего приказчика Ѳедора: «поди-ка, сядь подъ мостъ, да послушай, что будутъ люди про меня сказывать: будутъ ли благословлять или корить станутъ?» Ѳедоръ пошелъ, сѣлъ подъ мостъ и слушаетъ. Идутъ по мосту три святыхъ старца и говорятъ промежъ себя: «чѣмъ наградить того, кто этотъ мостъ построилъ? Пусть у него народится

счастливый сынъ! что ни скажетъ—то сбудется, чего не пожелаетъ—то и дастъ Господь!» Выслушалъ приказчикъ и вернулся домой.—Ну, что, Ѳедоръ? спрашиваетъ купецъ. «Да разное говорятъ; послушаешь одного—ты постройкою моста доброе дѣло сдѣлалъ, послушаешь другого—только гордость свою тѣшилъ! Окромя того ничего не слыхалъ!» Въ томъ же году купчиха родила мальчика; окрестили его и положили въ люльку. Приказчикъ позавидовалъ чужому счастью: въ глухую полночь, когда всѣ въ домѣ крѣпко заснули, поймалъ голубя, зарѣзалъ его и замаралъ кровью постель, руки и уста родильницы, а ребенка укралъ и отдалъ на сторону выкормить. На утро хватились отецъ съ матерью, гдѣ ихъ ребенокъ,—нѣтъ нигдѣ; а приказчикъ началъ доказывать: «мать-де сама его съѣла; вишь, и руки, и уста въ крови!» Купецъ взялъ свою жену и посадилъ въ темницу. Прошло нѣсколько лѣтъ, сынокъ ихъ подросъ, сталъ бѣгать и говорить. Ѳедоръ бросилъ купца, поселился на взморьѣ и мальчика съ собой взялъ; что только ему на умъ взбредетъ, онъ приказываетъ этому мальчику: «пожелай-де то-то и то-то!»—и тотчасъ все готово. Говоритъ онъ однажды: а ну, малый, проси у Бога, чтобъ здѣсь новое царство стало, чтобъ отъ самаго этого мѣста до дворца государева хрустальный мостъ повисъ черезъ море, и чтобъ царевна за меня замужъ вышла». Мальчикъ попросилъ у Бога—и тотчасъ повисъ черезъ все море хрустальный мостъ и явился богатый, знатный го-

родъ съ бѣлокаменными палатами, церквами и царскими теремами. На другой день, проснувшись, смотритъ царь изъ окошечка, увидалъ хрустальный мостъ и спрашиваетъ: «кто этакое чудо построилъ?» Докладываютъ ему, что Өедоръ. Коли онъ такъ хитеръ, сказалъ царь, то отдамъ за него свою царевну замужъ!» Скоро дѣло сладилось, обвѣнчали Өедора съ царевною, и сталъ онъ въ новомъ городѣ царствовать, да мальчикомъ помыкать; держитъ его у себя за работника, бьетъ и ругается всячески, иной разъ и куска хлѣба пожалѣетъ дать. Вотъ какъ-то лежитъ Өедоръ съ женою на постели, да промежъ себя разговариваютъ, а мальчикъ въ темный уголокъ забился и горько-горько плачетъ. Спрашиваетъ царевна своего мужа: «скажи, пожалуйста, откуда это у тебя богатство взялося? вѣдь, прежде ты былъ простымъ приказчикомъ».— И богатство мое, и сила—все отъ этого мальчика, что я у купца унесъ. «Какъ такъ?»—Жилъ я у богатаго купца въ приказчикахъ, и было ему обѣщано, что народится у него сынъ, да не простой, а такой счастливый—что ни скажетъ, то и сбудется, чего ни пожелаетъ, то и дастъ Господь. Вотъ, какъ ребенокъ народился, я его и скралъ; а чтобъ про то не провѣдали, наговорилъ на купчиху: будто сама свое дѣтище съѣла. Мальчикъ подслушалъ эти рѣчи, вышелъ изъ угла и сказалъ: «по-моему прошенію, по Божьему изволенью будь ты, негодяй, собакою!» въ ту же минуту Өедоръ обернулся собакою; мальчикъ надѣлъ ему на шею же-

лѣзную цѣпь и повелъ къ своему отцу. Приходитъ и говоритъ ему: «добрый человѣкъ! дай мнѣ горячихъ угольевъ».—На что тебѣ? «Да вотъ надо пса покормить».—Что ты? Богъ съ тобой! отвѣчаетъ купецъ, гдѣ это видано, чтобъ собаки горячимъ угольемъ питались? «А гдѣ видано, чтобъ мать могла съѣсть свое родное дѣтище? Узнавай батюшка! я твой сынъ, а вотъ этотъ песъ — твой старый приказчикъ Ѳедоръ, что меня укралъ, да на мать поклепалъ». Купецъ разспросилъ про все подробно, освободилъ жену изъ темницы, и потомъ всѣ они вмѣстѣ переѣхали жить въ новое царство, которое еще прежде, по желанію купеческаго сына, явилось на взморьѣ. Царевна къ своему отцу уѣхала, а Ѳедоръ и до самой смерти оставался поганымъ псомъ.

63. Скорый гонецъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ были болота непроходимыя; кругомъ ихъ шла дорога окольная: скоро ѣхать тою дорогою—три года понадобится, а тихо ѣхать—и пяти мало! Возлѣ самой дороги жилъ убогій старикъ; у него было три сына: перваго звали Иванъ, второго—Василій, а третьяго—Семенъ-малый юноша. Вздумалъ убогій расчистить эти болота, проложить тутъ дорогу прямохожую-прямоѣзжую и намостить мосты калиновые, чтобы пѣшему можно было пройти въ три недѣли, а конному въ трое сутокъ про-

ѣхать. Принялся за работу вмѣстѣ со своими дѣтьми и не по маломъ времени все было исправлено: намощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоѣзжая. Воротился убогій въ свою избушку и говоритъ старшему сыну Ивану: «поди-ка ты, мой любезный сынъ! сядь подъ мостомъ и послушай: что про насъ будутъ добрые люди говорить—добро или худо?» По родительскому приказанію пошелъ Иванъ и сѣлъ въ скрытномъ мѣстѣ подъ мостомъ. Идутъ по тому мосту калиновому два старца и говорятъ промежъ себя: «кто этотъ мостъ мостилъ да дорогу расчищалъ—чего бы онъ у Господа ни спросилъ, то бы ему Господь и даровалъ!» Иванъ какъ скоро услыхалъ эти слова, тотчасъ вышелъ изъ-подъ моста калиноваго: «этотъ мостъ, говоритъ, мостилъ я съ отцемъ да съ братьями».—Чего же ты просишь у Господа? спрашиваютъ старцы. «Вотъ кабы Господь далъ мнѣ денегъ на вѣкъ!»—Хорошо, ступай въ чистое поле; въ чистомъ полѣ есть сырой дубъ, подъ тѣмъ дубомъ глубокій погребъ, въ томъ погребѣ множество и злата, и серебра, и каменья драгоцѣннаго. Возьми лопату и рой--дастъ тебѣ Господь денегъ на цѣлый вѣкъ! Иванъ пошелъ въ чистое поле, вырылъ подъ дубомъ много и злата, и серебра, и каменья драгоцѣннаго и понесъ домой.—«Ну, сынокъ, спрашиваетъ убогій, видѣлъ ли кого, чтобы шелъ али ѣхалъ по мосту, и что про насъ люди говорятъ?» Иванъ разсказалъ отцу, что видѣлъ двухъ старцевъ, и чѣмъ они его наградили на цѣлый вѣкъ.

На другой день посылаетъ убогій средняго сын Василія. Пошелъ Василій, сѣлъ подъ мостомъ калиновымъ и слушаетъ. Идутъ по мосту два старца, поровнялись супротивъ того мѣста, гдѣ онъ спрятался, и говорятъ: «кто этотъ мостъ мостилъ— чего бы у Господа ни просилъ, то бы ему Господь и далъ!» Какъ скоро услыхалъ Василій эти слова, вышелъ къ старцамъ и сказалъ: «этотъ мостъ мостилъ я съ батюшкой и съ братьями».— Чего же ты у Бога просишь? «Вотъ кабы Господь далъ мнѣ хлѣба на вѣкъ!»—Хорошо, поди домой, выруби новину и посѣй: дастъ тебѣ Господь хлѣба на цѣлый вѣкъ! Василій пришелъ домой, разсказалъ про все отцу, вырубилъ новину и засѣялъ хлѣбомъ.

На третій день посылаетъ убогій меньшого сына. Семенъ-малый юноша сѣлъ подъ мостомъ и слушаетъ. Идутъ по мосту два старца; только поровнялись съ нимъ и говорятъ: «кто этотъ мостъ мостилъ—чего бы у Господа ни попросилъ, то бы ему Господь и далъ!» Семенъ-малый юноша услыхалъ эти слова, выступилъ къ старцамъ и сказалъ: «этотъ мостъ мостилъ я съ батюшкой и съ братьями».—Чего же ты у Бога просишь? «А прошу у Бога милости: послужить великому государю въ солдатахъ».—Проси другого! солдатская служба тяжелая; пойдешь въ солдаты, къ Морскому Царю въ полонъ попадешь, и много будетъ твоихъ слезъ пролито! «Эхъ, люди вы—старые, сами вы вѣдаете: кто на семъ свѣтѣ не плачетъ, тотъ будетъ

плакать въ будущемъ вѣкѣ».—Ну, коли ужъ ты похотѣлъ итти въ царскую службу—мы тебя благословляемъ! сказали старцы Семену, наложили на него свои руки и обратили въ оленя быстроногаго. Побѣжалъ олень къ своему дому; усмотрѣли его изъ окошечка отецъ и братья, выскочили изъ

избушки и хотѣли поймать. Олень повернулъ—и назадъ; прибѣжалъ къ двумъ старцамъ, старцы обратили его въ зайца. Заяцъ пустился къ своему дому; усмотрѣли его отецъ и братья, выскочили изъ избушки и хотѣли было изловить; да онъ назадъ повернулъ. Прибѣжалъ заяцъ къ двумъ старцамъ, старцы обратили его въ маленькую птичку золотая-головка. Птичка прилетѣла къ своему дому, сѣла у открытаго окошечка; усмотрѣли ее отецъ и братья, бросились ловить;—птичка вспорхнула—и назадъ. Прилетѣла къ двумъ старцамъ, старцы сдѣлали ее по-прежнему человѣкомъ и говорятъ: «теперь, Семенъ-малый юноша, иди на царскую службу.

Если тебѣ понадобится сбѣгать куда наскоро, можешь ты обращаться оленемъ, зайцемъ и птичкою золотая-головка; мы тебя научили! — Семенъ-малый юноша пришелъ домой и сталъ у отца проситься на царскую службу. «Куда тебѣ итти? отвѣчалъ убогiй; ты еще малъ да глупъ!» — Нѣтъ, батюшка, отпусти; на то Божья воля есть. Убогiй отпустилъ; Семенъ-малый юноша снарядился, съ отцомъ, съ братьями простился и пошелъ въ дорогу.

Долго ли, коротко ли—явился онъ въ стольный городъ—прямо къ царю и сказалъ: «царь-государь! не вели казнить, вели слово вымолвить».— Говори, Семенъ-малый юноша! «Прикажи взять меня въ военную службу.» — Что ты! вѣдь, ты малъ и глупъ; куда тебѣ итти въ службу? «Хоть я малъ и глупъ, а служить буду не хуже другихъ, въ томъ уповаю на Бога». Царь согласился, взялъ его въ солдаты и велѣлъ быть при своемъ лицѣ. Прошло нѣсколько времени, вдругъ невѣрный король объявилъ царю жестокую войну. Царь началъ въ походъ снаряжаться; въ урочное время собралось все войско въ готовности. Семенъ-малый юноша сталъ на войну проситься; царь не могъ ему отказать, взялъ его съ собою и выступилъ въ походъ. Долго-долго шелъ царь съ воинствомъ, много-много земель за собой оставилъ, вотъ ужъ и непрiятель близко—дня черезъ три и надо бой начинать. Втѣпоры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого—нѣтъ ни той, ни другого! во дворцѣ позабылъ; нечѣмъ ему себѣ оборону дать, не-

пріятельскія силы побивать. Сдѣлалъ онъ кличъ по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворецъ наскоро да принести ему боевую палицу и острый мечъ; кто сослужитъ эту службу, за того обѣщалъ отдать въ супружество дочь свою Марью-царевну, въ приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство. Начали выискиваться охотники; кто говоритъ: я могу въ три года сходить, кто говоритъ: въ два года, а кто — въ одинъ годъ; а Семенъ-малый юноша доложилъ государю: «ваше величество, я могу сходить во дворецъ и принести боевую палицу и острый мечъ въ три дня». Царь обрадовался, взялъ его за руку, поцѣловалъ въ уста и тотчасъ-же написалъ къ Марьѣ-царевнѣ грамотку, чтобъ она гонцу тому вѣрила и выдала ему мечъ и палицу. Семенъ-малый юноша принялъ отъ царя грамотку и пошелъ въ путь-дорогу.

Отойдя съ версту, обернулся онъ въ оленя быстроногаго и пустился, словно стрѣла изъ лука; бѣжалъ-бѣжалъ, усталъ и обернулся изъ оленя въ зайца; припустилъ во всю заячью прыть, бѣжалъ-бѣжалъ, всѣ ноги прибилъ и обратился изъ зайца въ маленькую птичку золотая-головка; еще быстрѣе полетѣлъ, летѣлъ-летѣлъ и въ полтора дня поспѣлъ въ то царство, гдѣ Марья-царевна оставалась. Обернулся человѣкомъ, вошелъ во дворецъ и подалъ царевнѣ грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала и говоритъ: «какъ же это сумѣлъ ты столько земель и такъ скоро пробѣжать?» — А вотъ

какъ! отвѣчалъ гонецъ—оборотился въ оленя быстроногаго, пробѣжалъ разъ-другой по царевниной палатѣ, подошелъ къ Марьѣ-царевнѣ и положилъ къ ней на колѣни свою голову; она взяла ножницы и вырѣзала у оленя съ головы клокъ шерсти. Олень обратился въ зайца, заяцъ попрыгалъ немного по комнатѣ и вскочилъ къ царевнѣ на колѣни; она вырѣзала у него клокъ шерсти. Заяцъ обратился въ маленькую птичку съ золотой-головкою, птичка полетала немного по комнатѣ и сѣла къ царевнѣ на руку; Марья-царевна срѣзала у ней съ головы золотыхъ перышковъ, и все это—и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотыя перышки завязала въ платокъ и спрятала къ себѣ. Птичка золотая-головка обратилась въ гонца. Царевна накормила его, напоила, въ путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острый мечъ; послѣ они простились, на прощанье крѣпко поцѣловались, и пошелъ Семенъ-малый юноша обратно къ царю. Опять побѣжалъ онъ оленемъ быстроногимъ, поскакалъ косымъ зайцемъ, полетѣлъ маленькой птичкою и къ концу третьяго дня усмотрѣлъ царскій лагерь. Не доходя до войска шаговъ съ триста, легъ онъ на морскомъ берегу, подлѣ ракитова куста, отдохнуть съ дороги: палицу боевую и острый мечъ около себя положилъ. Отъ великой усталости онъ скоро и крѣпко уснулъ; въ это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста; увидалъ онъ гонца, тотчасъ столкнулъ его въ море, взялъ боевую палицу и острый мечъ, принесъ къ государю и ска-

залъ: «ваше величество! вотъ вамъ боевая палица и острый мечъ, я самъ за ними ходилъ; а тотъ пустохвалъ Семенъ-малый юноша года три проходитъ!» Царь поблагодарилъ генерала, началъ воевать съ непріятелемъ и въ короткое время одержалъ надъ нимъ славную побѣду.

А Семенъ-малый юноша, какъ сказано, упалъ въ море. Въ ту-жъ минуту подхватилъ его Морской царь и унесъ въ глубину. Жилъ онъ у того царя цѣлый годъ, стало ему скучно, запечалился онъ и горько заплакалъ. Пришелъ къ нему Морской царь: «что, Семенъ-малый юноша, скучно тебѣ здѣсь?»— Скучно, ваше величество! «Хочешь на русскій свѣтъ?»—Хочу, если милость будетъ. Морской царь вынесъ его въ глухую полночь, оставилъ на берегу, а самъ ушелъ въ море. Семенъ-малый юноша началъ Богу молиться: «дай, Господи, солнышка!» Передъ самымъ восходомъ краснаго солнышка явился Морской царь, ухватилъ его опять и унесъ въ морскую глубину. Прожилъ тамъ Семенъ-малый юноша еще цѣлый годъ; сдѣлалось ему скучно, и онъ горько-горько заплакалъ. Спрашиваетъ Морской царь: «что, али скучно тебѣ?»—Скучно! молвилъ Семенъ-малый юноша. «Хочешь на русскій свѣтъ?»— Хочу, ваше величество! Морской царь вынесъ его въ полночь на берегъ, самъ ушелъ въ море. Началъ Семенъ-малый юноша со слезами Богу молиться: «дай, Господи, солнышка!» Только чуть-чуть разсвѣтать стало, пришелъ Морской царь, ухватилъ его и унесъ въ морскую глубину. Прожилъ Семенъ-

малый юноша третій годъ въ морѣ, стало ему скучно—и онъ горько, неутѣшно заплакалъ. «Что, али скучно тебѣ!—спрашиваетъ Морской царь;—хочешь на русскій свѣтъ?—Хочу, ваше величество! Морской царь вынесъ его на берегъ, самъ ушелъ въ море. Семенъ-малый юноша началъ со слезами Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Вдругъ солнце осіяло своими лучами весь міръ. Морской царь не посмѣлъ при дневномъ свѣтѣ изъ воды показаться, и Семенъ-малый юноша освободился отъ его власти. Онъ тотчасъ же направился въ свое государство; оборотился сперва оленемъ, потомъ зайцемъ, а потомъ маленькой птичкой золотая-головка, и въ короткое время очутился у царскаго дворца.

А покуда все это сдѣлалось, царь успѣлъ съ войны воротиться и засваталъ свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семенъ-малый юноша входитъ въ ту самую палату, гдѣ за столомъ сидѣли женихъ да невѣста. Увидала его Марья-царевна и говоритъ царю: «государь-батюшка, не вели казнить, позволь рѣчь говорить».—Говори, дочь моя милая! что тебѣ надобно? «Государь-батюшка! не тотъ мой женихъ, что за столомъ сидитъ, а вотъ онъ—сейчасъ пришелъ! Покажи-ка, Семенъ-малый юноша, какъ наскоро сбѣгалъ ты за боевой палицей, за острымъ мечемъ». Семенъ-малый юноша оборотился въ оленя быстроногаго, пробѣжалъ разъ-другой по комнатѣ и остановился возлѣ царевны. Марья-царевна вынула изъ платочка срѣзанную оленью шерсть, показываетъ царю,—въ ко-

емъ мѣстѣ она ее срѣзала, и говоритъ: «посмотри, батюшка, вотъ мои примѣточки». Олень обратился въ зайца; зайчикъ попрыгалъ-попрыгалъ по комнатѣ и прискочилъ къ царевнѣ; Марья-царевна вынула изъ платочка заячью шерсть. Зайчикъ оборотился въ маленькую птичку съ золотой головкою; птичка полетала-полетала по комнатѣ и сѣла къ царевнѣ на колѣни; Марья-царевна развязала третій узелокъ въ платкѣ и показала золотыя перышки. Тутъ царь узналъ всю правду истинную, приказалъ генерала казнить, а Марью-царевну выдать за Семена-малаго юношу и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ.

64. Царевна-сѣрая утица.

Жилъ царь съ царицею, у нихъ были дѣти: сынъ да дочь; сына звали Дмитрій-царевичъ, а дочь—Марья-царевна. Были приставлены къ царевнѣ и няньки, и мамки, и ни одна не могла ее укачать-убаюкать. Только братъ и умѣлъ это сдѣлать; бывало, придетъ къ ея кроваткѣ и начнетъ припѣвать: «баю-баюшки, сестрица! баю-баюшки, родная, выростешь большая, отдамъ тебя замужъ за Ивана-царевича». Она закроетъ глазки и заснетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, собрался Дмитрій-царевичъ и поѣхалъ въ гости къ Ивану-царевичу; прогостилъ тамъ три мѣсяца—много играли, много гуляли, сталъ уѣзжать и зоветъ къ себѣ Ивана-царевича. «Хорошо, говоритъ, пріѣду!» Во-

ротился домой, взялъ портретъ своей сестры и повѣсилъ надъ своею постелью, и такъ хороша была царевна, что все бы смотрѣлъ на ея портретъ, глазъ оторвать невозможно! Нежданно, негаданно пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ къ Дмитрію-царевичу, входитъ въ его комнату, а онъ спитъ себѣ крѣпкимъ сномъ. Увидалъ Иванъ-царевичъ портретъ Марьи-царевны—и въ ту же минуту влюбился въ нее, выхватилъ свой мечъ и занесъ на ея брата. Богъ не попустилъ грѣха, словно что толкнуло Дмитрія-царевича—вмигъ проснулся и спрашиваетъ: «что ты дѣлать хочешь?»—Хочу тебя убить! «За что, Иванъ-царевичъ?»—Вѣдь это портретъ твоей невѣсты? «Нѣтъ, моей сестры Марьи-царевны».—Ахъ, что же ты мнѣ никогда объ ней не сказывалъ! я теперь жить безъ нея не могу! «Ну, что-жъ, женись на сестрѣ, будемъ братьями». Иванъ-царевичъ бросился обнимать Дмитрія-царевича. Тутъ они поладили, по рукамъ ударили. Иванъ-царевичъ домой уѣхалъ—къ свадьбѣ готовиться, а Дмитрій-царевичъ сталъ собираться съ своею сестрицею въ путь-дорогу, къ жениху въ гости. Снарядили два корабля: въ одномъ братъ плыветъ, въ другомъ сестрица плыветъ, а при ней нянька злая колдунья съ своею безобразною дочкою. Вотъ какъ выѣхали корабли посередь моря синяго, нянька и говоритъ Марьѣ-царевнѣ: «скинь съ себя драгоцѣнное платье да ложись на перину—тебѣ спокойнѣй будетъ!» Царевна скинула платье и только легла на перину, нянька ударила ее слегка по бѣ-

лому тѣлу, и въ ту же минуту Марья-царевна сдѣлалась сѣрой утицей, взвилась, полетѣла съ корабля за сине море. А нянюшка нарядила свою дочь въ царевнино платье, сидятъ обѣ да величаются. Пріѣхали въ землю Ивана-царевича; онъ тотчасъ выбѣжалъ навстрѣчу и портретъ Марьи-царевны съ собой захватилъ; смотритъ, а невѣста на тотъ портретъ ни на волосъ не похожа! Разгнѣвался на Дмитрія-царевича, велѣлъ посадить его въ темницу, въ день давать ему по куску черстваго хлѣба да по стакану воды; кругомъ были часовые приставлены, и наказано имъ настрого никого не пускать къ заключенному. Приходитъ время къ полуночи, стала сѣра утица съ моря подыматься, полетѣла къ родимому братцу—все царство собой осіяла; крыльями машетъ, а съ нихъ словно жаръ сыпется! Подлетѣла къ темницѣ да прямо въ окошечко, крылышки на гвоздикъ повѣсила и подошла къ брату красной дѣвицей: «родимый мой братецъ, Дмитрій-царевичъ! тебѣ тошно въ темницѣ сидѣть, по стакану воды пить, по куску хлѣба ѣсть; а мнѣ, братецъ, тошнѣе того по синю морю плавать! Сгубила насъ злая нянюшка, скинула съ меня драгоцѣнное платье—нарядила въ него свою дочку родную». Братецъ съ сестрицею поплакали, погоревали вмѣстѣ; раннимъ утромъ улетѣла сѣра утица на сине море. Докладываютъ Ивану-царевичу: «такъ и такъ, прилетала къ заключенному сѣра утица—все царство собой осіяла!» Приказалъ онъ, чтобъ сейчасъ дали ему знать, какъ скоро та утица опять прилетитъ.

Вотъ подходитъ время къ полуночи; вдругъ море заколыхалося, поднялась съ него сѣра утица, полетѣла—все царство собой освѣтила, крылышками машетъ, а съ нихъ словно жаръ сыпется. Прилетѣла къ темницѣ, крылышки свои на окнѣ оставила и подошла къ брату красной дѣвицей. Тотчасъ же разбудили Ивана-царевича; онъ побѣжалъ къ темницѣ, смотритъ: на окнѣ лежатъ крылышки, взялъ и велѣлъ ихъ на огнѣ спалить, а самъ приложилъ ухо да слушаетъ—про что говорятъ братъ съ сестрицею. «Родимый мой братецъ!—говоритъ Марья-царевна,—тебѣ тошно въ темницѣ сидѣть, по стакану воды пить, по куску хлѣба ѣсть, а мнѣ тошнѣе того по синю морю плавать! Сгубила насъ злая нянюшка, скинула съ меня драгоцѣнное платье—нарядила въ него свою дочку родную... Ахъ, братецъ, что-то гарью пахнетъ!»—Нѣтъ, сестрица! я ничего не слышу. Иванъ-царевичъ отворилъ темницу, входитъ туда—Марья-царевна въ ту-жъ минуту бросилась къ окошку, видитъ: крылышки ея до половины обожжены; тутъ ухватилъ ее Иванъ-царевичъ за бѣлыя руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иванъ-царевичъ не пугается, изъ рукъ ее не выпускаетъ... Наконецъ, оборотилась она веретеномъ; царевичъ переломилъ веретено надвое, одинъ конецъ бросилъ впередъ, а другой назадъ, и говоритъ: «стань передо мной, красная дѣвица, а за мной бѣлая береза!» Стали позади его бѣлая береза, а передъ нимъ явилась Марья-царевна во всей своей красотѣ. Иванъ-царевичъ выпросилъ

себѣ прощеніе у Дмитрія-царевича, и всѣ трое во дворецъ пошли; а на другой день была свадьба; Иванъ-царевичъ женился на Марьѣ-царевнѣ; гости долго пировали, веселились, прохлаждались. А няньку съ дочкой отослали въ такое мѣсто, чтобъ объ нихъ ни слуху, ни духу не было!

65. Арысь-поле.

У старика была дочь красавица; жилъ онъ съ нею тихо и мирно, пока не женился на другой бабѣ, а та баба была злая вѣдьма. Не взлюбила она падчерицу, пристала къ старику: «прогони ее изъ дому, чтобъ я ее и въ глаза не видала». Старикъ взялъ да и выдалъ свою дочку замужъ за хорошаго, богатаго человѣка; живетъ она съ мужемъ да радуется и родила ему мальчика. А вѣдьма еще пуще злится, зависть ей покоя не даетъ; улучила она время, превратила свою падчерицу быстроглазою рысью и выгнала въ дремучій лѣсъ, а въ падчерицыно платье, нарядила свою родную дочь и поставила ее вмѣсто настоящей жены. Такъ все тихо сдѣлала, что ни мужъ, ни люди— никто обмана не видитъ. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится. Съ того самаго дня, какъ только ребенокъ проголодается, мамка понесетъ его къ лѣсу и запоетъ:

Арысь-поле! дитя кричитъ!
Дитя кричитъ, пить-ѣсть хочетъ.

Арысь-поле прибѣжитъ, сброситъ звѣриную шкуру подъ колоду, возьметъ мальчика и накормитъ его грудью; послѣ накинетъ на себя шкуру и уйдетъ въ лѣсъ. «Куда это мамка съ ребенкомъ ходитъ?» думаетъ отецъ. Сталъ за нею присматривать; увидалъ, какъ Арысь-поле прибѣжала, сбросила съ себя шкуру и стала кормить малютку. Онъ подкрался изъ-за кустовъ, схватилъ шкуру и запалилъ ее. «Ахъ, что-то дымомъ пахнетъ; никакъ моя шкурка горитъ!» говоритъ Арысь-поле.—Нѣтъ, отвѣчаетъ мамка, это вѣрно дровосѣки лѣсъ подожгли. Шкурка сгорѣла, Арысь-поле воротилась домой и разсказала своему мужу все, что съ нею было. Тотчасъ собрались люди, схватили вѣдьму и сожгли ее на кострѣ, вмѣстѣ съ ея дочерью.

68. Лягушка-царевна.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ да былъ царь съ царицею; у него было три сына—всѣ молодые, холостые, удальцы такіе, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать: младшаго звали Иванъ-царевичъ. Говоритъ имъ царь таково слово: «дѣти мои милые! возьмите себѣ по стрѣлкѣ, натяните тугіе луки и пустите въ разныя стороны: на чей дворъ стрѣла упадетъ, тамъ и сватайтесь». Пустилъ стрѣлу старшій братъ—упала она на боярскій дворъ, прямо противъ дѣвичья

терема; пустилъ средній братъ—полетѣла стрѣла къ купцу на дворъ и остановилась у краснаго крыльца, а на томъ крыльцѣ стояла душа-дѣвица, дочь купеческая; пустилъ младшій братъ—попала стрѣла въ грязное болото и подхватила ее лягушка-квакушка. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «какъ мнѣ за себя квакушку взять? квакушка не ровня мнѣ!»—Бери! отвѣчалъ ему царь; знать судьба твоя такова. Вотъ поженились царевичи: старшій на боярышнѣ, средній на купеческой дочери, а Иванъ-царевичъ на лягушкѣ-квакушкѣ. Призываетъ ихъ царь и приказываетъ: «чтобы жены ваши испекли мнѣ къ завтраку по мягкому, бѣлому хлѣбу». Воротился Иванъ-царевичъ въ свои палаты не веселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. Ква-ква, Иванъ-царевичъ! почто такъ кручиненъ сталъ? спрашиваетъ его лягушка; али услышалъ отъ отца своего слово гнѣвное, непріятное?—Какъ мнѣ не кручиниться? Государь, мой батюшка, приказалъ тебѣ къ завтраку изготовить мягкій, бѣлый хлѣбъ. «Не тужи, царевичъ! ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренѣе!» Уложила царевича спать, да сбросила съ себя лягушечью кожу — и обернулась душой-дѣвицей Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громкимъ голосомъ: «мамки-няньки! собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкій, бѣлый хлѣбъ, каковъ ѣла я, кушала у родного моего батюшки». На утро проснулся Иванъ-царевичъ, у квакушки хлѣбъ давно готовъ—и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только

въ сказкѣ сказать! Изукрашенъ хлѣбъ разными хитростями, по бокамъ видны города царскіе съ пригородками и съ заставами. Благодарствовалъ царь на томъ хлѣбѣ Ивану-Царевичу и тутъ же отдалъ приказъ тремъ своимъ сыновьямъ: «чтобы жены ваши соткали мнѣ за единую ночь по ковру». Воротился Иванъ-царевичъ невеселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. «Ква-ква, Иванъ-царевичъ! почто такъ кручиненъ сталъ? аль услышалъ отъ отца своего слово жестокое, непривѣтное?—Какъ мнѣ не кручиниться? Государь, мой батюшка, приказалъ за единую ночь соткать ему шелковый коверъ. «Не тужи, царевичъ! ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренѣе!» Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу—и обернулась душой-дѣвицей Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громкимъ голосомъ: «буйные вѣтры, принесите тотъ самый коверъ, на которомъ я сиживала у родного моего батюшки!» Какъ сказано, такъ и сдѣлано. На утро проснулся Иванъ-царевичъ, у квакушки коверъ давно готовъ—и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, развѣ въ сказкѣ сказать. Изукрашенъ коверъ золотомъ, серебромъ, хитрыми узорами. Благодарствовалъ царь на томъ коврѣ Ивану-царевичу и тутъ же отдалъ новый приказъ, чтобы всѣ три царевича явились ка нему на смотръ, вмѣстѣ съ женами. Опять воротился Иванъ-царевичъ не веселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. «Ква-ква, Иванъ-царевичъ! почто кручинишься? аль услышалъ отъ отца своего слово же-

стокое, непривѣтное?»—Какъ мнѣ не кручиниться? Государь, мой батюшка, велѣлъ, чтобы я съ тобой на смотръ приходилъ; а какъ тебя въ люди показать?! «Не тужи, царевичъ! ступай одинъ къ царю въ гости, а я вслѣдъ за тобой буду; какъ услышишь стукъ да громъ—скажи: это моя лягушонка въ коробчонкѣ ѣдетъ». Вотъ старшіе братья явились на смотръ съ своими женами разодѣтыми, разубранными; стоятъ да на Ивана-царевича смѣются: «что-жъ ты, братъ, безъ жены пришелъ? хоть бы въ платочкѣ принесъ! И гдѣ ты этакую красавицу выискалъ? чай, всѣ болота исходилъ?» Вдругъ поднялся великій стукъ да громъ—весь дворецъ затрясся; гости крѣпко напугались, повскакивали съ своихъ мѣстъ и не знаютъ, что имъ дѣлать; а Иванъ-царевичъ и говоритъ: «не бойтесь, господа! это моя лягушонка въ коробчонкѣ пріѣхала». Подлетѣла къ царскому крыльцу золоченая коляска; въ шесть лошадей запряженная, и вышла оттуда Василиса Премудрая—такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браныя. Стали гости ѣсть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила изъ стакана да последки себѣ за лѣвый рукавъ вылила, закусила лебедемъ да косточки за правый рукавъ спрятала. Жены старшихъ царевичей увидали ея хитрости, давай и себѣ тожъ дѣлать. Послѣ, какъ пошла Василиса Премудрая танцовать съ Иваномъ-царевичемъ, махнула лѣвой рукой—сдѣлалось озеро, мах-

нула правой—и поплыли по водѣ бѣлые лебеди; царь и гости диву дивились! А старшія невѣстки пошли танцовать, махнули лѣвыми руками—гостей забрызгали, махнули правыми—кость царю прямо въ глазъ попала! Царь разсердился и прогналъ ихъ нечестно. Тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ улучилъ минуточку, побѣжалъ домой; нашелъ лягушью кожуринку и спалилъ ее въ большомъ огнѣ. Пріѣзжаетъ Василиса Премудрая, хватилась—нѣтъ лягушьей кожурины, пріуныла, запечалилась и говоритъ царевичу: «охъ, Иванъ царевичъ! что же ты надѣлалъ? еслибъ немножко ты подождалъ, я бы вѣчно была твоею; а теперь прощай! ищи меня за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, три пары желѣзныхъ сапогъ износи, три желѣзныя просвиры изгложи!» Обернулась бѣлой лебедью и улетѣла въ окно.

Иванъ-царевичъ горько заплакалъ, помолился Богу на всѣ на четыре стороны, надѣлъ желѣзные сапоги и пошелъ—куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ, и попадается ему навстрѣчу старый старичекъ: «здравствуй, говоритъ, добрый молодецъ! чего ищешь, куда путь держишь? Царевичъ разсказалъ ему свое несчастіе «Эхъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты спалилъ лягушью кожурину? Не ты ее надѣлъ, не тебѣ и снимать было! Василиса Премудрая хитрѣй, мудренѣе своего отца уродилась; онъ за то осерчалъ на нее и велѣлъ ей три года квакушкой быть. Вотъ тебѣ клубокъ, куда онъ покатится—ступай за нимъ смѣло». Иванъ-царевичъ поблагодарствовалъ ста-

рику и пошелъ за клубочкомъ. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли—прикатился клубочекъ къ избушкѣ: стоитъ избушка на куриныхъ ножкахъ, да все повертывается. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила—къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». Избушка повернулась къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ. Царевичъ вошелъ въ избушку, а въ ней лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ вросъ, груди черезъ грядку висятъ, сама зубы точитъ. Говоритъ она сердитымъ голосомъ: «фу-фу-фу! доселева русскаго духу слыхомъ не слыхивано, видомъ не видано, а нынче русскій духъ въ-очью проявляется, въ носъ бросается! Гой еси, Иванъ-царевичъ, зачѣмъ пожаловалъ?»—Ахъ ты, старая хрычевка! ты бы прежде меня, добраго молодца, накормила-напоила, въ банѣ выпарила, да тогда бы вѣстей и спрашивала. Баба-яга накормила его, напоила, въ банѣ выпарила, а царевичъ разсказалъ ей, что ищетъ свою жену Василису Премудрую. «Охъ, дитятко! какъ ты долго не бывалъ! она съ первыхъ-то годовъ часто тебя поминала, а теперь перестала. Ступай скорѣй къ моей средней сестрѣ, та больше моего знаетъ». Иванъ-царевичъ собрался въ путь-дорогу и пошелъ вслѣдъ за клубочкомъ; шелъ-шелъ—и вотъ опять передъ нимъ избушка на куриныхъ ножкахъ. «Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила—къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». Избушка повернулась. Царевичъ вошелъ въ нее, а

тамъ баба-яга, костяная нога. Увидала гостя и говоритъ: «фу-фу-фу! доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видывано, а нынче русскій духъ въ-очью проявляется, въ носъ бросается! Что Иванъ-царевичъ, волею пришелъ али неволею?» Иванъ-царавичъ отвѣчалъ, что сколько волею, а вдвое того—неволею: «ищу Василису Премудрую!»—Жаль тебя, Иванъ-царевичъ, долго ты не бывалъ: Василиса Премудрая совсѣмъ тебя позабыла, хочетъ выходить за другого замужъ. Теперь она живетъ у моей большой сестры, ступай туда скорѣй, да одно помни, какъ войдешь ты въ избу—Василиса Премудрая сейчасъ оборотится веретёнцемъ, а моя сестра станетъ золотыя нитки прясть, на то веретенце навивать. Смотри же, не плошай! унеси у нея веретёнце, переломи его надвое, кончикъ брось позади себя, а корешекъ напередъ—Василиса Премудрая очутится передъ тобою. Пошелъ Иванъ-царевичъ въ дорогу. Шелъ-шелъ, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, три пары желѣзныхъ сапоговъ изношены, три желѣзныя просвиры изглоданы—добрался, наконецъ, до избушки на куриныхъ ножкахъ. «Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила—къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». Избушка повернулась. Царевичъ вошелъ въ нее, а тамъ баба-яга, костяная нога, сидитъ да золото прядетъ, напряла веретено, положила его въ ларчикъ и на ключъ заперла. Иванъ-царевичъ удосужился, унесъ ключъ, открылъ ларчикъ, вынулъ веретено и переломилъ его на двое: кончикъ бро-

силъ позади, а корешекъ напередъ. Въ ту же минуту явилась передъ нимъ Василиса Премудрая: «ахъ, Иванъ-царевичъ! какъ ты долго не бывалъ, я чуть за другого замужъ не вышла!» Тутъ они взялись за руки, сѣли на коверъ-самолетъ и полетѣли въ свое государство; черезъ три дня на четвертый опустился коверъ прямо на царскій дворъ. Царь встрѣтилъ своего сына и невѣску съ великою радостью, задалъ большой пиръ, а послѣ свой кончины назначилъ своимъ наслѣдникомъ Ивана-царевича.

67. Мальчикъ-съ-пальчикъ.

Жилъ себѣ старикъ со старухою. Разъ старуха рубила капусту, задѣла нечаянно по рукѣ и отрубила мизинный палецъ; отрубила и бросила за печку. Вдругъ, послышалось старухѣ—кто-то говоритъ за печкой человѣческимъ голосомъ: «матушка! сними меня отсюдова». Изумилась она, сотворила честный крестъ и спрашиваетъ: «да ты кто таковъ?»—Я твой сынокъ, народился изъ твоего мизинчика. Сняла его старуха, смотритъ—мальчикъ крохотный-крохотный, еле отъ земли видно! и назвала его Мальчикъ-съ-пальчикъ. «А гдѣ мой батюшка?» спрашиваетъ Мальчикъ-съ-пальчикъ.—Поѣхалъ на пашню. «Я къ нему пойду, помогать стану».—Ступай, дитятко!

Пришелъ онъ на пашню: «Богъ въ помочь, батюшка! «Осмотрѣлся старикъ кругомъ: «что за чудо!

говоритъ; гласъ человѣческій слышу, а никого не вижу. Кто таковъ говоритъ со мной?»—Я—твой сынокъ. «Да у меня и дѣтей сроду не бывало!»—Я только что народился на бѣлый свѣтъ; рубила матушка капусту на пироги, отрубила себѣ мизинный палецъ съ руки, бросила за печку—вотъ я и сталъ Мальчикъ-съ-пальчикъ! Пришелъ тебѣ помогать—землю пахать. Садись, батюшка, закуси чѣмъ Богъ послалъ, да отдохни маленько. Обрадовался старикъ, сѣлъ обѣдать; а Мальчикъ-съ-пальчикъ залѣзъ лошади въ ухо и сталъ пахать землю; а напередъ отцу наказалъ: «коли кто будетъ торговать меня, продай смѣло; небось—не пропаду, назадъ домой приду». Вотъ ѣдетъ мимо баринъ, смотритъ и дивуется; конь идетъ, соха оретъ, а человѣка нѣтъ! «Этого, говоритъ, еще видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, чтобъ лошадь сама собой пахала!»—Что ты, развѣ ослѣпъ, отозвался ему старикъ: то у меня сынъ пашетъ. «Продай его мнѣ!»—Нѣтъ, не продамъ; намъ только и радости со старухой, только и утѣхи что онъ! Продай, дѣдушка!» пристаетъ баринъ. «Ну, давай тысячу рублей—твой будетъ!»—Что такъ дорого? «Самъ видишь: мальчикъ малъ, да удалъ, на ногу скоръ, на посылки лёгокъ!» Баринъ заплатилъ тысячу, взялъ мальчика, посадилъ въ карманъ и поѣхалъ домой. А Мальчикъ-съ-пальчикъ напаскудилъ ему въ карманъ, прогрызъ дыру и ушелъ.

Шелъ-шелъ, и пристигла его темная ночь; спрятался онъ подъ былинку, подлѣ самой дороги, ле-

жить себѣ, спать собирается. Идутъ мимо три вора «Здравствуйте, добрые молодцы!» говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ.—«Здорово».—Куда идете? «Къ попу».—Зачѣмъ? «Быковъ воровать».—Возьмите и меня съ собой! «Куда ты годишься? намъ надо такого молодца, чтобы разъ далъ—и духъ вонъ».—Пригожусь и я: въ подворотню пролѣзу да вамъ ворота отопру.—«И то дѣло, пойдемъ съ нами». Вотъ, пришли вчетверомъ къ богатому попу. Мальчикъ-съ-пальчикъ пролѣзъ въ подворотню, отворилъ ворота и говоритъ: «вы, братцы, здѣсь на дворѣ постойте, а я заберусь въ сарай да выберу быка получше и выведу къ вамъ».—Ладно! Забрался онъ въ сарай и кричитъ во всю глотку: «какого быка тащить—бураго али чернаго?»—«Не шуми!—говорятъ ему воры;—тащи какой подъ руку попадется». Мальчикъ-съ-пальчикъ вывелъ имъ быка что ни есть лучшаго; воры пригнали быка въ лѣсъ, зарѣзали, сняли шкуру и стали дѣлить мясо. «Ну, братцы,—говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ,—я возьму себѣ требуху: съ меня и того будетъ». Взялъ требуху и тутъ же залѣзъ въ нее спать—ночь коротать; а воры подѣлили мясо и пошли по домамъ.

Набѣжалъ голодный волкъ и проглотилъ требуху вмѣстѣ съ мальчикомъ; сидитъ онъ въ волчьемъ брюхѣ живой, и горя ему мало! Плохо пришлось сѣрому! Увидитъ онъ стадо, овцы пасутся, пастухъ спитъ, и только-что подкрадется овцу унести—какъ Мальчикъ-съ-пальчикъ и закричитъ во все горло:

«пастухъ, пастухъ, овечій духъ, ты спишь, а волкъ овцу тащитъ!» Пастухъ проснется, бросится на волка съ дубинкою да притравитъ его собаками, а собаки ну его рвать—только клочья летятъ, еле-еле уйдетъ, сердешный! Совсѣмъ отощалъ волкъ, пришлость пропадать съ голоду. «Вылѣзи»! проситъ волкъ.—Довези меня домой къ отцу, къ матери, такъ вылѣзу, говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. Побѣжалъ волкъ въ деревню, вскочилъ прямо къ старику въ избу; Мальчикъ-съ-пальчикъ тотчасъ вылѣзъ изъ волчьяго брюха задомъ, ухватилъ волка за хвостъ и кричитъ: «бейте волка, бейте сѣраго!» Старикъ схватилъ дубинку, старуха другую, и давай бить волка: тутъ его и порѣшили, сняли кожу да сынку тулупъ сдѣлали. И стали они жить поживать, вѣкъ доживать.

68. Лихо одноглазое.

Жилъ одинъ кузнецъ. «Что, говоритъ, я лиха никогда не видалъ. Сказываютъ люди: лихо есть на свѣтѣ; пойду, поищу его». Закусилъ, выпилъ хорошенько и пошелъ искать лихо. Навстрѣчу ему портной. «Здравствуй!» —Здравствуй. «Куда идешь?»—Что, братъ, всѣ говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ, иду искать. «Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ». Вотъ они шли, шли и забрели въ лѣсъ—густой да темный; тутъ

ихъ и ночь пристигла. Куда дѣваться? стали по сторонамъ осматриваться, запримѣтили узенькую дорожку и пошли по ней. Долго ли, коротко ли шли они по этой дорожкѣ,—глядь: передъ ними стоитъ большая изба. «Семъ, говорятъ, зайдемъ въ эту избу». Вошли: въ избѣ пусто, нѣтъ ни души человѣческой! Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ, приходитъ великанка—высокая, худощавая, одноокая баба. «А! говоритъ, у меня гости; здравствуйте, милые!»—Здравствуй, бабушка! мы пришли ночевать къ тебѣ. И хорошо сдѣлали; пригодитесь на ужинъ мнѣ! Кузнецъ и портной перепугались. Баба принесла беремя дровъ, поклала въ печку и затопила. Потомъ ухватила портного, зарѣзала его словно курченка, посадила въ печку и закрыла заслонкою. Когда портной изжарился, она вытащила его изъ печки, съѣла мясо и внутренности и всѣ косточки оглодала. Кузнецъ сидитъ, думу думаетъ: что ему дѣлать, какъ ему быть? Думалъ-думалъ и говоритъ: «бабушка, я кузнецъ».—Что-жъ ты ковать умѣешь? «Да все умѣю».—А ну, скуй мнѣ глазъ. «Хорошо; да есть ли у тебя веревка? Надо тебя покрѣпче связать, а то, пожалуй, не дашься; я бы тебѣ живо сработалъ глазъ». Баба пошла, принесла двѣ веревки: одну потоньше, а другую потолще. Вотъ, кузнецъ связалъ ее сперва тою, что была потоньше. «Ну-ка, бабушка, повернися!» Она повернулась и разорвала веревку. «Нѣтъ, бабушка! эта не годится». Взялъ онъ толстую веревку, да этою веревкою и скрутилъ ее крѣпко-накрѣпко:

«повернись-ка, бабушка!» Баба повернулась--веревка уцѣлѣла, не порвалась. Тогда кузнецъ взялъ шило, разжегъ его до-красна, наставилъ бабѣ на здоровый глазъ, да обухомъ какъ ударитъ по шилу: глазъ лопнулъ, баба вскочила, потянулась изъ всѣхъ силъ—и разорвала веревку; бросилась къ выходу, сѣла на порогѣ: «а, злодѣй, не уйдешь отъ меня!» Вотъ пришли съ поля овцы; баба загнала ихъ въ свою избу, а сама ни на шагъ не отходитъ отъ порога. «Вотъ оно—лихо!» сказалъ про себя кузнецъ, и цѣлую ночь не спалъ—все придумывалъ, какъ бы ему изъ западни вырваться. Поутру стала баба выпускать овецъ. Кузнецъ взялъ тулупъ—вывернулъ шерстью вверхъ, надѣлъ въ рукава и подползъ къ двери на четверенькахъ, словно баранъ. Баба выпускала овецъ не разомъ, а все по одной да по одной: которую схватитъ за спину, ту и выкинетъ за порогъ. Дошелъ чередъ до кузнеца; схватила она его за мохнатый тулупъ и выкинула изъ своей избы. Онъ всталъ и говоритъ: «прощай Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не сдѣлаешь!» А баба въ отвѣтъ: «постой, еще натерпишься, вѣдь, ты не ушелъ!»

Побѣжалъ кузнецъ лѣсомъ по узенькой дорожкѣ, смотритъ,—на деревѣ топорикъ съ золотой ручкою; захотѣлъ себѣ взять. Только что взялъ за этотъ топорикъ, рука и прилипла къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: «вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!» Кузнецъ вынулъ лѣвой рукою ножъ изъ

карманы и давай пилить свою правую руку; отрѣзалъ ее и ушелъ. Воротился въ деревню и сталъ всѣмъ разсказывать, что онъ Лихо видѣлъ. «Вотъ, добрые люди, посмотрите—каково оно: я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего совсѣмъ съѣло!»

69. Горе.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдный, другой богатый. Богачъ переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы; а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки—малъ-мала меньше—плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говоритъ онъ однова своей женѣ: «дай-ка пойду въ городъ, попрошу у брата: не поможетъ ли чѣмъ?» Пришелъ къ богатому: «ахъ, братецъ родимой! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ».—Проработай у меня эту недѣлю, тогда и помогу! Что дѣлать? принялся бѣдный за работу: и дворъ чиститъ, и лошадей холитъ, и воду возитъ, и дрова рубитъ. Черезъ недѣлю даетъ ему богатый одну ковригу хлѣба: «вотъ тебѣ за труды!»—И за то спасибо! сказалъ бѣдный, поклонился и хотѣлъ было домой итти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости и

жену приводи: вѣдь, завтра мои именины».—Эхъ, братецъ! куда мнѣ? самъ знаешь: къ тебѣ придутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтанишкѣ. «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто».—Хорошо, братецъ, приду. Воротился бѣдный домой, отдалъ женѣ ковригу и говоритъ: слушай жена, назавтра насъ съ тобой въ гости звали».—Какъ въ гости? кто звалъ? «Братъ; онъ завтра именинникъ».—Ну, что-жъ! пойдемъ. На утро встали и пошли въ городъ. Пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавку. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и его жену и думать забылъ— ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ-за стола вылазить да хозяина съ хозяюшкой благодарить, и бѣдный тоже—поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ; «давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!»—Эхъ, ты, дуракъ! люди поютъ оттого, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего пѣть вздумалъ? «Ну, все-таки у брата на именинахъ былъ, безъ пѣсенъ мнѣ стыдно итти. Какъ я запою, такъ всякій подумаетъ, что и меня угостили»...—Ну пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышалось ему два голоса; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: «это

ты мнѣ пособляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?»—Что съ тобой? я вовсе и не думала. «Такъ кто-же?»—Не знаю! сказала баба; а ну запой, я послушаю. Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?» Горе отозвалось: «да хозяинъ! это я пособляю».—Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ. «Пойдемъ, хозяинъ! я теперь отъ тебя не отстану». Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: «у меня денегъ нѣту!»—Охъ ты, мужичекъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а начто онъ? Скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку... Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, съ похмелья голова болитъ и опять зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» говоритъ мужикъ. «Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу—съ насъ и довольно! Нечего дѣлатъ, не отбиться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропили вмѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмелиться: мужикъ пропилъ и борону и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ: даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снесъ. Горе опять пристаетъ къ нему: «пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!»—Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана—одинъ оставь,

а другой пропить надобно». Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: «вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: «хозяинъ!»—Что, Горе? «А вотъ что, ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телѣгою». Пошелъ мужикъ къ сосѣду: «дай, проситъ, на времячко пару воловъ съ телѣгою; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю».—На что тебѣ? «Въ лѣсъ за дровами съѣздить».—Ну, возьми; только не великъ возъ накладывай. «И, что ты, кормилецъ!» Привелъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхалъ въ чисто полѣ. «Хозяинъ, спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?»—Какъ не знать! «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему». Пріѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телѣги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣй въ телѣгу». Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телѣгу золотомъ, все изъ ямы повыбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужъ больше ничего не осталось, и говоритъ: «посмотри-ка, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе наклонилось: «гдѣ? я что-то не вижу!»—Да, вонъ въ углу свѣтятся! «Нѣтъ, не вижу».—Полѣзай въ яму, такъ и увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и

накрылъ его камнемъ. «Вотъ этакъ-то лучше будетъ!— сказалъ мужикъ;—не то, коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!» Пріѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду и сталъ думать, какъ бы себя устроить. Купилъ лѣсу, выстроилъ большія хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли,—поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на именины. «Вотъ, что выдумалъ!—сказалъ ему богатый братъ;—у самого ѣсть нечего, а ты еще именины справляешь!»—Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, славу Богу! имѣю не меньше твоего; пріѣжай—увидишь. «Ладно, пріѣду!» На другой день богатый братъ собрался съ женою и поѣхали на именины; смотрятъ, а у бѣднаго-то голыша хоромы новыя, высокія: не у всякаго купца такія есть! Мужикъ угостилъ ихъ, употчевалъ всякими яствами, напоилъ всякими медами и винами. Спрашиваетъ богатый у брата: «скажи, пожалуй, какими судьбами разбогатѣлъ ты?» Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабакѣ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталась, что душа въ тѣлѣ! какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Горя избавился. Завидно стало богатому; дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подниму камень да выпущу Горе—пусть оно до тла разоритъ брата, чтобъ не смѣлъ передо мной своимъ

богатствомъ чваниться! Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подъѣхалъ къ большому камню, своротилъ его въ сторону и наклоняется посмотрѣть, что тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ головы нагнуть, а ужъ Горе вскочило и усѣлось на шею: «а! кричитъ, ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану».—Послушай, Горе!—сказалъ купецъ;—вовсе не я засадилъ тебя подъ камень... «А кто же, какъ не ты?»—Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить. «Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!» Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужъ съ утра за свое принимается, каждый день зоветъ купца опохмелиться; много добра въ кабакъ ушло. «Этакъ не сходно жить!—думаетъ про себя купецъ;—кажись довольно потѣшилъ я Горе, пора бъ и разстаться съ нимъ, да какъ?» Думалъ-думалъ и выдумалъ: пошелъ на широкій дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и накрѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ ступицу. Приходитъ къ Горю: «что ты, Горе, все на боку лежишь?»—А что жъ мнѣ больше дѣлать? «Что дѣлать! пойдемъ на дворъ въ гулючки играть». А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался—Горе сейчасъ его нашло; послѣ того чередъ Горю прятаться: «ну, говоритъ, меня не скоро найдешь! я хоть въ какую щель забьюсь!»—Куда тебѣ!—отвѣчаетъ купецъ;—ты

въ это колесо не влѣзешь, а то—въ щель! «Въ колесо не влѣзу? Смотри-ка, еще какъ спрячусь!» Влѣзло Горе въ колесо; купецъ взялъ да и съ другого конца забилъ въ ступицу дубовый клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ сталъ жить по старому, попрежнему.

70. Двѣ доли.

Жилъ да былъ мужикъ, прижилъ двухъ сыновей и померъ. Задумали братья жениться: старшій взялъ бѣдную, младшій—богатую; а живутъ вмѣстѣ—не дѣлятся. Вотъ начали жены ихъ межъ собой ссориться да вздорить; одна говоритъ: «я за старшимъ братомъ замужемъ, мой верхъ долженъ быть!» А другая: «нѣтъ, мой верхъ: я богаче тебя!» Братья смотрѣли-смотрѣли, видятъ, что жены не ладятъ, раздѣлили отцовское добро поровну и разошлись. У старшаго брата что ни годъ, то дѣти рождаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился. Пока хлѣбъ да деньги были—на дѣтей глядя радовался, а какъ обѣднялъ—и дѣтямъ не радъ! Пошелъ къ меньшему брату: «помоги-де въ бѣдности!» Тотъ наотрѣзъ отказалъ: «живи, какъ самъ знаешь! у меня свои дѣти подрастаютъ». Вотъ, немного погодя, опять пришелъ бѣдный къ богатому: «одолжи, проситъ, хоть на одинъ день лошадь; пахать

не на чемъ!»—Сходи на поле и возьми на одинъ день; да смотри—не замучь! Бѣдный пришелъ на поле и видитъ, что какіе-то люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой!—закричалъ;—сказывайте, что вы за люди?»—А ты что за спросъ? «Да то, что эти лошади моего брата!»—А развѣ не видишь ты, отозвался одинъ изъ пахарей, что я—Счастье твоего брата; онъ пьетъ-гуляетъ, ничего не знаетъ, а мы на него работаемъ. «Куда же мое Счастье дѣвалосъ?» А твое Счастье вонъ тамъ-то подъ кустомъ въ красной рубашкѣ лежитъ; ни днетъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ! «Ладно!—думаетъ мужикъ,—доберусь я до тебя». Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его по боку изо всей силы. Счастье проснулось и спрашиваетъ: «что ты дерешься?»—Еще не такъ прибью! Люди добрые землю пашутъ, а ты безъ просыпу спишь! «А ты, небось, хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? И не думай!»—Что жъ, все будешь подъ кустомъ лежать? Вѣдь, этакъ мнѣ умирать съ голоду придется!» Ну, коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ ты брось крестьянское дѣло да займись торговлею. Я къ вашей работѣ совсѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю».—Займись торговлею!... да было бы на что! Мнѣ ѣстъ нечего, а не то что въ торгъ пускаться. «Ну, хотъ сними съ своей бабы старый сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новый—и тотъ продай! А ужъ я стану тебѣ помогать; ни на шагъ прочь не отойду!»—Хорошо!

Поутру говоритъ бѣднякъ своей женѣ: «ну, жена! собирайся, пойдемъ въ городъ».—Зачѣмъ? «Хочу въ мѣщане приписаться, торговать зачну».—Съ ума что ли спятилъ? дѣтей кормить нечѣмъ, а онъ въ городъ норовитъ! «Не твое дѣло! укладывай все имѣніе, забирай дѣтушекъ, и пойдемъ» Вотъ и собрались. Помолились Богу, стали на глухо запирать свою избушку и послышали, что кто-то горько плачетъ въ избѣ. Хозяинъ спрашиваетъ: «кто тамъ плачетъ?»—Это я—Горе! «О чемъ же ты плачешь?»—Да какъ же мнѣ не плакать? самъ ты уѣзжаешь, а меня здѣсь покидаешь. «Нѣтъ, милое! я тебя съ собой возьму, а здѣсь не покину. Эй, жена! говоритъ, выкидывай изъ сундука свою поклажу». Жена опорожнила сундукъ. «Ну-ка, Горе, полѣзай въ сундукъ!» Горе влѣзло; онъ его заперъ тремя замками; зарылъ сундукъ въ землю и говоритъ: «пропадай ты, проклятое! чтобъ вѣкъ съ тобой не знаться!» Приходитъ бѣдный съ женой и съ дѣтьми въ городъ, нанялъ себѣ квартиру и началъ торговать: взялъ старый женинъ сарафанъ, понесъ на базаръ и продалъ за рубль; на тѣ деньги купилъ новый сарафанъ и продалъ его за два рубля. И вотъ такимъ-то счастливымъ торгомъ, что за всякую вещь двойную цѣну получалъ, разбогатѣлъ онъ въ самое короткое время и записался въ купцы. Услыхалъ про то младшій братъ, пріѣзжаетъ къ нему въ гости и спрашиваетъ: «скажи, пожалуй, какъ это ты ухитрился—изъ нищаго богачемъ сталъ?»—Да просто,—отвѣчаетъ купецъ,—я свое Горе въ сун-

дукъ заперъ да въ землю зарылъ. «Въ какомъ мѣстѣ?» — Въ деревнѣ, на старомъ дворѣ. Младшій братъ чуть не плачетъ отъ зависти; поѣхалъ сейчасъ на деревню, вырылъ сундукъ и выпустилъ оттуда Горе: «ступай, говоритъ, къ моему брату, разори его до послѣдней нитки!» — Нѣтъ, отвѣчаетъ Горе, я лучше къ тебѣ пристану, а къ нему не пойду: — ты добрый человѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ! а тотъ лиходѣй — въ землю упряталъ! Немного прошло времени — разорился завистливый братъ и изъ богатаго мужика сдѣлался голымъ бѣднякомъ.

71. Чортъ и горшечникъ.

Ѣдетъ дорогою горшечникъ; навстрѣчу ему прохожій: «найми, говоритъ, меня въ работники!» — Да умѣешь ли ты горшки дѣлать? «Еще какъ умѣю-то!» Вотъ порядились, ударили по рукамъ и поѣхали вмѣстѣ. Пріѣзжаютъ домой, работникъ и говоритъ: «ну, хозяинъ, приготовь сорокъ возовъ глины, завтра я за работу примусь!» Хозяинъ приготовилъ сорокъ возовъ глины; а работникъ-то былъ самъ нечистый, и наказываетъ онъ горшечнику: «я стану по ночамъ работать, а ты ко мнѣ въ сарай не ходи!» — Отчего такъ? «Ну, да ужъ такъ! Прійдешь — бѣды наживешь!» Наступила темная ночь; какъ разъ въ двѣнадцать часовъ закричалъ нечистый громкимъ голосомъ — и собралось къ нему чертенятъ видимо-невидимо, начали горшки лѣ-

пить, пошелъ громъ, стукъ, хохотъ по всему двору. Хозяинъ не вытерпѣлъ: «дай пойду—посмотрю!» Приходитъ къ сараю, заглянулъ въ щелочку—сидятъ черти на корточкахъ да горшки лѣпятъ; только одинъ хромой не работаетъ, по сторонамъ смотритъ; увидалъ хозяина, схватилъ комъ глины да какъ пуститъ—и попалъ ему прямо въ

глазъ! Окривѣлъ хозяинъ на одинъ глазъ и вернулся въ избу, а въ сараѣ-то гамъ да хохотъ пуще прежняго! На утро говоритъ работникъ: «эй, хозяинъ! ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано». Хозяинъ сосчиталъ—сорокъ тысячъ наработано. «Ну, теперь готовь мнѣ десять саженъ дровъ; въ эту ночь стану обжигать горшки». Ровно въ полночь опять закричалъ нечистый гром-

кимъ голосомъ; сбѣжались къ нему со всѣхъ концовъ чертенята, перебили всѣ горшки, покидали черепье въ печь и давай обжигать. А хозяинъ закрестилъ щелочку и смотритъ: «ну, думаетъ, пропала работа!» На другой день зоветъ его работникъ: «погляди, хорошо ли сдѣлалъ?» Хозяинъ приходитъ и стотритъ—всѣ сорокъ тысячъ горшковъ стоятъ цѣлы, одинъ одного лучше! На третью ночь созвалъ нечистый чертенятъ, раскрасилъ горшки разными цвѣтами и всѣ до послѣдняго на одинъ возъ уклалъ. Дождался хозяинъ базарнаго дня и повезъ горшки въ городъ на продажу, а нечистый приказалъ своимъ чертенятамъ бѣгать по всѣмъ домамъ, по всѣмъ улицамъ да народъ скликать—горшки покупать. Сечасъ повалилъ народъ на базаръ; обступили со всѣхъ сторонъ горшечника и въ полчаса весь товаръ разобрали Пріѣхалъ мужикъ домой и полонъ мѣшокъ денегъ привезъ. «Ну,—говорить нечистый,—давай барыши дѣлить». Подѣлили пополамъ. Чортъ взялъ свою часть, распрощался съ хозяиномъ и пропалъ Черезъ недѣлю поѣхалъ мужикъ съ горшками въ городъ; сколько ни стоялъ онъ на базарѣ, никто не покупаетъ; всѣ обходятъ его мимо да еще всячески ругаютъ: «знаемъ мы твои горшки, старый хрѣнъ! съ виду казисты, а нальешь воды—сейчасъ и развалятся! Нѣтъ, братъ! теперь не надуешь». Перестали брать у него горшки; совсѣмъ обѣднялъ мужикъ, запилъ съ горя и сталъ по кабакамъ валяться.

72. Чортъ и кузнецъ.

Жилъ-былъ старикъ кузнецъ; у него былъ сынъ лѣтъ шести—мальчикъ бойкій и разумный. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда и видитъ: нарисованъ чортъ, да такой страшный—черный, съ рогами и съ хвостомъ. «Ишь какой!» подумалъ онъ, «дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ. Вотъ и нанялъ маляра и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта, точь въточь такого, какого видѣлъ на картинѣ страшнаго суда. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: «здорово, землякъ!» А послѣ разведетъ въ горнѣ огонь и принимается за работу. Жилъ этакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ, потомъ заболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяина, принялся за кузнечное дѣло: только не захотѣлъ онъ уважать чорта, какъ уважалъ его старикъ. Прійдетъ ли по утру въ кузницу—съ нимъ никогда не поздоровается, а вмѣсто ласковаго слова возьметъ самый что ни на есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ чорта прямо въ лобъ раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ—сходитъ онъ въ церковь, поставитъ святымъ по свѣчкѣ; а въ кузницу придетъ—и наплюетъ чорту въ глаза. Прошли цѣлые три года, а онъ все угощаетъ не-

чистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Терпѣлъ, терпѣлъ чортъ, да и вышелъ изъ терпѣнія; невмоготу стало. «Полно, думаетъ, принимать мнѣ отъ него такое наругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю».

Вотъ, обернулся чортъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. «Здравствуй, дядя!»—Здорово. «А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье! буду тебѣ хоть уголья таскать да мѣха раздувать». Кузнецъ тому и радъ: «отчего не взять! вдвоемъ все скорѣй...» Пошелъ чортъ въ науку; пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не можетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотрѣть! Кузнецъ ужъ такъ его полюбилъ, ужъ такъ имъ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ нейдетъ въ кузницу—надѣется на работника: онъ всѣмъ управитъ. Разъ какъ-то не было хозяина дома, а въ кузницѣ оставался одинъ работникъ. Видитъ онъ—ѣдетъ мимо старая барыня, высунулъ голову изъ дверей и давай кричать: «эй, господа! вы пожалуйте сюда; здѣсь новая работа открывается, старые въ молодыхъ передѣлываются«. Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. «Чѣмъ ты это похваляешся? да правду ли? да сумѣешь ли?» спрашиваетъ парня.—Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистый; коли-бъ не умѣлъ, такъ и не взялся бы. «А что стоитъ?» спрашиваетъ барыня.—Да всего пятьсотъ рублей. «Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую». Нечистый взялъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: «сту-

пай, говоритъ, притащи сюда два ушата молока»; а самую барыню схватилъ клещами за ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю дочиста: только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вылилъ ихъ въ кадушку, собралъ всѣ косточки и побросалъ ихъ въ молоко. Глядь— минуты черезъ двѣ выходитъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красивая! Сѣла она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ барину, а тотъ уставилъ на нее глаза и не узнаетъ своей жены. «Что глаза-то выпучилъ? говоритъ барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старый! Сейчасъ же поѣзжай въ кузницу, пускай и тебя перекуютъ въ молодого... а то и знать тебя не хочу!» Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу; смотритъ—нѣту работника; искалъ-искалъ его, спрашивалъ-спрашивалъ—нѣтъ какъ нѣтъ, и слѣдъ простылъ. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Пріѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: «сдѣлай, говоритъ, изъ меня молодого».—Въ умѣ ли ты, баринъ? какъ сдѣлать изъ тебя молодого? Ну, тамъ какъ знаешь!»— Я ничего не знаю. «Врешь, мошенникъ! коли передѣлали мою старуху, передѣлывайте и меня, а то мнѣ житья отъ нея не будетъ...«—Да я твоей барыни и въ глаза не видалъ. «Все равно—твой работникъ видѣлъ. Если онъ сумѣлъ дѣло повершить, такъ ты, старый мастеръ, и подавну дол-

женъ умѣть. Ну, живѣй поворачивайся, не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани». Принужденъ былъ кузнецъ передѣлывать барина. Разспросилъ у кучера, какъ и что дѣлалъ работникъ его съ барыней, и думаетъ: куда ни шло! стану тоже дѣлать: попаду на ладъ—хорошо, не попаду—все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина донага, схватилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горнъ и давай поддувать мѣхами; сжегъ всего въ пепелъ. Послѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко и ждетъ—скоро ли выскочитъ оттуда молодой баринъ. Ждетъ часъ и другой—нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадушку—однѣ косточки плаваютъ, и тѣ обгорѣлыя... А барыня шлетъ пословъ въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдный кузнецъ, что баринъ приказалъ долго жить; поминайте какъ звали! Какъ узнала барыня, что кузнецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. Сказано—сдѣлано. Побѣжали слуги къ кузнецу, схватили его, связали и потащили на висѣлицу. Вдругъ, нагоняетъ ихъ тотъ самый парень, что у кузнеца жилъ въ работникахъ, и спрашиваетъ: «куда ведутъ тебя, хозяинъ?»—Хотятъ повѣсить, отвѣчалъ кузнецъ, и тутъ же разсказалъ все, что съ нимъ сталось. «Ну, дядя! молвилъ нечистый, поклянись, что никогда не будешь бить меня своимъ молотомъ, а станешь ко мнѣ такую же честь держать, какую твой отецъ держалъ,—и баринъ сейчасъ

будетъ живъ и молодъ». Кузнецъ забожился, заклялся, что никогда не подыметъ на него молота, а станетъ отдавать ему всякую почесть. Тутъ работникъ побѣжалъ въ кузницу и наскоро воротился оттуда вмѣстѣ съ бариномъ: «стой, кричитъ слугамъ, не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!» Они сейчасъ развязали веревки и отпустили кузнеца на всѣ четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать на чорта и бить его молотомъ; работникъ его скрылся и больше на глаза не показывался, а баринъ съ барыней стали жить да поживать да добра наживать и теперь еще живутъ, коли не умерли.

73. Горшеня.

Горшеня ѣдетъ-дремлетъ съ горшками. Догналъ его государь Иванъ Васильевичъ. «Миръ по дорогѣ!» Горшеня оглянулся. «Знать вздремалъ?» — Вздремалъ великій государь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ. «Экой ты смѣлый, горшеня! люблю этакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься? — Съ измолоду, да вотъ и середовой сталъ. «Кормишь дѣтей?» — Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьетъ». Хорошо, горшеня, но все-таки на свѣтѣ не безъ худа». — Да, ва-

ше царское величество! на свѣтѣ есть три худа. «А какія три худа, горшенюшка?—Первое худо: худой сосѣдъ, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разумъ. «А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?»—Отъ худого сосѣда уйду, и отъ худой жены уйду, а отъ худого разума не уйдешь—все съ тобой! «Такъ, вѣрно, горшеня! ты мозговъ. Слушай же: ты для меня, а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!»—Годится, такъ покину; какъ придетъ!... а то и наголо. «Ну, горшеня, постой на часъ! я погляжу твою посуду». Горшеня остановился, началъ раскладывать товаръ. Государь поглядѣлъ и показались ему три глиняныхъ тарелочки. «Ты надѣлаешь мнѣ этакихъ?»—Сколько угодно вашему царскому величеству? «Возовъ десятокъ надо».—На много ли дашь сроку? «Мѣсяцъ».—Можно и въ двѣ недѣли поставить. Я для тебя, ты для меня! «Спасибо, горшенюшка!»—А ты, государь, гдѣ будешь въ то время, какъ я привезу товаръ въ городъ? «Буду въ дому у купца въ гостяхъ». Государь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ пирахъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончилъ заказъ царскій и превезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говоритъ ему: «продай мнѣ весь товаръ».—Нельзя: по заказу. «А что тебѣ! ты бери деньги; не повинятъ изъ того, коли не

взялъ задатку подъ работу. Ну, что возьмешь?»—А вотъ что: каждую посудину насыпать полну денегъ. «Полно, горшенюшка, много!»—Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать; хочешь? И сладили. Насыпаютъ да насыпаютъ, сыпали, сыпали... денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ—товару все много. «Какъ быть, горшенюшка?»—Пожалуй, я тебя уважу! знаешь ли что? свези меня на себѣ—отдамъ тебѣ и товаръ, и всѣ деньги. Бояринъ мялся, мялся—жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего—сладили. Выпрягли лошадь—сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; въ спорѣ дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, бояринъ везетъ да везетъ. «До коихъ же мѣстъ везти тебя?»—Вотъ до этого двора и до этого дому. Весело поетъ горшеня, противъ дома онъ высоко поднялъ. Государь услыхалъ, выбѣжалъ на крыльцо—призналъ горшеню. «Ба! здравствуй, горшенюшка, съ пріѣздомъ!»—Благодарю, ваше царское величество. «Да на чемъ ты ѣдешь?»—На худомъ разумѣ, государь. «Ну, мозголовъ, горшеня! умѣлъ товаръ продать; немного послужилъ, да много удружилъ! Бояринъ! скидай свою строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, скидай свой кафтанъ и разувай лапти; горшеня пусть нарядится въ боярское платье, а ты, бояринъ, обувайся въ лапти и въ мужицкій кафтанъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси?»—Прилетали. «Перышки ощипалъ, а по правильному покинулъ»?—Нѣтъ, великій государь, наголо ощипалъ!

74 Мудрые отвѣты.

Служилъ солдатъ въ полку цѣлые двадцать-пять лѣтъ, а царя въ лицо не видалъ. Пришелъ домой; стали его спрашивать про царя, а онъ не знаетъ, что и сказать-то. Вотъ и начали его корить родичи да знакомцы: «вишь, говорятъ, двадцать-пять лѣтъ прослужилъ, а царя въ глаза не видалъ!» Обидно это ему показалось; собрался и пошелъ царя смотрѣть. Пришелъ во дворецъ. Царь спрашиваетъ: «зачѣмъ, солдатъ?»—Такъ и такъ, ваше царское величество! служилъ я тебѣ да Богу цѣлые двадцать-пять лѣтъ, а тебя въ лицо не видалъ; пришелъ смотрѣть. «Ну, смотри!» Солдатъ три раза обошелъ кругомъ царя, все оглядывалъ. Царь спрашиваетъ: «хорошъ ли я?»—Хорошъ, отвѣчаетъ солдатъ». Ну, теперь, служивый, скажи: высоко ли небо отъ земли?—Столь высоко, что тамъ стукнетъ, а здѣсь слышно. «А широка ли земля?»—Вонъ тамъ солнце восходитъ, а тамъ заходитъ—столь широка!» А глубока ли земля?»—Да былъ у меня дѣдъ, умеръ тому назадъ съ девяносто лѣтъ, зарыли въ землю, съ тѣхъ поръ и домой не бывалъ: вѣрно, глубока!.. Царь отослалъ солдата въ темницу и наказалъ ему:» не плошай, служба! я пошлю къ тебѣ тридцать гусей: умѣй по перу выдернуть».—Ладно! Призвалъ царь тридцать богатыхъ купцовъ и загадалъ имъ тѣ-же загадки, что и солдату загадывалъ; они думали-думали, не смогли отвѣту

дать, и велѣлъ ихъ царь посадить въ темницу. Спрашиваетъ ихъ солдатъ: «купцы-молодцы! васъ за что посадили?»—Да, вишь, государь насъ допрашивалъ: далеко ли небо отъ земли? и сколь земля широка? и сколь она глубока? а мы—люди тёмные, не могли отвѣту дать. «Дайте мнѣ каждый по тысячѣ рублей—я вамъ правду скажу».—Изволь, братъ! только научи. Взялъ съ нихъ солдатъ по тысячи и научилъ, какъ отгадать царскія загадки. Дня черезъ два призвалъ царь къ себѣ и купцовъ, и солдата; задалъ купцамъ тѣ же самыя загадки, и какъ скоро они отгадали—отпустилъ ихъ по своимъ мѣстамъ.

«Ну, служба! сумѣлъ по перу сдернуть?»—Сумѣлъ, царь-государь, да еще по золотому! «А далеко ль тебѣ до дому?—Отсюда не видно—далеко стало-быть! «Вотъ тебѣ тысячу рублей; ступай съ Богомъ!» Воротился солдатъ домой и зажилъ себѣ привольно, богато.

75. Дочь-семилѣтка.

Ѣхали два брата: одинъ бѣдный, другой богатый; у обоихъ по лошади; у бѣднаго кобыла—у богатаго меринъ. Остановились они на ночлегъ

рядомъ. У бѣднаго кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенокъ подкатился подъ телѣгу богатаго. Будитъ онъ на утрѣ бѣднаго: «вставай, братъ! у меня телѣга ночью жеребенка родила». Братъ встаетъ и говоритъ: «какъ можно, чтобъ телѣга жеребенка родила! это моя кобыла принесла». Богатый говоритъ: «кабы твоя кобыла принесла, жеребенокъ бы подлѣ былъ!» Поспорили они и пошли до начальства; богатый дарилъ судей деньгами, а бѣдный словами оправдывался. Дошло дѣло до самого царя. Велѣлъ онъ призвать обоихъ братьевъ и загадалъ имъ четыре загадки: «что всего въ свѣтѣ сильнѣе и быстрѣе? что всего въ свѣтѣ жирнѣе? что всего мягче? и что всего милѣе? и положилъ имъ сроку три дня: «на четвертый проходите, отвѣтъ дайте!» Богатый подумалъ-подумалъ, вспомнилъ про свою куму и пошелъ у ней совѣта просить. Она посадила его за столъ, стала угощать; а сама спрашиваетъ: «что такъ печаленъ, куманекъ?» — Да загадалъ мнѣ государь четыре загадки, а сроку всего три дня положилъ. «Что такое? скажи мнѣ». — А вотъ что, кума! первая загадка: что всего въ свѣтѣ сильнѣе и быстрѣе? «Экая загадка! у моего мужа карая кобыла есть; нѣтъ ея быстрѣе! коли кнутомъ пріударишь — зайца догонитъ». — Вторая загадка: что всего въ свѣтѣ жирнѣе? «У насъ другой годъ рябой боровъ кормится; такой жирный сталъ, что на ноги не подымается!» — Третья загадка: что всего на свѣтѣ мягче? «Извѣстное дѣло — пуховикъ: ужъ мягче не выдумаешь!» — Четвертая за-

гадка: что всего въ свѣтѣ милѣе? «Милѣе всего внучекъ Иванушка!» — Спасибо тебѣ, кума! научила уму-разуму, по вѣкъ не забуду. А бѣдный братъ залился горькими слезами и пошелъ домой; встрѣчаетъ его дочь-семилѣтка: «о чемъ ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?» — Какъ же мнѣ не вздыхать, какъ слезъ не ронить? задалъ мнѣ царь четыре загадки, которыя мнѣ и въ жизнь не разгадать. «Скажи мнѣ, какія загадки?» — А вотъ какія, дочка: что всего въ свѣтѣ сильнѣе и быстрѣе, что всего жирнѣе, что всего мягче и что всего милѣе? «Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнѣе и быстрѣе всего вѣтеръ; жирнѣе всего земля: что ни растетъ, что ни живетъ — земля питаетъ! мягче всего рука: на что человѣкъ ни ляжетъ, а все руку подъ голову кладетъ; а милѣе сна нѣтъ ничего на свѣтѣ!» Пришли къ царю оба брата: и богатый, и бѣдный. Выслушалъ ихъ царь, и спрашиваетъ бѣднаго: «самъ ли ты дошелъ, или кто тебя научилъ?» Отвѣчаетъ бѣдный: «ваше царское величество! есть у меня дочь-семилѣтка, она меня научила». — Когда дочь твоя мудра, вотъ ей ниточка шелковая; пусть къ утру соткутъ мнѣ полотенце узорчатое. Мужикъ взялъ шелковую ниточку, приходитъ домой кручинный, печальный: «бѣда наша! говоритъ дочери; царь приказалъ изъ этой ниточки соткать полотенце». — Не кручинься, батюшка! отвѣчала семилѣтка, отломила прутикъ отъ вѣника, подаетъ отцу и наказываетъ: «поди къ царю, скажи, чтобъ нашелъ такого мастера, кото-

рый бы сдѣлалъ изъ этого прутика кросны: было бы на чемъ полотенце ткать!» Мужикъ доложилъ про то царю. Царь даетъ ему полтараста яицъ: «отдай, говоритъ, своей дочери; пусть къ завтрому выведетъ мнѣ полтораста цыплятъ». Воротился мужикъ домой еще кручинѣе, еще печальнѣе: «ахъ, дочка! отъ одной бѣды увернешься, другая навяжется!»— Не кручинься, батюшка! отвѣчала семилѣтка, попекла яйца и припрятала къ обѣду да къ ужину, а отца посылаетъ къ царю: «скажи ему, что цыплятамъ на кормъ нужно одноденное пшено: въ одинъ бы день было поле вспахано, просо засѣяно, сжато и обмолочено; другого пшена наши цыплята и клевать не станутъ!» Царь выслушалъ и говоритъ: «когда дочь твоя мудра, пусть на утро сама ко мнѣ явится—ни пѣшкомъ, ни на лошади; ни голая, ни одѣтая; ни съ гостинцемъ, ни безъ подарочка».—Ну, думаетъ мужикъ, такой хитрой задачи и дочь не разрѣшитъ; пришло совсѣмъ пропадать! «Не кручинься, батюшка! сказала ему дочь-семилѣтка; ступай-ка къ охотникамъ, да купи мнѣ живого зайца да живую перепелку». Отецъ пошелъ и купилъ ей зайца и перепелку. На другой день поутру сбросила семилѣтка всю одежду, надѣла на себя сѣтку, въ руки взяла перепелку, сѣла верхомъ на зайца и поѣхала во дворецъ. Царь ее у воротъ встрѣчаетъ. Поклонилась она царю: «вотъ тебѣ, государь, подарочекъ!» и подаетъ ему перепелку. Царь протянулъ было руку, перепелка порхъ и улетѣла! «Хорошо, говорить царь; какъ прика-

залъ—такъ и сдѣлала. Скажи мнѣ теперь: «вѣдь, твой отецъ бѣденъ, чѣмъ вы кормитесь?»—Отецъ мой на сухомъ берегу рыбу ловитъ, ловушекъ въ воду не ставитъ; а я подоломъ рыбу ношу да уху варю. «Что ты, глупая, когда рыба на сухомъ берегу живетъ? рыба въ водѣ плаваетъ!»—А ты уменъ? когда видано, чтобы телѣга жеребенка принесла? Царь присудилъ отдать жеребенка бѣдному мужику, а дочь его взялъ къ себѣ; когда семилѣтка выросла, онъ женился на ней, и стала она царицею.

76. Гуси.

Жилъ былъ бѣдный мужикъ; дѣтей много, а добра—всего одинъ гусь. Долго берегъ онъ этого гуся, да голодъ не тетка! до того дошло, что ѣсть нечего; вотъ мужикъ и зарѣзалъ гуся; зарѣзалъ зажарилъ и на столъ поставилъ. Все бы хорошо, да хлѣба нѣтъ, а соли не бывало. Говоритъ хозяинъ своей женѣ: «какъ станемъ мы ѣсть безъ хлѣба, безъ соли? Лучше я отнесу гуся къ барину на поклонъ да попрошу у него хлѣба».—Ну, что жъ, съ Богомъ! Приходитъ къ барину: «принесъ вашей милости гуська на поклонъ; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не побрезгай, родимый!»—Спасибо, мужичекъ, спасибо! раздѣли же ты гуся промежъ насъ безъ обиды. А у того барина была жена да два сына, да двѣ дочери—всего было шестеро. Подали мужику ножъ; сталъ онъ кроить,

гуся дѣлить. Отрѣзалъ голову и даетъ барину: «ты, говоритъ, всему въ домѣ голова, такъ тебѣ голова и слѣдуетъ». Отрѣзалъ гузку, даетъ барынѣ: «тебѣ дома сидѣть, за домомъ смотрѣть, вотъ тебѣ гузка!» Отрѣзалъ ноги даетъ сыновьямъ: «а вамъ по ножкѣ, топтать отцовскія дорожки!» Дочерямъ далъ по крылушку: «вамъ съ отцомъ, съ матерью не долго жить; выростите — прочь улетите. А я, говоритъ мужикъ, глупъ, мнѣ глодать хлупъ!» Такъ всего гуся и выгадалъ себѣ. Баринъ засмѣялся, напоилъ мужика виномъ, наградилъ хлѣбомъ и отпустилъ домой.

Услыхалъ про то богатый мужикъ, позавидовалъ бѣдному, взялъ, зажарилъ пятерыхъ гусей и понесъ къ барину. «Что тебѣ, мужичекъ?» спрашиваетъ баринъ.—Да вотъ принесъ къ вашей милости гуськовъ на поклонъ. «Спасибо, братецъ! ну-ка раздѣли промежъ насъ безъ обиды». Мужикъ и такъ, и сякъ; нѣтъ, не раздѣлишь поровну! стоитъ да въ затылкѣ почесываетъ. Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ, велѣлъ ему дѣлить. Тотъ взялъ одного гуся, отдалъ барину съ барыней и говоритъ: «вы теперь, сударь, самъ третей!» Отдалъ другого гуся двумъ сыновьямъ, а третьяго—двумъ дочерямъ: «и вы теперь самъ третей!» Остальную пару гусей взялъ себѣ: «вотъ и я самъ третей!» Баринъ говоритъ: «вотъ молодецъ, такъ молодецъ! сумѣлъ всѣмъ поровну раздѣлить и себя не забылъ». Тутъ наградилъ онъ бѣднаго мужика своею казною, а богатаго выгналъ вонъ.

77. Солдатскія проказы.

Пришелъ солдатъ съ похода на квартиру и говоритъ хозяйкѣ: «здравствуй, Божья старушка! дай-ка мнѣ чего-нибудь поѣсть». А старуха въ отвѣтъ: вотъ тамъ на гвоздикѣ повѣсь». —Аль ты совсѣмъ глуха, что не чуешь? «Гдѣ хошь, тамъ и заночуешь».—Ахъ ты, старая вѣдьма, я тѐ глухоту вылѣчу — и полѣзъ-было съ кулаками: подавай на столъ! «Да нечего, родимый!»—Вари кашицу! «Да нѐ изъ чего, родимый!»—Давай топоръ, я изъ топора сварю. «Что за диво!—думаетъ баба;—дай посмотрю, какъ изъ топора солдатъ кашицу сваритъ». Принесла ему топоръ; солдатъ взялъ, положилъ его въ горшокъ, налилъ воды и давай варить. Варилъ-варилъ, попробовалъ и говоритъ: «всѣмъ бы кашица взяла, только-бъ малую толику крупъ подсыпать!» Баба принесла ему крупъ. Опять варилъ-варилъ, попробовалъ и говоритъ: «совсѣмъ бы готово только-бъ масломъ сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдатъ сварилъ кашицу: «ну, старуха, теперь подавай хлѣбъ да соли да принимайся за ложку; станемъ кашицу ѣсть». Похлебали вдвоемъ кашицу. Старуха спрашиваетъ: «служивый! когда же топоръ будемъ ѣсть?»—Да, вишь, онъ еще не уварился, отвѣчалъ солдатъ: гдѣ-нибудь на дорогѣ доварю да позавтракаю. Тотчасъ припряталъ топоръ въ ранецъ, распростился съ хозяйкою и пошелъ въ иную деревню.

Дѣло было весною. Вынесли бабы холсты бѣлить. «Ну, говорятъ, теперь надо смотрѣть да смотрѣть, какъ бы кто холстовъ не стибрилъ!»—У меня все будетъ цѣло!—стала похваляться одна старушка;—кто къ моимъ холстамъ только руку протянетъ, тотъ съ мѣста не встанетъ! Похвальныя рѣчи завсегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! бывало, у людей кровь заговариваетъ, а у себя и носа утереть не сможетъ. Вотъ, разостлала она по полю холсты и усѣлась сторожить. Проходили мимо двое солдатъ и вздумали поживиться чужимъ добромъ. «Слушай, товарищъ!—говоритъ одинъ; ты залѣзь въ кусты да смотри, не зѣвай! а я пойду, стану съ бабой лясы точить». Сказано—сдѣлано. Подошелъ солдатъ къ старухѣ: «здравствуй, бабушка!»—Здорово, батюшка! куда тебя Господь несетъ? «Иду къ начальству за тѣмъ, за сѣмъ, больше ни за чѣмъ».—И-и, родимый, служба-то ваша куда мудрена! «А я, бабушка, къ тебѣ съ запросомъ; вижу: ты—человѣкъ старый! разрѣши-ка нашъ солдатскій споръ. Товарищи мои говорятъ, что въ нашей сторонѣ совсѣмъ не такъ звонятъ, какъ у васъ; я говорю, что все равно».—Вѣстимо, все равно: небось, и у васъ колокола-то мѣдные! «То-то! прозвони-ка, бабушка, по-вашему».—По нашему: тинь-тинь-тинь! донъ-донъ! тинь-тинь-тинь! донъ-донъ! «Немного разницы! у насъ, бабушка, звонятъ порѣже». Тутъ сол-

датъ махнулъ своему товарищу рукою и зазвонилъ; «ти(я)ни-тини, потягивай! тини-тини, потягивай!» Старуха и ротъ разинула; пока она слушала, другой солдатъ стянулъ холстъ—и былъ таковъ. «Ну, служивый!—говоритъ старуха, а сама такъ и заливается со смѣху; звоны-то ваши куда чудны! дóсыта насмѣешься!»—А вотъ ужó такъ дóсыта наплачешься! Прощай, бабушка. «Съ Ботомъ, родимый!» Вечеромъ стали бабы холсты считать; у старухи нѣтъ одного. Заплакала она горькими слезами и наплакалась дóсыта: правду сказалъ солдатъ.

Шли солдаты прохожіе, остановились у старушки на отдыхъ. Попросили они попить да поѣсть, а старуха отзывается: «дѣтоньки! чѣмъ же я васъ буду потчевать? у меня ничего нѣту». А у ней въ печи былъ вареный пѣтухъ—въ горшкѣ, подъ сковородой. Солдаты это дѣло смекнули; одинъ—вороватый былъ!—вышелъ на дворъ, раздергалъ возъ со снопами, воротился въ избу и говоритъ: «бабушка, а бабушка! посмотри-ка, скотъ у тебя хлѣбъ ѣстъ». Старуха на дворъ, а солдаты тѣмъ времячкомъ заглянули въ печь, вынули изъ горшка пѣтуха, на его мѣсто положили старый лапоть, а пѣтуха въ суму спрятали. Пришла старуха: «дѣтоньки, миленьки! не вы ли скотъ выпустили?» Солдаты помолчали-помолчали да опять

просятъ: «дай же, бабушка, поѣсть намъ»!—Возьмите, дѣтоньки, кваску, да ломотикъ хлѣба; будетъ съ васъ! И вздумала старуха похвалиться, что провела ихъ, и загадала загадку: «а что, дѣтоньки! вы люди бывалые, всего видали; скажите-ка мнѣ: нынѣ въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сковороднымъ, здравствуетъ ли Курyханъ Курухановичъ?»—Нѣтъ, бабушка! «А кто же, дѣтоньки, вмѣсто его?» —Да Плетуханъ Плетухановичъ!—«А гдѣ же Куруханъ Курухановичъ?»—Да въ Суминъ-городъ переведенъ, бабушка! Послѣ того солдаты ушли. Пріѣзжаетъ сынъ съ поля, проситъ ѣсть у старухи, а она ему: «поди-ка сынокъ! были у меня солдаты да просили закусить, а я имъ, дитятко, загадала загадочку про пѣтуха, что у меня въ печи; только они отгадать не сумѣли».—Да какую ты, матушка, загадала имъ загадку? «А вотъ какую: въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сковороднымъ, здравствуетъ ли Куруханъ Курухановичъ? Они не отгадали; нѣтъ, говорятъ, бабушка. Гдѣ же онъ, родимые? Да въ Суминъ-городъ переведенъ. А того, дураки, и не знаютъ, что у меня въ горшкѣ-то есть!» Заглянула въ печь, анъ, пѣтухъ-то улетѣлъ; только лапоть вытащила. «Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!»—То-то, матушка! солдата не проведешь, онъ—человѣкъ бывалый.

78. Вороватый мужикъ.

Жила-была старуха, у ней было два сына: одинъ-то померъ, а другой въ дальнюю сторону уѣхалъ. Дня три спустя, какъ уѣхалъ сынъ, приходитъ къ ней солдатъ и просится: «бабушка, пусти ночевать».—Иди, родимый! да ты откудова? «Я, бабушка, Никонецъ, съ того свѣта выходецъ».—Ахъ, золотой мой! у меня сыночекъ померъ; не видалъ ли ты его? «Какъ же! видѣлъ; мы съ нимъ въ одной горницѣ жили».—Что ты?! «Онъ, бабушка, на томъ свѣтѣ журавлей пасетъ».—Ахъ, родненькій! чай, онъ съ ними замаялся? «Еще какъ замаялся! вѣдь журавли-то, бабушка, все по шиповнику бродятъ».—Чай, онъ обносился? «Еще какъ обносился-то! совсѣмъ въ лохмотьяхъ.»—Есть у меня, родимый, аршинъ сорокъ холста да рублевъ съ десятокъ денегъ, отнеси къ сыну. «Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли, пріѣзжаетъ сынъ: «здравствуй, матушка!»—А ко мнѣ безъ тебя приходилъ Никонецъ, съ того свѣта выходецъ, про покойнаго сына сказывалъ: они вмѣстѣ въ одной горницѣ жили; я услала съ нимъ холстикъ да десять рублевъ денегъ. «Коли такъ, говоритъ сынъ, прощай, матушка! я пущусь по вольному свѣту: когда найду кого простоватѣе, буду тебя и кормить, и поить, а не найду—и домой не ворочусь!» Повернулся и пошелъ въ путь-дорогу.

Приходитъ въ господскую деревню, остановился

возлѣ барскаго двора, а на дворѣ ходитъ свинья съ поросятами; вотъ мужикъ сталъ на колѣни и кланяется свиньѣ въ землю. Увидала то изъ окна барыня и говоритъ дѣвкѣ: «ступай, спроси, чего мужикъ кланяется?» Спрашиваетъ дѣвка: «мужичекъ! чего ты на колѣняхъ стоишь да свиньѣ поклоны бьешь?»—Матушка! доложи барынькѣ, что свинья ваша пестра, моей женѣ сестра, а у меня сынъ завтра женится; такъ на свадьбу прошу. Не отпуститъ ли свинью въ свахи, а поросятъ въ поѣздъ? Барыня, какъ выслушала эти рѣчи, и говоритъ дѣвкѣ: «какой дуракъ! проситъ свинью на свадьбу, да еще съ поросятами. Ну, что жъ! пусть съ него люди посмѣются. Наряди поскорѣй свинью въ мою шубу да вели запречь въ повозку пару лошадей; пусть не пѣшкомъ идетъ на свадьбу». Запрягли повозку, посадили въ нее наряженную свинью съ поросятами и отдали мужику; онъ сѣлъ и поѣхалъ назадъ. Вотъ воротился домой баринъ, а былъ онъ въ то время на охотѣ. Барыня его встрѣчаетъ, сама со смѣху помираетъ: «ахъ, душенька! не было тебя, не съ кѣмъ было посмѣяться. Былъ здѣсь мужичекъ, кланялся нашей свиньѣ: ваша свинья, говорилъ, пестра—моей женѣ сестра, и просилъ ее къ своему сыну въ свахи, а поросятъ въ поѣзжане».—Я знаю, говоритъ баринъ, ты ее отдала. «Отпустила, душенька! нарядила въ свою шубу и дала повозку съ парою лошадей».—Да откуда мужикъ-то? «Не знаю, голубчикъ»!—Это выходитъ: не мужикъ—дуракъ, а ты—дура! Разсердился ба-

ринъ, что жену обманули, выбѣжалъ изъ хоромъ, сѣлъ на иноходца и поскакалъ въ погоню. Слышитъ мужикъ, что баринъ его нагоняетъ, завелъ лошадей съ повозкою въ густой лѣсъ, а самъ снялъ съ головы шляпу, опрокинулъ наземь и сѣлъ возлѣ. «Эй ты, борода! закричалъ баринъ, не видалъ ли— не проѣхалъ ли здѣсь мужикъ на парѣ лошадей? еще у него свинья съ поросятами въ повозкѣ».—Какъ не видать! ужъ онъ давно проѣхалъ. «Въ какую сторону? какъ бы мнѣ его догнать?»—Догнать— не устать, да повертокъ много; того и смотри заплутаешься. Тебѣ, чай дороги невѣдомы? «Поѣзжай, братецъ, ты! поймай мнѣ этого мужика!»— Нѣтъ, баринъ, мнѣ никакъ нельзя! у меня подъ шляпой соколъ сидитъ. «Ничего, я постерегу твоего сокола».—Смотри, еще выпустишь? Птица— дорогая, меня хозяинъ тогда со свѣта сживетъ. «А что она стоитъ?»—Да рублевъ триста будетъ. «Ну, коли упущу, такъ заплачу».—Нѣтъ, баринъ! хоть теперь ты сулишь, а что послѣ будетъ—не вѣдаю! «Экой невѣра! ну, вотъ тебѣ триста рублей про всякій случай». Мужикъ взялъ деньги, сѣлъ на иноходца и поскакалъ въ лѣсъ, а баринъ остался пустую шляпу караулить. Долго ждалъ баринъ; ужъ и солнышко закатывается, а мужика нѣтъ, какъ нѣтъ! «Постой, посмотрю: есть ли подъ шляпою соколъ? коли есть, такъ пріѣдетъ, а коли нѣтъ, такъ и ждать нечего!» Поднялъ шляпу, а сокола и не бывало! «Экій мерзавецъ! вѣдь, навѣрно, это былъ тотъ самый мужикъ, что барыню обманулъ!» Плюнулъ

съ досады баринъ и поплелся къ женѣ; а мужикъ ужъ давно дома: «ну, матушка! говоритъ старухѣ, живи у меня; на свѣтѣ не безъ глупыхъ людей. Вотъ ни за̀ что, ни про̀ что дали тройку лошадей съ повозкою, триста рублей денегъ, да свинью съ просятами».

79. Морока.

Пришелъ къ старику солдатъ: «пусти ночевать!» —Иди, служба! только, чуръ, всю ночь разсказывать; вѣдь, ты человѣкъ бывалый, много видѣлъ, много знаешь! «А что тебѣ сказыватъ: быль, али нѐбыль?»—Сказывай бывальщину. Солдатъ разсказалъ про свое житье-бытье, гдѣ бывалъ и что видалъ: говорить-то больше нечего, а хозяинъ все не спитъ. Постой, думаетъ, отведу ему глаза! «Хозяинъ, а хозяинъ! знаешь ли, кто съ тобою на полатяхъ лежитъ?»—Кто! вѣстимо—солдатъ. «Нѣтъ, братъ, не узналъ; пощупай-ка рукою». Старикъ ухватилъ его рукою—какъ есть волкъ лежитъ! и крѣпко онъ испугался. Да ты меня не бойся; посмотри на себя: вѣдь и ты, братъ, такой же звѣрь, какъ я!». Старикъ ощупалъ себя—кругомъ медвѣжьей шерстью обросъ!» Слушай, хозяинъ! говоритъ солдатъ; намъ теперь лежать на полатяхъ не приходится: чего добраго, какъ увидитъ насъ народъ да признаетъ за настоящихъ звѣрей—тогда не миновать смерти! Лучше до поры до времени убраться съ Богомъ»... И побѣжали они въ

чистое поле. Увидалъ волкъ старикову кобылу и говоритъ: «давай, съѣдимъ кобылу!»—Нѣтъ, вѣдь, это моя кобыла! «Ну, да вѣдь голодъ не тетка!» Съѣли они кобылу и опять побѣжали; увидали старуху, старикову-то жену,—волкъ опять говоритъ: «давай, съѣдимъ старуху!»—Ой, да, вѣдь, это моя старуха! отвѣчаетъ медвѣдь. «Какая твоя?» Съѣли и старуху. Такъ-то медвѣдь съ волкомъ лѣто цѣлое пробѣгали; настаетъ зима. «Давай, говоритъ волкъ, засядемъ въ берлогу; ты полѣзай дальше, а я напередъ сяду. Коли найдутъ насъ охотники, такъ меня перваго застрѣлятъ; а ты смотри, какъ меня убьютъ, начнутъ кожу сдирать,—ты выбѣги, да черезъ кожу-то переметнись и обернешься опять человѣкомъ». Вотъ лежатъ они въ берлогѣ; набрели на нихъ охотники, сейчасъ застрѣлили волка и начали снимать съ него кожу. Въ то самое время медвѣдь какъ выскочитъ, да кувыркъ черезъ волчью шкуру—и полетѣлъ старикъ съ полатей внизъ головою. Ой, ой! заревѣлъ онъ, всю спину отбилъ!» Старуха спрашиваетъ: «Что ты, старичекъ? почто палъ! кажись, пьянъ не былъ».—Да вотъ почто! и началъ разсказывать: ты вѣдь ничего не знаешь, а мы съ солдатомъ звѣрьемъ были: онъ—волкомъ, а я—медвѣдемъ; цѣлое лѣто да зиму пробѣгали, и кобылу нашу съѣли, и тебя, старую, съѣли! Солдатъ слушаетъ да хохочетъ. «А ты, служивый, развѣ на полатяхъ лежишь?»—А гдѣ-жъ? Ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что меня охотники убили?!

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ матросъ; служилъ царю вѣрно, велъ себя честно, потому и начальство его знало. Отправился онъ разъ съ корабля походить по городу, надѣлъ свой парусинникъ и пошелъ въ трактиръ; сѣлъ за столъ и потребовалъ себѣ вина и закусокъ: ѣсть, пьетъ, прохлаждается! ужъ рублей на десять забралъ, а все не унимается; то того, то другого спрашиваетъ. «Послушай, служба! говоритъ ему половой; забираешь ты много, а есть ли у тебя чѣмъ разсчитаться?»—Эхъ, братецъ! о деньгахъ что ли сомнѣваешься? да у меня денегъ куры не клюютъ. Тотчасъ вынулъ изъ кармана золотой, бросилъ на столъ и говоритъ: «на, получай!» Половой взялъ золотой, высчиталъ все, какъ слѣдуетъ, и приноситъ сдачу; а матросъ ему: «что тамъ за сдача, братецъ! возьми себѣ на водку». На другой день опять отпросился матросъ, зашелъ въ тотъ же трактиръ и прогулялъ еще золотой; на третій день тоже, и сталъ онъ ходитъ туда почитай каждый день и все платитъ золотыми, а сдачи не беретъ, даритъ половому на водку. Сталъ замѣчать за нимъ самъ трактирщикъ, и пришло ему въ сомнѣніе: «что бы это значило? матросишка—такъ себѣ, а поди какъ соритъ деньгами! Полную шкатулку золота натаскалъ!.. Жалованье мнѣ ихнее извѣстно, небось—не раскутишься! Вѣрно, онъ гдѣ ни на есть казну обобралъ; надо началь-

ству про то донести; не ровенъ часъ—еще въ такую бѣду попадешь, что послѣ и не раздѣлаешься, а, пожалуй, и въ Сибирь угодишь». Вотъ и доложилъ трактирщикъ офицеру, а тотъ довелъ до самого генерала. Генералъ потребовалъ къ себѣ матроса: «признавайся, говоритъ, по совѣсти — отколь золото бралъ?—Да этого золота во всякой помойной ямѣ много! «Что ты врешь?»—Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! не я вру, а трактирщикъ; пусть покажетъ онъ то золото, что отъ меня получилъ.—Сейчасъ принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшекъ. «Какъ же, братецъ! ты платилъ золотомъ, а очутились костяшки? Покажи, какъ ты сдѣлалъ это?»—Ахъ, ваше превосходительство! вить намъ смерть приходитъ... Глядятъ, а въ окна и въ двери такъ вода и хлынула; все выше да выше, ужъ подъ горло подступаетъ. «Господи! что-же теперь дѣлать? куда дѣваться?» спрашиваетъ съ испугу генералъ. А матросъ въ отвѣтъ: «коли не хотите тонуть, такъ полѣзайте за мною въ трубу». Вотъ и полѣзли, взобрались на крышу, стоятъ и смотрятъ во всѣ стороны; цѣлый городъ затопило! такое наводненіе, что въ низкихъ мѣстахъ совсѣмъ домовъ не видать: а вода прибываетъ да прибываетъ. «Ну, братецъ, говоритъ генералъ, вѣрно и намъ съ тобой не уцѣлѣть!»—Не знаю; чему быть—то и будетъ! «Смерть моя приходитъ!» думаетъ генералъ, стоитъ самъ не свой да Богу молится. Вдругъ, откуда не взялся—плыветъ мимо яликъ, зацѣпился за кры-

шу и остановился на томъ мѣстѣ. «Ваше превосходительство, говоритъ матросъ, садитесь скорѣе въ яликъ, да поплывемъ; можетъ и уцѣлѣемъ, авось вода сбудетъ». Сѣли оба въ яликъ, и понесло ихъ вѣтромъ по водѣ; день плывутъ, и другой плывутъ, а на третій стала вода сбывать и такъ скоро—куда только она дѣлась? Кругомъ сухо стало; вышли они изъ ялика, спросили у добрыхъ людей: какъ слыветъ та сторона и далеко-ль занесло ихъ? А занесло-то ихъ за тридевять земель, въ тридесятое царство: народъ все чужой, незнаемой. Какъ тутъ быть, какъ попасть въ свою землю? денегъ при себѣ ни гроша не имѣютъ, подняться не на что. Матросъ говоритъ: «надо наняться въ работники да зашибить деньжонокъ; безъ того и думать нечего—домой не воротишься».—Хорошо тебѣ, братецъ! ты давно къ работѣ привыченъ, а мнѣ каково? самъ знаешь, что я—генералъ, работать не умѣю. «Ничего, я такую работу найду, что и умѣнья не надо». Побрели въ деревню и стали въ пастухи наниматься; общество согласилось и порядило ихъ на цѣлое лѣто; матросъ пошелъ за старшаго пастуха, а генералъ за подпаска. Такъ-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; послѣ того собрали съ мужиковъ деньги и стали дѣлиться. Матросъ раздѣлилъ деньги поровну: сколько себѣ, столько и генералу. Вотъ генералъ видитъ, что матросъ ровняетъ его съ собою, сталъ на это обижаться и говоритъ: «что-жъ ты меня съ собой ровняешь? вѣдь я—генералъ, а ты—все-таки прос-

той матросъ!»—Какъ бы не такъ! мнѣ бы раздѣлить на трое: двѣ части себѣ взять, а съ тебя и одной довольно; вѣдь, я настоящимъ пастухомъ былъ, а ты—подпаскомъ. Генералъ осерчалъ и принялся всячески ругать матроса, а матросъ крѣпился-крѣпился, размахнулся рукой, какъ толкнетъ его въ бокъ... Генералъ очнулся: смотритъ—все по старому; какъ былъ въ своей комнатѣ, такъ и не выходилъ изъ нея! Не захотѣлъ онъ больше судить матроса, отпустилъ его отъ себя, а трактирщикъ такъ ни при чемъ и остался.

80. Знахарь.

Жилъ бѣдный да продувной мужичекъ, по прозванью Жучокъ; укралъ у бабы холстину и спряталъ въ ометѣ соломы, а самъ расхвастался, что ворожитъ мастеръ. Пришла къ нему баба и проситъ погадать. Мужикъ спрашиваетъ: «а что за работу дашь?»—Пудъ муки да фунтъ масла. «Ладно!» Сталъ гадать; погадалъ-погадалъ и сказалъ ей, гдѣ холстъ спрятанъ. Дня черезъ два, черезъ три пропалъ у барина жеребецъ; тотъ-же плутъ и увелъ его да привязалъ въ лѣсу къ дереву. Посылаетъ баринъ за знахаремъ; сталъ мужикъ гадать и говоритъ: «ступайте скорѣй, жеребецъ въ лѣсу къ дереву привязанъ». Привели жеребца изъ лѣсу: далъ баринъ мужику сто рублей, и пошла объ немъ слава

по всему царству. Вотъ на бѣду пропало у царя его вѣнчальное кольцо; искать-искать—нѣтъ нигдѣ! Послалъ царь за знахаремъ, чтобъ какъ можно скорѣй во дворецъ его привезли. Взяли его, посадили въ повозку и повезли къ царю. «Вотъ когда пропалъ-то! думаетъ мужикъ: какъ мнѣ узнать, гдѣ дѣвалось кольцо? Ну, какъ царь опалится да туда зашлетъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ!»—«Здравствуй, мужичекъ! говоритъ царь; поворожи-ка мнѣ; отгадаешь—деньгами награжу, а коли нѣтъ—то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Тотчасъ приказалъ отвести знахаря въ особую комнату: «пускай де цѣлую ночь ворожитъ, чтобъ къ утру отвѣтъ былъ готовъ». Знахарь сидитъ въ той комнатѣ да думаетъ: «какой отвѣтъ дамъ я царю? Лучше дождусь глухой полуночи да убѣгу куда глаза глядятъ; вотъ какъ пропоютъ третьи пѣтухи, сейчасъ и задамъ тягу!»—А кольцо-то царское стащили три дворовыхъ человѣка: лакей, кучеръ да поваръ. «Что, братцы! говорятъ они межъ собой, какъ этотъ ворожейка да узнаетъ насъ? вѣдь, тогда намъ смерть неминучая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли онъ ничего—и мы молчокъ, а коли узнаетъ насъ, такъ ужъ дѣлать нечего—станемъ просить его, чтобы царю не доказывалъ». Пошелъ лакей подслушивать; вдругъ пѣтухи запѣли, мужикъ и промолвилъ: «слава тебѣ, Господи! одинъ уже есть, остается двухъ ждать». У лакея душа въ пятки ушла; прибѣжалъ онъ къ своимъ товарищамъ: «ахъ, братцы! вѣдь меня узналъ; только я къ двери, а онъ

кричитъ: одинъ уже есть, остается двухъ ждать!»— Постой, я пойду! сказалъ кучеръ и пошелъ подслушивать; запѣли вторые пѣтухи, а мужикъ: «слава тебѣ, Господи, и два есть, остается одного ждать».— Эхъ, братцы! и меня узналъ. Поваръ говоритъ: «ну, если и меня узнаетъ, такъ пойдемъ прямо къ нему, бросимся въ ноги и станемъ упрашивать». Пошелъ подслушивать поваръ; третьи пѣтухи запѣли, мужикъ перекрестился: «славу Богу, всѣ три есть!» да поскорѣй къ двери—бѣжать хочетъ; а воры къ нему навстрѣчу, пали въ ноги и просятъ, и молятъ: «не погуби, не сказывай царю; вотъ тебѣ кольцо!»— Ну, такъ и быть, прощаю васъ!

Взялъ мужикъ кольцо, поднялъ половицу и бросилъ его подъ полъ. На утро царь спрашиваетъ: «что, мужичокъ, какъ твои дѣла?»—Выворожилъ: кольцо твое укатилось подъ эту половицу. Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградилъ знахаря деньгами и велѣлъ накормить-напоитъ его до отвала, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его и воротился къ знахарю: «ну, коли ты знахарь, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?»—Мужикъ испугался и говоритъ самъ себѣ: «что, попался, Жучокъ, царю въ руки!»—Такъ, такъ, твоя правда! сказалъ царь; еще больше его наградилъ и съ честью домой отпустилъ.

81. Сенька Малой.

Въ нѣкоторомъ царствѣ стояла небольшая деревня; въ этой деревнѣ жили два брата; одинъ померъ и остался послѣ него сынъ—записной воръ Сенька Малой. Ужъ куда-куда не отдавалъ его отецъ въ науку—все не вышло толку. «Что-жъ ты не учишься? спрашиваютъ, бывало, у него отецъ съ матерью; али цѣлый вѣкъ хочешь дуракомъ изжить?» А Сенька такъ и брякнетъ въ отвѣтъ: «коли хотите вы отъ меня хлѣбъ-соль видѣть, отдайте воровству учиться; другой науки и знать не хочу!» Вотъ, какъ померъ отецъ, Сенька Малой не сталъ долго думать, пришелъ къ дядѣ и говоритъ: «пойдемъ, дядя, на работу; ты будешь воровать, а я тебѣ помогать».—Ладно, пойдемъ! Вотъ и пошли; идутъ мимо болота, глядь—дикая утка въ камышахъ гнѣздо свила и сидитъ себѣ на яйцахъ. «Давай-ка утку изловимъ!» говоритъ дядя, и сталъ подкрадаться; только птицы не поймалъ, понапрасну съ гнѣзда согналъ. А Сенька Малой шелъ сзади и вырѣзалъ изъ дядиныхъ сапоговъ подметки. «Ну, Сенька! сказалъ дядя: я хитеръ, а ты хитрѣе меня!» Идутъ они дальше, а навстрѣчу имъ три мужика ведутъ на базаръ быка продавать. «Какъ бы намъ, дядюшка, этого быка достать?» спрашиваетъ Сенька.—Эхъ ты! вѣдь, теперь не ночь; середь бѣла дня не украдешь. «Небось, украду!»—Что-жъ ты, али и взаправду мудренѣе дяди хо-

чешь быть? А вотъ увидишь!» Сенька Малой снялъ съ правой ноги сапогъ, бросилъ на дорогу и укрылся съ дядей въ сторонкѣ. Мужики дошли до этого мѣста. «Стой, ребята! закричалъ одинъ: вишь, какой славный сапогъ валяется».—Хорошъ, да что съ нимъ дѣлать-то? Кабы пара нашлась, можно бы взять, а теперь что? одна нога въ сапогѣ, а другая въ лаптѣ! Посудили, подумали и, не взявъ сапога, пошли прочь. Сенька тотчасъ надѣлъ правый сапогъ а лѣвый снялъ; забѣжалъ впередъ, кинулъ его на дорогу и спрятался въ канаву. «Стой, ребята!—закричалъ тотъ же мужикъ,—вотъ и другой сапогъ. Знать, какой-нибудь Разувай Федулычъ растерялся. Ну-тко, братцы, въ перегонки за тѣмъ сапогомъ! вѣдь, годятся на вечеринки ходить». Бросили быка и пустились на перегонки назадъ; а Сенька Малой того и добивался, подхватилъ сапогъ и погналъ быка въ сторону; загналъ его въ болото, отрубилъ голову и приставилъ ее опять на прежнее мѣсто. Мужики пробѣгались пóпусту, воротились—нѣтъ быка; пошли искать, искали-искали, ходили-ходили и набрели на болото. «Ишь, куда нелегкая его угораздила! прямо въ тину затесался! Надо, говорятъ, вытаскивать...» Достали веревку, сдѣлали петлю, набросили съ размаху и зацѣпили за рога; понатужились, да какъ дернутъ—такъ всѣ нáземь и попадали. «Ахти, какое горе! вѣдь совсѣмъ быка загубили, какъ есть голову оторвали!» Дѣлать нечего, пошли мужики домой съ пустыми руками; а Сенька Малой позвалъ дядю, вытащили вдвоемъ

быка, содрали кожу, разрубили мясо на части и стали дѣлиться. Дядя говоритъ: «Неужели-жъ дѣлить поровну? я старше, мнѣ слѣдуетъ больше!» Сенька обидѣлся, схватилъ бычачью кожу и ушелъ отъ дяди; забрался въ кусты, вырѣзалъ два березовыхъ прута и принялся хлестать по кожѣ. Хлещетъ да во все горло выкрикиваетъ: «батюшки! не я одинъ кралъ, дядя помогалъ!» Дядя услыхалъ это: «ну, думаетъ, попался Сенька!» и прiударилъ съ испугу домой; а Сенька сбѣгалъ за лошадью, поклалъ всю говядину на возъ, отвезъ ее въ городъ и продалъ за чистыя денежки.

На другой день пришелъ Сенька Малой къ дядѣ, зоветъ государеву казну воровать: «пойдемъ, говоритъ, на работу; ты будешь воровать, а я тебѣ помогать». Вотъ пришли ночью къ царскому дворцу; у воротъ стоятъ часовые—какъ тутъ ухитриться? Сенька Малой подкопался подъ уголъ, залѣзъ съ дядей въ кладовую и ну набивать карманы. Что тутъ золота, что серебра они утащили! Полюбилось имъ это дѣло, и повадился Сенька каждую ночь ходить въ царскую кладовую да забирать деньги. Захотѣлъ царь посмотрѣть свою казну, видитъ—что-то не ладно, много добра распропало; созвалъ совѣтъ и сталъ спрашивать: какъ бы умудриться да вора поймать? И придумали сообща: у той самой дыры, куда воръ лазитъ, поставить большой чанъ со смолою. Какъ сказано, такъ и сдѣлано: цѣлый день смолу топили да все въ чанъ лили. Вечеромъ поздно зоветъ Сенька Малой дядю на промыселъ:

«пойдемъ, говоритъ, ты будешь воровать, а я тебѣ помогать». Вотъ пришли къ царской кладовой, Сенька Малой сталъ посылать дядю: «ты полѣзай напередъ, а я за тобою!» Дядя полѣзъ—и прямо въ чанъ угодилъ; какъ закричитъ благимъ матомъ: «охъ, смерть моя! въ смолу попалъ». Сенька думалъ было его вытащить, возился съ нимъ возился, нѣтъ, ничего не подѣлаешь! «Пожалуй, думаетъ, по немъ и меня дознаются!» взялъ—отвернулъ ему голову и понесъ къ теткѣ: такъ и такъ, сказываетъ ей, пропалъ дядя ни за грошъ! На утро доложили царю: который-де воръ казну воровалъ—нынче въ смолу попалъ, только головы нѣту. Царь приказалъ заложить тройку лошадей съ колокольчикомъ и везти мертвое тѣло по всѣмъ селамъ, по всѣмъ городамъ,—не найдутся ли сродники? коли станетъ кто по немъ плакать, сейчасъ того хватать да въ кандалы ковать. «Тетушка! спрашиваетъ Сенька, хочешь поплакать по своемъ мужѣ?»—Какъ же не хотѣть, родимый? все-таки мужъ былъ! «Слушай же: возьми новый кувшинъ, налей молока и ступай навстрѣчу; какъ увидишь, что везутъ твоего покойника, споткнись нарочно, разбей кувшинъ и плачь себѣ вволю». Тетка взяла новый кувшинъ, налила молокомъ и пошла навстрѣчу. Вотъ везутъ мертвое тѣло, и какъ только поровнялись съ нею—она вдругъ, будто споткнулась, разбила кувшинъ, разлила молоко и начала громко плакать да причитывать: «свѣтъ ты мой! какъ мнѣ жить безъ тебя?» Сейчасъ набѣжали со всѣхъ сторонъ сол-

даты, окружили бабу и стали допрашивать: «говори, старая! о чемъ голосишь? не признала-ли покойника? что онъ — мужъ тебѣ, братъ, али сватъ?» — Батюшки мои рѐдные! какъ же не плакать мнѣ? сами видите, какая бѣда надо мною стряслась: разбила кувшинъ съ молокомъ! — и опять принялась выть. «Экая дура! нашла о чемъ плакать!» говорятъ солдаты и поѣхали дальше. На другой день докладываютъ царю: гдѣ-гдѣ ни возили покойника, никто не оказался изъ сродниковъ, никто по немъ не плакалъ; только и слезъ видѣли, что одна старуха кувшинъ разбила да надъ черепьемъ голосила. «Что-жъ вы ее не хватали? — говоритъ царь, — кто другой, а ужъ она навѣрно знаетъ про вора!» Тутъ царь созвалъ совѣтъ и сталъ спрашивать: нельзя ли какъ умудриться — изловить вора? Совѣтъ и придумалъ поставить на такомъ-то лугу цѣлую бочку вина, при ней кучу денегъ насыпать, а въ сторонѣ часового спрятать; извѣстное дѣло: воръ не утерпитъ, прійдетъ воровать, напьется пьянъ — тутъ его и хватай! Сказано — сдѣлано. Сенька Малой выбралъ темную ночь и пошелъ воровать; приходитъ на лугъ, сталъ-было деньги огребать, да почуялъ, что виномъ пахнетъ: «давай винца попробую!» Попробовалъ — славное вино, съ роду такого не пивалъ! «Ну-ка еще!» Пилъ-пилъ и напился пьянъ, какъ стелька; и съ мѣста не сошелъ, гдѣ воровалъ, тутъ и уснулъ. А часовой давно его запримѣтилъ: «ага! думаетъ, попался любезный! теперь полно по свѣту гулять; насидишься въ си-

биркѣ!» Подошелъ къ Сенькѣ Малому и обрѣзалъ ему половину бороды: коли и уйдетъ, такъ было-бъ признать по чемъ. «Пойду теперь—доложу по начальству». Пока добрался часовой до начальства, ужъ свѣтать стало; Сенька проснулся, опохмѣлился, хвать рукой за бороду—половины какъ не бывало. Что дѣлать? думалъ-думалъ и надумался; пошелъ на большую дорогу и давай всякаго встрѣчнаго-поперечнаго таскать за бороды: кого ни ухватитъ—такъ половина бороды и прочь! Какъ тутъ вора узнать? Выпутался Сенька изъ бѣды, отростилъ снова бороду, сталъ себѣ жить-поживать, въ чужое добро лапы запускать; и долго бы жилъ, да вотъ недавно повѣсили.

82. Иванушка-дурачекъ.

Былъ-жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое—умные, третій—Иванушко-дурачекъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ, да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха ржаныхъ клёцокъ и говоритъ дураку: «на-ка, снеси эти клёцки братьямъ; пусть поѣдятъ». Налила полный горшекъ и дала ему въ руки; побрелъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечный; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь съ боку и думаетъ: «что это за человѣкъ? со мной рядомъ

идетъ, ни на шагъ не отстаетъ; вѣрно, клёцокъ захотѣлъ!» И началъ онъ бросать на свою тѣнь клёцки, такъ всѣ до единой и повыкидалъ; смотритъ, а тѣнь все съ боку идетъ: «эка ненасытная утроба!» сказалъ дуракъ съ сердцемъ и пустилъ въ нее горшкомъ,—разлетѣлись черепки въ разныя стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: «ты, дуракъ, зачѣмъ?»—Вамъ обѣдъ принесъ. «Гдѣ же обѣдъ? давай живѣе».—Да, вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамо-какой человѣкъ, да все и поѣлъ! «Какой-такой человѣкъ?»—Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну его ругать, бить-колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дуракъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать; всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдралъ, собралъ стадо въ одну кучу и сидитъ себѣ радехонекъ, словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: «что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?»—Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ: сталъ ихъ ловить, въ кучу сбирать, глаза выдиратъ; во какъ умаялся! «Постой, еще не такъ умаешься!» говорятъ братья, и давай угощать его кулаками.

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушко: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и мяса, и

соли; цѣлый возъ навалилъ всякой всячины. Ѣдетъ домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везетъ—не везетъ! «А что, думаетъ себѣ Иванушко, вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тоже четыре; такъ столъ-то и самъ добѣжитъ!» Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ѣдетъ-ѣдетъ, близко ли, далеко ли, а вороны такъ и вьются надъ нимъ да все каркаютъ. «Знать сестрицамъ покушать охота; вишь какъ раскричались!» подумалъ дуракъ; бросилъ мясо на̀земь и началъ потчевать: «сестрицы-голубушки! кушайте на здоровье». А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ѣдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. «Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнутъ, сердечные!» И тотчасъ понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, она не пьетъ. «Знать бе̇зъ соли не хочетъ!» и ну солитъ воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. «Что жъ ты не пьешь, волчье мясо? развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?» Хватилъ ее полѣномъ, да прямо въ голову, и убилъ наповалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понесъ. Идетъ; ложки назади такъ и брякаютъ: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: «Иванушко дуракъ!» бросилъ ихъ и ну топтать да приговаривать: «вотъ вамъ Иванушко дуракъ! вотъ вамъ Иванушко дуракъ! Еще вздумали дразнить, негодныя». Воротился домой и говоритъ братьямъ: «все искупилъ, бра-

тики!» —Спасибо, дуракъ, да гдѣ-жъ у тебя закупки?—А столъ позади бѣжитъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью рѣчку посолилъ, а ложки дразнятся—такъ я ихъ на дорогѣ покинулъ».—Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ. Иванушко пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ пней корчаги, повышибалъ днища и надѣлъ на батогъ корчагъ съ дюжину—всякихъ: и большихъ, и малыхъ; несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. «Пиво не броди! дурака не дразни!» говоритъ Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушается; взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ разъѣжаетъ да пѣсенки распѣваетъ.

Пріѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушку,—зашили въ куль и потащили къ рѣкѣ. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушко и ну кричать: «садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умѣю!»—Постой, дуракъ! сказалъ баринъ: я умѣю и судить, и рядить; вылѣзай изъ куля! Иванушко вылѣзъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ въ его повозку и ускакалъ изъ виду. Пришли братья, спустили куль подъ ледъ и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ.

«Знать, бурка ловитъ!» проговорили братья и побрели домой. Навстрѣчу имъ, откуда ни возьмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко, ѣдетъ да прихвастываетъ: «вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко—такой славный!» Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: «зашивай теперь насъ въ куль да пускай поскорѣй въ прорубь! Не уйдетъ отъ насъ сивко...» Опустилъ ихъ Иванушко-дурачекъ въ прорубь и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать.

83. Дуракъ и береза.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ, у него были три сына: двое—умныхъ, третій—дуракъ. Померъ старикъ, сыновья раздѣлили имѣніе по жеребью: умнымъ досталось много всякаго добра, а дураку одинъ быкъ—и тотъ худой! Пришла ярмарка; умные братья собираются на торгъ ѣхать. Дуракъ увидалъ и говоритъ: «и я, братцы, поведу своего быка продавать». Зацѣпилъ быка веревкою за рога и повелъ въ городъ. Случилось ему итти лѣсомъ, а въ лѣсу стояла старая сухая береза; вѣтеръ подуетъ—и береза заскрипитъ. «Почто береза скрипитъ? думаетъ дуракъ; ужъ не торгуетъ ли моего быка? Ну, говори, коли хочешь покупать—такъ покупай; я не прочь продать! Быкъ двадцать ру-

блевъ стоитъ; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!» Береза ничего ему не отвѣчаетъ, только скрипитъ; а дураку чудится, что она быка въ долгъ проситъ. «Изволь, я подожду до завтраго!» Привязалъ быка къ березѣ, распрощался съ нею и пошелъ домой. Вотъ пріѣхали умные братья и стали спрашивать: «ну что, дуракъ, продалъ быка?»—Продалъ. «За дорого?»—За двадцать рублевъ. «А деньги гдѣ?»—Денегъ еще не получалъ; сказано—завтра приходить. «Эхъ, ты простота!» На другой день поутру всталъ дуракъ, снарядился и пошелъ къ березѣ за деньгами. Приходитъ въ лѣсъ—стоитъ береза, отъ вѣтру качается, а быка нѣту: ночью волки съѣли. «Ну, землякъ! подавай деньги, ты самъ обѣщалъ, что сегодня заплатишь». Вѣтеръ подулъ—береза заскрипѣла, а дуракъ говоритъ: «ишь, ты какой не вѣрный! вчера сказывалъ: завтра отдамъ! и нынче то же сулишь. Такъ и быть, подожду еще одинъ день, а ужъ больше не стану,—мнѣ самому деньги надобны». Воротился домой. Братья опять къ нему пристаютъ: «что, получилъ деньги?»—Нѣтъ, братцы! пришлось еще денекъ подождать. «Да кому ты продалъ?»—Сухой березѣ въ лѣсу. «Экой дуракъ!» На третій день взялъ дуракъ топоръ и отправился въ лѣсъ. Приходитъ и требуетъ денегъ. Береза скрипитъ да скрипитъ. «Нѣтъ, землякъ! коли все будешь завтраками потчевать, такъ съ тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо съ тобой раздѣлаюсь!» Какъ хватитъ ее топоромъ, такъ щепки и посы-

пались во всѣ стороны. Въ той березѣ было дупло, а въ томъ дуплѣ разбойники спрятали полный котелъ золота. Распалось дерево надвое, и увидалъ дуракъ чистое золото; нагребъ цѣлую полу и потащилъ домой; принесъ и показываетъ братьямъ. «Гдѣ ты, дуракъ, добылъ столько?» —Землякъ за бычка отдалъ; да тутъ еще не сполна все, чай, и половину домой не притащилъ! Пойдемте-ка, братцы, забирать остальное!» Пошли въ лѣсъ, забрали деньги и несутъ домой. «Смотри же, дуракъ! говорятъ умные братья, никому не сказывай, что у насъ столько золота».—Небось, не скажу! Вдругъ, попадается имъ навстрѣчу дьячекъ. «Что вы, ребята, изъ лѣсу тащите?» Умные говорятъ: грибы. А дуракъ перечитъ: врутъ они! мы деньги несемъ; вотъ посмотри!» Дьячокъ такъ и ахнулъ, бросился къ золоту и давай хватать пригоршнями да въ карманъ совать. Дуракъ разсердился, ударилъ его топоромъ и убилъ до смерти. Эхъ, дуракъ! что ты надѣлалъ? закричали братья, самъ пропадешь и насъ загубишь! Куда теперь мертвое тѣло дѣвать?» Думали-думали и стащили его въ пустой погребъ, да тамъ и бросили, Поздно вечеромъ говоритъ старшій братъ среднему: дѣло-то выходитъ неладно! Какъ станутъ про дьячка разыскивать, вѣдь дуракъ все разскажетъ. Давай-ка убьемъ козла да схоронимъ въ погребѣ, а мертвое тѣло зароемъ въ иномъ мѣстѣ». Дождались они глухой ночи, убили козла и бросили въ погребъ, а дьячка снесли въ иное мѣсто и зарыли въ землю. Прошло нѣсколько дней;

стали про дьячка вездѣ разыскивать, у всѣхъ разспрашивать; дуракъ и отозвался: «на что онъ вамъ? онамедни я его топоромъ убилъ, а братья на погребъ снесли». Тотчасъ ухватились за дурака: «веди, показывай!» Дуракъ полѣзъ въ погребъ, досталъ козлиную голову и спрашиваетъ: «вашъ дьячекъ черный?»—Черный. «И съ бородою?»—Да, и съ бородою. «И рога есть?»—Какіе тамъ рога, дуракъ. «А вотъ смотрите!»—и выбросилъ голову. Люди смотрятъ—какъ есть козелъ, плюнули дураку въ глаза и разошлись по домамъ. Сказкѣ конецъ, а мнѣ меду корецъ.

84. Набитый Дуракъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухою, имѣли при себѣ одного сына и то набитаго дурака. Говоритъ ему мать: «ты бы, сынокъ, пошелъ—около людей потерся да ума набрался».—Постой, мама! сейчасъ пойду. Пошелъ по деревнѣ, видитъ—два мужика горохъ молотятъ, сейчасъ подбѣжалъ къ нимъ; то около одного потрется, то около другого. «Не дури! говорятъ ему мужики; ступай— откуда пришелъ»; а онъ знай себѣ потирается. Вотъ мужики осердились и принялись его цѣпами потчевать: такъ употчевали, что едва домой приползъ. «Что ты, дитятко, плачешь?»—спрашиваетъ его старуха. Дуракъ разсказалъ ей свое го-

ре. «Ахъ, сынокъ, куда ты глупешенекъ! Ты бы сказалъ имъ: Богъ помочь, добрые люди! носить бы вамъ—не переносить, возить бы не перевозить! Они-бъ тебѣ дали гороху; вотъ бы мы сварили да и скушали». На другой день идетъ дуракъ по деревнѣ, навстрѣчу несутъ покойника. Увидалъ и давай кричать: «Богъ помочь! носить бы вамъ—не переносить, возить бы—не перевозить!» Опять его прибили; воротился онъ домой и вопитъ: «меня, дурня, били, меня колотили, за волосы драли, за усъ подергали».—За что? спрашиваетъ мать.«Такъ и такъ, матушка!» разсказываетъ дуракъ.—Ахъ, дитятко! ты бы сказалъ: канунъ да свѣча! да снялъ бы шапку, началъ бы слезно плакать да поклоны бить; они-бъ тебя накормили-напоили досыта. Пошелъ дуракъ по деревнѣ, глядь—ѣдетъ навстрѣчу свадьба; онъ снялъ шапку и закричалъ во все горло: «канунъ да свѣча!» а самъ такъ и разливается: горько-горько плачетъ. «Что это за невѣжа пришелъ! говорятъ пьяные мужики; мы всѣ гуляемъ да веселимся, а онъ словно по мертвому плачетъ!» Соскочили съ телѣги и порядкомъ ему бока помяли. Воротился дуракъ домой и плачетъ: «меня, дурня, били, меня колотили, за волосы драли, за усъ подергали!»—За что, дитятко? Дуракъ передалъ, за что его прибили. Мать сказала: «ты бы, дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ».—Хорошо, матушка! впередъ такъ сдѣлаю. И ушелъ опять на деревню, да взялъ съ собой дудочку. Вотъ на концѣ деревни загорѣлся у мужика овинъ. Дуракъ

со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда; забѣжалъ противъ овина и ну плясать да играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Пришелъ онъ къ матери со слезами и разсказалъ, за что его прибили. Мать ему говоритъ: «ты бы, дитятко, взялъ воды, да заливалъ съ ними». Дня черезъ три, какъ только у дурака зажили бока, пошелъ онъ бродить по деревнѣ. Увидалъ, что мужикъ свинью палитъ, выхватилъ у какой-то бабы ведро съ водою, прибѣжалъ къ мужику и сталъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и разсказалъ, за что ему досталось. Мать заклялась пускать его изъ дому, и съ тѣхъ поръ и понынѣ дуракъ, кромѣ своего двора, никуда не выходитъ.

85. Мѣна.

Чистилъ мужикъ навозъ и нашелъ овсяное зерно; приходитъ къ женѣ, у жены изба топится. «А ну, хозяйка, говоритъ мужикъ, высуши это зерно, истолки его и навари киселя; я кисель къ царю понесу: авось, чѣмъ-нибудь пожалуетъ».

Вотъ онъ пришелъ къ царю и принесъ блюдо киселя; царь его пожаловалъ золотою тетерькою. Пошелъ отъ царя домой; идетъ полемъ: стерегутъ табунъ коней. Пастухъ его спрашиваетъ: «мужичекъ, гдѣ ты былъ?»—Ходилъ къ царю, носилъ блюдо киселя. «Чѣмъ же тебѣ царь пожаловалъ?»—

Золотою тетерькою. «Промѣняй намъ тетерьку на коня» .Мужикъ помѣнялся, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Ѣдетъ полемъ; стерегутъ стадо коровъ. Пастухъ говоритъ: «гдѣ ты, мужичекъ, былъ»?—Ходилъ къ царю, носилъ блюдо киселя.—«Чѣмъ тебя царь пожаловалъ?»—Золотою тетерькою. Гдѣ у тебя тетерька?»—Я ее промѣнялъ на коня. «Промѣняй намъ коня на корову».—Промѣнялъ, ведетъ корову за рога; стерегутъ стадо овецъ. Пастухъ говоритъ: «мужичекъ, гдѣ ты былъ?»—Ходилъ къ царю, носилъ блюдо киселя.—«Чѣмъ тебя царь пожаловалъ?»—Золотою тетерькою. «Гдѣ золотая тетерька?»—Промѣнялъ на коня. «Гдѣ конь?»—Промѣнялъ на корову. «Промѣняй намъ корову на овечку». Промѣнялъ, гонитъ овцу; стерегутъ стадо свиней. Пастухъ говоритъ: «гдѣ ты, мужичекъ, былъ?»—Ходилъ къ царю носилъ блюдо киселя»· Чѣмъ тебя царь пожаловалъ?»—Золотою тетерькою. «Гдѣ золотая тетерька?»—Промѣнялъ на коня. «Гдѣ конь?»—Промѣнялъ на корову. «Гдѣ корова?»—Промѣнялъ на овечку. «Промѣняй намъ овечку на поросенка». Промѣнялъ, гонитъ поросенка; стерегутъ стадо гусей. Пастухъ спрашиваетъ: «гдѣ ты, мужичекъ, былъ?»—Ходилъ къ царю, носилъ блюдо киселя. «Чѣмъ тебя царь пожаловалъ?»—Золотою тетерькою. Гдѣ у тебя золотая тетерька?»—Я промѣнялъ на коня. «Гдѣ конь?»—Я промѣнялъ на корову. «Гдѣ корова?»—Я промѣнялъ на овечку. «Гдѣ овечка?»—Я промѣнялъ на поросенка. «Промѣняй намъ поросенка на гусь-

ка». Промѣнялъ, несетъ гуська; стерегутъ утокъ. Пастухъ говоритъ: «мужичекъ, гдѣ ты былъ?»—Ходилъ къ царю, носилъ блюдо киселя. «Чѣмъ тебя царь пожаловалъ?»—Золотою тетерькою. «Гдѣ золотая тетерька?»—Я промѣнялъ на коня. «Гдѣ конь?»—Я промѣнялъ на корову. «Гдѣ корова?»—Я промѣнялъ на овечку. «Гдѣ овечка?»—Я промѣнялъ на поросенка. «Гдѣ поросенокъ?»—Я промѣнялъ на гуська. «Промѣняй намъ гуська на уточку». Промѣнялъ, несетъ утку; ребята играютъ въ клюшки. «Гдѣ ты, мужичекъ, былъ?»—Ходилъ къ царю, носилъ блюдо киселя. «Чѣмъ тебя царь пожаловалъ?»—Золотою тетерькою. «Гдѣ золотая тетерька?»—Я промѣнялъ на коня. «Гдѣ конь?»—Я промѣнялъ на корову. «Гдѣ корова?»—Я промѣнялъ на овечку. «Гдѣ овечка?»—Я промѣнялъ на поросенка. «Гдѣ поросенокъ?»—Я промѣнялъ на гуська. «Гдѣ гусекъ?»—Я промѣнялъ на утку. «Промѣняй намъ утку на клюшку». Промѣнялъ, идетъ съ клюшкою. Воротился домой, клюшку у воротъ поставилъ, а самъ пошелъ въ избу. Жена стала спрашивать: «чѣмъ тебя царь пожаловалъ?» Мужикъ разсказалъ все до клюшки. «А клюшка гдѣ?»—У воротъ поставилъ. Жена выскочила къ воротамъ, ухватила клюшку и давай бить ею мужа; бьетъ да приговариваетъ: не мѣняйся, старый чортъ, не мѣняйся! ты хоть бы утку домой принесъ!»

86. Жена доказчица.

Жилъ-былъ старикъ со старухою. Не умѣла старуха языкъ держать на привязи; бывало, что ни услышитъ отъ мужа—сейчасъ вся деревня узнаетъ. Пока не повздорятъ промежъ себя—еще туда-сюда, а случится старику со старухой подраться да поколотить ее—она озлится и побѣжитъ по людямъ да на господскій дворъ, всю подноготную разскажетъ; иной разъ вдвое больше навретъ, чѣмъ правды скажетъ. По тѣмъ наговорамъ и тащутъ старика; только успѣвай спиной расплачиваться. Вотъ однова̀ пошелъ старикъ въ лѣсъ за дровами; ступилъ въ одномъ мѣстѣ ногою—нога провалилась. «Что за притча! дай-ка я стану рыть, можетъ—на мое счастіе что и найдется». Взялся за лопату; копнулъ разъ, другой, третій—и вырылъ котелъ полнехонекъ золота. «Слава Богу! только какъ домой взять? отъ жены не укроешься, она всему свѣту разблаговѣститъ; еще бѣды наживешь!» Подумалъ-подумалъ, зарылъ котелъ въ землю и пошелъ въ городъ, купилъ щуку да живого зайца; щуку повѣсилъ на дерево—на самую верхушку, а зайца посадилъ въ морду. Приходитъ въ избу: «ну жена какое мнѣ счастіе Богъ послалъ, только тебѣ сказать-то нельзя; пожалуй, всѣмъ разболтаешь!» — Скажи старичекъ! пристаетъ баба; право слово—никому не заикнусь; хочешь—побожусь, образъ сниму да поцѣлую.

«Вотъ, что, старуха: нашелъ я въ лѣсу полонъ котелъ золота».—Экой ты! пойдемъ поскорѣе, домой унесемъ... Смотри, же, старая! никому не сказывай, не то бѣду наживемъ».—Небось, ты только не сказывай, а я не скажу! ты когда пьянъ, всегда хвастаешь! Повелъ мужикъ бабу, дошелъ до того мѣста, гдѣ щука на деревѣ виситъ, остановился, поднялъ вверхъ голову и смотритъ. «Ну, что глазѣешь? пойдемъ скорѣе».—Да развѣ не видишь? глянь, щука на деревѣ выросла! «Ой ли! полѣзай за нею; ужотка на ужинъ зажаримъ». Старикъ слазилъ на дерево и досталъ щуку. Пошли дальше. Шли-шли: «Дай, старая, къ рѣкѣ сбѣгаю, въ морды посмотрю».—Заглянулъ въ морду и давай жену звать: «глянь-ка: заяцъ въ морду попалъ».—А коли попалъ, бери его поскорѣй—къ празднику на обѣдъ пригодится! Взялъ старикъ зайца привелъ старуху въ лѣсъ; открыли вдвоемъ котелъ съ золотомъ и потащили домой. Дѣло было къ вечеру: совсѣмъ потемнѣло. «Старикъ, а старикъ! говоритъ баба, никакъ овцы ревутъ?»—Какія овцы! то нашего барина черти дерутъ! Шли-шли, старуха опять говоритъ: «старикъ, а старикъ! никакъ коровы ревутъ?»—Какія коровы! то нашего барина черти дерутъ. Шли-шли; стали къ деревнѣ подходить, старуха старику говоритъ: «никакъ волки ревутъ?»—Какія волки! то нашего барина черти дерутъ.

Разбогатѣлъ старикъ со старухою. Вздурилась старуха пуще прежняго, пошла каждый день гостей

зазывать да такіе пиры подымать, что мужъ хоть изъ дому бѣги. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась и слушаться перестала. Старикъ терпѣлъ-терпѣлъ, да не вытерпѣлъ, схватилъ ее за́ косу и давай таскать по полу; до́сыта потѣшился! Какъ только вырвалась баба, сейчасъ принялась ругаться: «постой, старый хрѣнъ! узнаешь меня. Ты хочешь все золото себѣ забрать; нѣтъ, врёшь! я тебя упеку, въ Сибири мѣста не сыщешь! сейчасъ пойду къ барину!» Побѣжала къ барину, завыла-заплакала: «такъ и такъ, говоритъ, нашелъ мужъ полонъ котелъ золота и съ той самой поры началъ крѣпко виномъ зашибать. Я было его уговаривать, а онъ меня колотить; таскалъ-таскалъ за косу, еле изъ рукъ вырвалась! Прибѣжала къ вашей милости мое горе объявить, на негоднаго мужа челомъ бить: отберите у него, безпутнаго, все золото, чтобъ работалъ, а не пьянствовалъ!» Баринъ позвалъ нѣсколько дворовыхъ людей и пошелъ къ старику. Приходитъ въ избу и закричалъ на него: «ахъ ты, мошенникъ этакой! нашелъ на моей землѣ цѣлый котелъ золота—сколько времени прошло, а мнѣ до сихъ поръ не доложилъ! началъ пьянствовать, разбойничать да жену тиранить! Подавай сейчасъ золото...»—Смилуйся, баринъ! отвѣчаетъ старикъ; я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; никакого золота не находилъ. «Врешь ты, безстыжіе твои глаза! напустилась на него старуха; пойдемте, баринъ, за мною; я покажу, гдѣ деньги спрятаны». Приводитъ къ сундуку подняла крышку—нѣтъ

ничего, пустехонекъ. «Ахъ, онъ плутъ! пока я ходила, въ иное мѣсто перепряталъ». Тутъ баринъ присталъ къ старику вплотную: «покажи золото!»—Да гдѣ жъ мнѣ его взять? Извольте про все доподлинно допросить мою старуху. «Ну, голубушка, разскажи мнѣ толкомъ, хорошенько: гдѣ и въ какое время найденъ котелъ съ золотомъ?—Да вотъ, баринъ,—начала старуха,—шли мы лѣсомъ, еще втѣ-поры щуку на деревѣ поймали... «Опомнись, дура! говоритъ старикъ; вѣдь, ты заговариваешся!» —Нѣтъ! я не заговариваюсь, а чистую правду сказываю; еще тутъ же мы зайца изъ морды вынули... «Ну, пошла! чай, баринъ, теперь самъ видишь? Ну, какъ можно, чтобы звѣри въ рѣкѣ водились, а рыба въ лѣсу на деревѣ плодилась?»—Такъ, по-твоему, того не было? А помнишь, какъ мы назадъ шли,—я сказала: никакъ овцы ревутъ? а ты отвѣчалъ: то не овцы ревутъ, то нашего барина черти дерутъ! «Врешь, старая! съ ума спятила».—Я опять сказала: никакъ коровы ревутъ? а ты: какія коровы! то нашего барина черти дерутъ. А какъ стали подходить къ деревнѣ, мнѣ почудилось, что волки ревутъ, а ты сказалъ: какіе волки! то нашего барина черти дерутъ... Баринъ слушалъ-слушалъ, осерчалъ и ну толкать въ шею старуху. Послѣ того старуха не долго жила, а старикъ взялъ за себя молодую жену, накупилъ товаровъ и сталъ жить-поживать да въ городѣ торговать.

87. Ѳома Беренниковъ.

Жила-была старуха, у нея былъ сынъ Ѳома Беренниковъ. Вотъ поѣхалъ Ѳома пахать; лошаденка худенькая, взяло его горе, сѣлъ на заваленку... мухи окола навоза такъ и жужжатъ. Схватилъ онъ хворостину, да какъ хлыстнетъ по кучѣ; сталъ считать: сколько побилъ? насчиталъ пятьсотъ, да еще много безъ счету осталось. Рѣшилъ Ѳома, что имъ и смѣты нѣтъ! Приходитъ къ своему коню, на немъ сидятъ двѣнадцать оводовъ; онъ всѣхъ и побилъ. Воротился Ѳома Беренниковъ къ матери и проситъ у ней благословенья великаго: «побилъ, дескать, мелкой силы—счету нѣтъ, да двѣнадцать могучихъ богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги ратные, а землю пахать—не мое дѣло богатырское, то дѣло мужицкое!» Благословила его матушка на подвиги ратные, на поприща богатырскія. Беретъ онъ за плечи старый серпъ, за поясъ лычный кошель, а въ тотъ кошель кладетъ тупой косарь. Вотъ ѣдетъ Ѳома путемъ-дорогою, стороною незнакомою, и наѣхалъ на столбъ; пишетъ онъ на томъ столбѣ—не было у него въ карманѣ ни злата, ни сѐребра, а случился въ карманѣ мѣлъ—вотъ и пишетъ онъ мѣломъ: «проѣхалъ здѣсь богатырь Ѳома Беренниковъ, который сразу побиваетъ двѣнадцать могучихъ богатырей, да опричь того силу несмѣтную». Написалъ и поѣхалъ дальше. Ѣдетъ той же дорогой Илья-Муромецъ, подъѣзжа-

етъ къ столбу, видитъ надпись и говоритъ: «видна попрыска богатырская: не тратитъ ни злата, ни серебра, одинъ мѣлъ!» Написалъ онъ сѐребромъ: «вслѣдъ за Өомою Беренниковымъ проѣхалъ богатырь Илья-Муромецъ». Наѣзжаетъ онъ Өому Беренникова и спрашиваетъ: «могучій богатырь Өома Беренниковъ! гдѣ ѣхать: спереди или сзади?»—Ступай сзади! отвѣчаетъ Өома.

Вотъ ѣдетъ той же дорогой Алёша Поповичъ-младъ; наѣзжаетъ онъ на тотъ столбъ, издалеча видитъ на томъ столбѣ надпись—какъ жаръ горитъ! прочиталъ надписи Өомы Беренникова да Ильи-Муромца, вынимаетъ изъ кармана чисто золото и пишетъ: «за Ильею Муромцемъ проѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ». Наѣзжаетъ онъ Илью-Муромца: «ты скажи, скажи, Илья-Муромецъ! впереди ѣхать или сзади мнѣ?»—Спрашивай не меня, а моего брата старшаго Өому Беренникова. Подъѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ къ Өомкѣ Беренникову: «удалой боецъ Өома Беренниковъ! гдѣ укажешь ѣхать Алёшѣ Поповичу?»—Ступай сзади!

Вотъ ѣдутъ они путемъ дорогою, стороною незнакомою, и пріѣзжаютъ въ зеленые сады. Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ раскидываютъ бѣлые шатры, а Өома Беренниковъ развѣшиваетъ свой зипунъ. А тѣ сады были само́го царя, царя Бѣлаго, и воевалъ того царя король невѣрный съ шестью могучими богатырями. Посылаетъ Бѣлый царь грамоту къ Өомѣ Беренникову, а въ той грамоткѣ

значится: «воюетъ меня невѣрный король: не будетъ ли ваша помощь?» Ѳомка грамотѣ не больно разумѣлъ, посмотрѣлъ на грамотку, покачалъ головою и говоритъ: хорошо! Вотъ подступаетъ король близко къ городу; приходятъ Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ-младъ къ Ѳомѣ Беренникову и говорятъ таково слово: «подступаетъ подъ царя сила вражья; надо его защитить. Самъ пойдешь или насъ пошлешь?»—Ступай ты, Ильюшка-Муромецъ. Побилъ Илья-Муромецъ всѣхъ. А послѣ того приводитъ король невѣрный еще шесть богатырей и рать-силу несмѣтную. Илья-Муромецъ съ Алёшей Поповичемъ приходятъ къ Ѳомѣ Беренникову: «ты скажи, скажи, Ѳома Беренниковъ! самъ пойдешь или насъ пошлешь?»—Ступай ты, братъ Алёша Поповичъ-младъ! Поѣхалъ Алёша-Поповичъ-младъ и побилъ всю рать-силу несмѣтную и тѣхъ шесть могучихъ богатырей. Говоритъ невѣрный король: «есть у меня еще одинъ богатырь; берёгъ было на племя, пущу его теперь!» Вотъ приводитъ онъ рать-силу несмѣтную и съ нею богатыря могучаго, завѣтнаго, и говоритъ король своему богатырю: «не силой бьетъ насъ русской богатырь, а хитростью; что станетъ дѣлать русской богатырь, то и ты дѣлай!» Пріѣзжаютъ Илья-Муромецъ да Алеша Поповичъ-младъ къ Ѳомѣ Беренникову: «самъ пойдешь или насъ пошлешь?»—Самъ пойду; приведи моего коня. Кони богатырскіе по чисту полю ходятъ, траву щиплютъ, а Ѳомкинъ стоитъ да овесъ уплетаетъ. Подошелъ Илья-Муромецъ къ Ѳомкину коню, а тотъ разъѣлся, бры-

кается и кусается! Взяла досада Илью-Муромца, схватилъ онъ Ѳомкина коня за хвостъ да и кинулъ его черезъ плетень. Молвилъ ему Алеша Поповичъ-младъ: «не увидалъ бы насъ Ѳома Беренниковъ, задастъ онъ намъ жару!»—Знать, вся сила не въ конѣ, а въ самомъ молодцѣ! говоритъ Илья-Муромецъ и подводитъ ту клячу Ѳомѣ Беренникову. Ѳома садится на лошадь и говоритъ самъ съ собою: «дай, лучше глаза завяжу; все не такъ страшно будетъ лютую смерть принимать!» Завязалъ глаза платкомъ и прилёгъ къ лошаденкѣ. Королевскій богатырь смотритъ: «вотъ, думаетъ, вояка! глаза завязалъ—значитъ: на себя надѣется! Да, вѣдь, я не хуже тебя, и самъ то же сдѣлаю!» Только завязалъ онъ глаза да пригнулся къ своему богатырскому коню, а ужъ Ѳомкѣ наскучило ждать; глянулъ Ѳомка, смекнулъ—въ чемъ дѣло, выхватилъ у богатыря мечъ-клкаденецъ и тѣмъ мечемъ отсѣкъ ему голову. Беретъ онъ коня богатырскаго, хочетъ на него сѣсть, да никакъ не влѣзетъ; привязалъ того коня къ столѣтнему дубу, взобрался на дерево и вспрыгнулъ на сѣдло. Почуялъ конь сѣдока, какъ рванется —и вырвалъ дубъ съ корнемъ вонъ; летитъ во всю мочь богатырскую и волочитъ за собою громадный дубъ. Ѳома Беренниковъ кричитъ: «помогите, помогите!» Непріятели дрогнули и побѣжали съ испугу врозь; богатырскій конь ихъ ногами топчетъ да столѣтнимъ дубомъ бьетъ: всѣхъ перебилъ до единаго! Вотъ и пишетъ невѣрный король къ Ѳомѣ Беренникову грамотку: никогда не

буду съ тобой воевать. А Ѳомкѣ то и надобно!... И дивуются Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ-младъ тому Ѳомкѣ Беренникову.

Пріѣзжаетъ Ѳомка къ Бѣлому царю. «Чѣмъ тебя жаловать? спрашиваетъ царь, бери казны золотой, сколько надобно, или полцарства моего, или царевну прекрасную».—Давай царевну да позови на свадьбу меньшихъ моихъ братьевъ Илью-Муромца да Алёшу Поповича-млада. И женился Ѳома Беренниковъ на прекрасной царевнѣ, жилъ съ нею долго и счастливо и до самой смерти слылъ сильно-могучимъ богатыремъ.

88. Хорошо да худо.

Встрѣтились на дорогѣ баринъ да мужикъ. «Мужикъ, откуда ты?»—Издалеча, баринъ! «А откуда?» —Изъ города Ростова, а барина Толстова. «А великъ ли городъ?»—Не мѣрилъ. «А силенъ?»—Не боролся. «Чтожъ тамъ по чемъ?»—Рожь да овесъ по мѣшкамъ, табакъ по рожкамъ, пряники по лавкамъ, калачи по санкамъ. «А зачѣмъ ѣздилъ?»—За покупкой дорогою: за мѣрою гороха. «Вотъ это хорошо!»—Хорошо, да не дюже! «А что жъ?»—Ѣхалъ пьяный, да разсыпалъ. «Вотъ это худо!»—Худо, да не дюже! «А что жъ»?—Разсыпалъ-то мѣру, а подгребъ-то двѣ! «А вотъ это хорошо!»—Хорошо, да не дюже! «Да что жъ?»—Посѣялъ, да рѣдокъ. «Вотъ это худо!»—Худо, да не дюже! «А

что жъ?»—Хоть рѣдокъ, да стручистъ! «Вотъ это хорошо!»—Хорошо, да не совсѣмъ! «А что жъ?»—Поповы свиньи повадились горохъ топтать-топтать—да и вытоптали. «Этакъ худо!»—Худо, да недюже! «А что жъ?»—Я поповыхъ свиней убилъ, да два чана свѣжины насолилъ. «Вотъ это хорошо!»—Хорошо да не дюже! «А что жъ»? Поповы собаки повадились свѣжину таскать-таскать—да повытаскали. «Вотъ это худо!»—Худо, да не дюже! «А что жъ?»—Я тѣхъ собакъ убилъ, да женѣ шубу сшилъ. «Вотъ это хорошо!»—Хорошо, да не дюже!»—«А что жъ?»—Пошла моя жена мимо попова двора; попъ-то узналъ да шубку снялъ. «Вотъ это худо!»—Худо, да не дюже «А что жъ?»—Я съ попомъ судился-судился, сиваго мерина да рыжую корову спустилъ—вотъ мое дѣло и выгорѣло!

89. Не любо—не слушай.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужикъ; у него три сына: два умныхъ, третій дуракъ. Послалъ ихъ отецъ землю пахать. Вотъ, они пахали-пахали—до самого вечера; пришлось ночевать въ полѣ; надо на ужинъ кашу варить, да гдѣ огня раздобыть? Старшій братъ взлѣзъ на дерево, туда-сюда поглазѣлъ и увидѣлъ гдѣ-то невдалекѣ костеръ горитъ; слѣзъ съ дерева и пошелъ въ ту сторону. Приходитъ къ сѣдому ста-

рику: «здравствуй, добрый человѣкъ! дай огня».— Нѣтъ, братъ! скажи небыль, тогда и огня дамъ; а скажешь быль—изъ спины ремень выкрою. Сталъ ему мужикъ сказывать; что ни скажетъ, все быль да быль, повалилъ его старикъ наземь, выкроилъ изъ спины ремень и отпустилъ къ братьямъ. Пошелъ средній добывать огня, дошелъ до старика: «здравствуй, добрый человѣкъ! дай огня».—А скажи, братъ, небыль, тогда и огня дамъ; а скажешь быль—изъ спины ремень выкрою. И этотъ мужикъ что ни скажетъ, все быль да быль; старикъ выкроилъ изъ его спины ремень и отпустилъ къ братьямъ. Воротился средній братъ и говоритъ младшему: «ступай ты, братъ! тебя звали». Пошелъ младшій: «здравствуй, добрый человѣкъ! дай огня».— Скажи небыль, тогда и огня дамъ; а коли быль скажешь—изъ спины ремень выкрою. «Ладно, старый старичище! только, чуръ, не перебивать, а перебьешь—изъ твоей спины три ремня вырѣзать». И сталъ сказывать: «было насъ у отца у матери три брата, да была у насъ лошаденка пѣгинькая: я на ней въ лѣсъ ѣзжалъ—дрова рубилъ, домой возилъ. Какъ-то вздумалъ я и поѣхалъ верхомъ, а топоръ былъ у меня за поясомъ; лошадь-то бѣжитъ— трюхъ, трюхъ, а топоръ по спинѣ ее стукъ, стукъ! стукалъ-стукалъ и отсѣкъ у лошади задъ. Вотъ я на одномъ передкѣ три года ѣздилъ, да потомъ усмотрѣлъ въ лугахъ задокъ моей лошади: ходитъ онъ и траву щиплетъ. Я взялъ поймалъ его и пришилъ къ передку, пришилъ да еще три года ѣз-

дилъ. Братья отъ меня не отставали, вмѣстѣ со мной по чисту полю гуляли. Разъ поѣхали мы, не знаю куда; пріѣхали на базаръ, спрашиваемъ: люди добрые! что дешево и что дорого?—Дешевы за моремъ коровы, дороги мухи; за муху съ мушенкомъ даютъ корову съ теленкомъ, за крупныхъ оводовъ—большихъ быковъ. Наловили мы тутъ мухъ цѣлыхъ три куля, пріѣхали къ морю синему. Какъ намъ перепpавиться? сине море широко и глубоко. Братья плакать-горевать, а я не тужу да пѣсни пою; сѣлъ на куль, переплылъ море и намѣнялъ коровъ да быковъ три табуна. Взяло меня раздумье, какъ назадъ ворочаться? Если корабли нанимать—дорого возьмутъ; если стадо плавкомъ пускать—половина потонетъ. Вотъ я схватилъ одну корову за хвостъ, махалъ-махалъ, да какъ пущу—такъ на другой берегъ и ткнулась, разъ-другой на лету перевернулась. Перемахалъ я всѣ три табуна; оставался одинъ быкъ-бурище. Взялъ и его за хвостъ, обвилъ кругомъ руки крѣпко-накрѣпко, собрался съ силою, развернулся, да какъ махну—такъ вмѣстѣ съ быкомъ и перелетѣлъ за море. Тутъ услыхалъ я, что на небѣ люди босикомъ ходятъ, и задумалъ тамъ побывать, сапогами промышлять. Товаръ-то у меня некупленный; перебилъ коровъ да быковъ, захватилъ съ собой кожи и полѣзъ на небо. Туда-то не хитро влѣзть, какъ назадъ воротиться? Втѣпоры я догадливъ былъ: оставалось у меня съ десятокъ кожъ; я тѣ кожи на ремни порѣзалъ, ремни зацѣпилъ за сваю, сваю вколотилъ въ облако и

пошелъ спускаться. Еще далеко-далеко до земли, а ремней не достало. Только я не тужу, по сторонамъ гляжу: попъ овесъ вѣетъ, полова вверхъ летитъ. Я скорѣй полову ловить да веревку вить; вилъ-вилъ, мертвую крысу завилъ. Ни съ того, ни съ сего крыса ожила, принялась за веревку, грызла, грызла, совсѣмъ перегрызла. Я упалъ да въ тинѣ застрялъ. Прибѣжала супоросая лиса, на моей головѣ гнѣздо свила, семерыхъ лисенятъ принесла. Шелъ мимо сѣрый волкъ, лисенятъ уволокъ: «за лисою приду, все гнѣздо разорю!» Я тѣмъ временемъ вытащилъ изъ болота руки, и только пришелъ сѣрый волкъ гнѣздо разорять,—я хватилъ его за хвостъ. Тю-тю-тю! Волкъ бѣжать: разъ рванулъ—меня вытянулъ, въ другой рванулъ—хвостъ оборвалъ. Я взялъ хвостъ, распоролъ, тамъ ящикъ нашелъ, въ ящикѣ—грамотка, а въ грамоткѣ написано, что твой отецъ моему отцу будетъ вѣкъ платить кабалы, напраслины»...—Что ты, дуракъ! когда это было? перебилъ старикъ. «Эхъ, старый чортъ! не вытерпѣлъ; подавай изъ спины три ремня», сказалъ мужикъ; выкроилъ три ремня, взялъ огня и воротился къ братьямъ: «вотъ вамъ огонь, варите-ка кашу!»

Бывали-живали старикъ да старушка. У старика, у старушки былъ сынъ Иванъ. Жили они ни много, ни мало; старикъ померъ, а сынъ выросъ. Старуха напряла два мотка. Въ то

самое времячко занадобилось Ивану ѣхать на ярмарку, сталъ проситься у матери: «я поѣду, мати, на ярмарку: стану торговать, изъ кармановъ воровать; наторгую много денегъ и буду богатъ!» —Что ты, дитятко! говоритъ ему мать, этакъ не ладно. «Небось, ладно будетъ!» Взялъ онъ у старухи мотки прядены, пріѣхалъ на ярмарку и началъ торговать; продалъ на десятокъ рублей, да укралъ девяносто—стало всѣхъ денегъ сто рублей. Накупилъ себѣ пряниковъ да меду, сѣлъ на возъ и поѣхалъ домой. Ѣдетъ-не ѣдетъ, все пряники въ медъ макаетъ да въ ротъ пихаетъ. Попался ему на дорогѣ баринъ: скачетъ на лихой четвернѣ. Увидалъ баринъ Ивана, остановился и говоритъ ему: «что ты, мужичекъ, больно роскошно кушаешь? Кажись бы, пряники можно и такъ ѣсть; а ты еще въ медъ макаешь!»—Какъ же мнѣ роскошно не ѣсть! отвѣчаетъ Иванъ барину: ѣздилъ я въ торгъ торговать, выторговалъ десять, да укралъ девяносто рублей; а съ тебя хоть бы двѣсти взять. «А, ну, ухитрись!» —Давай-ка, баринъ, уговоръ положимъ: коли ты мнѣ молвишь: врешь! —съ тебя двѣсти рублей; а коли удержишься —дѣлай со мной, что самъ знаешь. «Ладно!» говоритъ баринъ. Вотъ ударили они по рукамъ, и началъ Иванъ сказку сказывать: «Былъ я у отца съ матерью малешенекъ; пошелъ въ лѣсъ, увидалъ въ лѣсу дерево, а въ деревѣ дупло, а вь дуплѣ-то жареные перепелята гнѣздо свили. Сунулъ я въ дупло руку—не лѣзетъ, сунулъ ногу—не лѣзетъ; я согнулся да прыгъ—и вскочилъ

туда весь. Наѣлся-накушался, захотѣлъ вылѣзть: не тутъ-то было! больно толстъ отъ ѣды сдѣлался, и дыра мала. Я, добрый молодецъ, догадался, сбѣгалъ домой за топоромъ, прорубилъ дыру и вылѣзъ. Вздумалось тогда напиться; пришелъ я къ морю, снялъ съ головы черепъ, зачерпнулъ воды и напился. Все бы ладно, да уронилъ черепъ въ воду. Глянь—а онъ середь моря плаваетъ, утки-гуси въ немъ гнѣзда подѣлали да яицъ нанесли. Что дѣлать? разъ топоромъ кинулъ—не докинулъ, въ другой кинулъ—перекинулъ, а въ третій совсѣмъ не попалъ. Вотъ такъ-то я всѣхъ гусей-утокъ побилъ; яйца сами улетѣли. Опосля того зашелъ я по конецъ моря и зажегъ его: какъ все море выгорѣло—я досталъ свой черепъ и пошелъ по бѣлу-свѣту разгуливать».

—Сказывай, сказывай, мужичекъ! говоритъ баринъ: все это правда истинная!

«Поѣхалъ я въ лѣсъ за дровами. Пока тамъ-сямъ бродилъ да дрова рубилъ, сѣрые волки набѣжали, у моей лошаденки брюхо разорвали. Только я догадливъ былъ: вырубилъ березовый прутъ, да бѣгомъ къ лошади; кишки всѣ собралъ, въ брюхо поклалъ и зашилъ березовымъ прутомъ. Наложилъ цѣлый возъ дровъ и сталъ въ путь собираться, трогаю лошадь, а она ни съ мѣста! Что за диво? Смотрю, а березовый-то прутъ выросъ высоко-высоко, такъ за облака и задѣваетъ верхушкою. Вотъ я полѣзъ на небо; все тамъ выглядѣлъ, все тамъ высмотрѣлъ. Пора и назадъ спускаться; на мою

бѣду лошаденка съ мѣста дернула и свалила вербу. Какъ быть, чѣмъ горю пособить? Набралъ я пыли-копоти, свилъ канатъ, привязалъ его за облако и давай спускаться внизъ. Спускался-спускался, пока каната недостало. Что же я вздумалъ: сверху-то отрѣжу, да внизъ наставлю: отрѣжу да наставлю, отрѣжу да наставлю, а самъ внизъ спускаюсь. До того дошло, что рѣзать-то нечего, а до земли еще далеко! Вотъ поднялся сильный вѣтеръ: ужъ меня качало-качало, во всѣ стороны бросало! канатъ оборвался, я упалъ—чуть не убился, на тотъ свѣтъ провалился; видѣлъ тамъ всѣхъ покойниковъ: какъ мой-то батюшка на твоемъ отцѣ воду возитъ...»—Что ты врешь, дуракъ! закричалъ баринъ. А Ивану того только и надобно: взялъ съ барина по уговору двѣсти рублей и поѣхалъ домой. Мать ему обрадовалась: тотчасъ назвала гостей, сродниковъ, и подняли они великій пиръ; на томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, по усу текло, во рту сухо было. Дали мнѣ колпакъ, стали въ шею толкать; дали мнѣ шлыкъ, а я подъ ворота шмыгъ! Сказкѣ конецъ, а мнѣ меду корецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Лисичка-сестричка и волкъ . . . 5
2. Котъ и лиса . . . 8
3. Медвѣдь, собака и кошка . . . 12
4. Собака и дятелъ . . . 15
5. Журавль и цапля . . . 18
6. Золотая рыбка . . . 19
7. Морозко . . . 24
8. Василиса Прекрасная . . . 29
9. Царевичъ-козленочекъ . . . 39
10. Веріолка . . . 44
11. Марко Богатый и Василій Безчастный . . . 48
12. Солдатъ и смерть . . . 58
13. Разбойники . . . 66
14. Злая жена . . . 72
15. Лиса-повитуха . . . 75
16. Лиса-ночлежница . . . 76
17. Лиса, заяцъ и пѣтухъ . . . 79
18. Лиса-пустынница . . . 81
19. Лиса-лѣкарка . . . 83
20. Лиса-плачея . . . 85
21. Мужикъ, медвѣдь и лиса . . . 86
22. Старая хлѣбъ-соль забывается . . . 88
23. Овца, лиса и волкъ . . . 91
24. Звѣри въ ямѣ . . . 92
25. Лиса и тетеревъ . . . 95
26. Лиса и журавль . . . 96
27. Колобокъ . . . 97
28. Котъ, пѣтухъ и лиса . . . 99
29. Котъ и баранъ . . . 103
30. Волкъ и коза . . . 106
31. Волкъ-дурень . . . 108
32. Медвѣдь . . . 113
33. Коза рьяная, за боки дранная . . . 114
34. Зимовье звѣрей . . . 117
35. Медвѣдь и пѣтухъ . . . 120
36. Кочетъ и курица . . . 121
37. Смерть пѣтушка . . . —
38. Яичко . . . 124
39. Ворона и ракъ . . . 125
40. Пѣтушокъ золотой гребешекъ и жерновки . . . 126

		Стр.
41.	Лѣсной гнетъ	128
42.	Теремокъ мышки	129
43.	Мизгирь	130
44.	Сказка о томъ, какъ судился лещъ съ ершомъ	132
45.	Жадная старуха	137
46.	Козьма Скоробогатый	140
47.	Пузырь, соломинка и лапоть	146
48.	Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ	147
49.	Вѣдьма и Солнцева сестра	149
50.	Дочь и падчерица	154
51.	Буренушка	157
52.	Баба-яга	160
53.	Заморышекъ	163
54.	Ивашко и вѣдьма	168
55.	Князь Данило-говорило	173
56.	Правда и кривда	178
57.	Чудесная дудка	184
58.	Птичій языкъ	187
59.	Охотникъ и его жена	190
60.	Хитрая наука	192
61.	Диво дивное	199
62.	Счастливое дитя	203
63.	Скорый гонецъ	206
64.	Царевна сѣра-утица	215
65.	Арысь-поле	219
66.	Царевна-лягушка	220
67.	Мальчикъ-съ-пальчикъ	227
68.	Лихо одноглазое	230
69.	Горе	233
70.	Двѣ доли	239
71.	Чортъ и горшечникъ	242
72.	Чортъ и кузнецъ	245
73.	Горшеня	249
74.	Мудрые отвѣты	252
75.	Дочь-семилѣтка	253
76.	Гуси	257
77.	Солдатскія проказы	259
78.	Вороватый мужикъ	263
79.	Морока	266
80.	Знахарь	271
81.	Сенька Малый	274
82.	Иванушка-дурачекъ	279
83.	Дуракъ и береза	283
84.	Набитый дуракъ	286
85.	Мѣна	288
86.	Жена-доказчица	291
87.	Ѳома Беренниковъ	295
88.	Хорошо да худо	299
89.	Не любо—не слушай	300

ЦѢНА 1 РУБ. 75 КОП.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1898.